

ВЕЛАСКЕС

М. Дмитриченко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЕЛАСКЕС

ХУД
ЖИЗНЬ

М. Дмитриченко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 30
(418)

МОСКВА
1965

М. Дмитриенко

ВЕЛАСКЕС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВЕКА

Есть в Андалузии в долине Гвадалквивира прекрасный город — Севилья. Далеко за пределами могучей Испании знают этот торговый порт — гордость великой державы. Сюда, в край самых неожиданных контрастов, в страну мрачного великолепия соборов и буйной веселости народных празднеств, стекаются со всего света богатства. Тяжело груженные корабли из Англии, Франции, Фландрии, Италии, Греции, Генуи, Португалии везут ковры и хрусталь, шерсть и шелка, парчу и меха, драгоценности. Дважды в год прибывают караваны судов из Америки — с золотом для королевской казны и изделиями американских колоний для рынка. Связанная полноводным Гвадалквивиром с Атлантическим океаном, Севилья уверенно обогнала другие испанские города и стала по праву считаться основным связующим звеном между Европой и Америкой.

Но не только привозные сокровища составляют славу этой андалузской жемчужины. В разных концах земли, куда только заходят караваны испанских судов с хлопком, оливками, шафраном, перцем, сахаром, фруктами, мрамором, можно услышать рассказы о красоте Севильи. Природа щедро оделила Андалузию. Ее долины укрыты коврами из пестрых цветов, ее горы, словно от-

хлынувшие и застывшие волны океана, благоухают запахом роз и мирт. Благодарные люди воздвигли среди этого удивительного великолепия чудесные строения, и от этого андалузская земля стала еще красивее.

Славу Севильи составляют еще и поэты, писатели, живописцы, воспевшие родную землю в своих творениях. Здесь умеют любить прекрасное. Вот почему нередко в торговых кварталах среди множества разнообразных товаров можно видеть дивные эмали из Китая, шедевры нидерландских живописцев и стопки переплетенных в тисненую кожу книг — стихи древних поэтов.

Раннее утро. Красавец город сладко спит в зелени апельсиновых и оливковых рощ, кипарисовых и миртовых садов. Но вот подул с гор ветерок, и за ним по пустынным улицам побежали, озорничая, первые солнечные лучи. На площади они разбудили фонтан, и тот, фыркнув, брызнул им вдогонку сотнями мельчайших струй, отчего в воздухе повисла праздничная радуга. Город просыпался...

А в небольшом скромном доме под номером восемь на узкой и извилистой Кале де ля Горгоха не спали уже давно. Донья Херонима еще ночью почувствовала, что событие, которое с нетерпением ожидали в семье де Сильва, должно наступить именно сегодня. Она лежала и вслушивалась в себя. «Это обязательно должен быть мальчик, — думала она, — сильный, мужественный, честный, как его предки». Взгляд женщины скользнул по портретам строгих грандов, и она улыбнулась — немного им, но больше ему, своему долгожданному.

За окнами тем временем уже шумела Севилья. Вот по улице прогромыхала высоченная повозка, груженная цветами. На крутом повороте ее громадное колесо подвернулось, соскочило с оси и побежало вниз, подпрыгивая под веселые крики мальчишек. Огорченный возница хлопнул в сердцах шляпой об землю, как это сделал бы на его месте любой возница в мире. Такая досада! Ведь цветы — товар не долговечный, повянут. Вдруг двери в домике напро-

тив широко распахнулись, и со ступенек сбежал высокий стройный сеньор. Черные его кудри от быстрой ходьбы развевались, открывая высокий лоб. Глаза счастливо смеялись.

— Сколько? — Крестьянин не верил своим ушам. — Сеньор хочет купить все?

— Все, все! У меня родился сын!

В доме ждали священника. Мать доньи Херонимы, почтенная и знатная сеньора Каталина Веласкес-и-Буэн Ростро-и-де Сайас то и дело смотрела из калитки патио* на улицу — не видно ли уважаемого дона Григорио де Саласара, старого друга их семьи и священника прихода: мальчика пора крестить.

...Пабло де Охеда, нареченный крестным отцом, бережно внес в церковь доверенную ему ношу. В соборе стояла та чуткая тишина, которая царит лишь в заброшенных домах, музеях да еще церквях. Ее легко спугнуть одним громким словом, и тогда она, гонимая хлестким звонким эхом, забьется в полутемные углы и будет оттуда настороженно слушать.

Отец Саласар взял на руки младенца. Старый священник многое повидал на своем веку. Но каждый раз, принимая в руки маленького человека, только что пришедшего в жизнь, старый священник волновался. Если бы вместе с именем можно было дать ребенку и счастье, большое человеческое счастье! Отец Саласар поднял голову. На него выжидательно смотрел отец младенца — дон Хуан.

— Диего — очень красивое имя, дети мои, — промолвил священник неторопливо, — этим именем называли многих достойных людей. Пусть же и наш мальчик наречется Диего. «In saecula saeculorum»** — торжественно прозвучали последние слова молитвы, и тишина выдохнула из всех углов: «Амен».

Отец Саласар проводил процессию до самых церковных ступенек. Потом вернулся к себе, достал боль-

* Внутреннего дворика (исп.).

** Во веки веков! (лат.).

шую книгу и аккуратно сделал очередную запись: «Сегодня, в воскресенье 6 июня 1599 года от Р. Х., в севильской церкви Сан-Педро крещен мальчик именем Диего. Отец его дон Хуан Родригес де Сильва происходит из древнего дворянского португальского рода из Опорто, мать, донья Херонима Веласкес, дочь знатных уважаемых родителей из Севильи, — тоже древнейшего рода». Он поставил точку и задумался.

1599 год. Последний рубеж XVI века. Чем добрым помянуть этот уходящий в прошлое век? Давно миновали времена, когда Испания, молодая и дерзкая, уверенно шла к вершине своего могущества, становясь первой державой Европы. То время стало достоянием хроник, наступила новая эра. И его, отца Саласара, соотечественники ринулись за океан, где именем короля и святой веры захватили обширные земли. «Словно своей земли было мало, — с горечью думал старик. — Напоить бы ее досыта. Обласкать руками хлебопашца. Воздала бы земля сторицей за праведные труды». Но сыны Испании вместо плуга взяли за мечи — грабили чужие народы. Золото уже не дождем, а рекою текло в страну. Громадное количество новых денег вызвало вздорожание всех товаров. Отечественные изделия на рынке покупать вовсе перестали: заморские оказались дешевле. Золота было так много, что блеск его опьянил даже самых трезвых, и они проглядели главное: в сиянии драгоценного металла на испанскую землю сошла нищета. Сокровища протекали сквозь страну подобно реке среди дюн — не принося плодородия. И держава-колосс стала постепенно умирать. Слабая промышленность не могла соперничать с промышленностью других стран. Закрывались мастерские, мануфактуры. Трудовой люд — ткачи, оружейники, гончары, кожевники — разорялись, становились бродягами и нищими. Казалось, что нищенская сума стала в Испании модной. Горькая ирония судьбы! Все это происходило в государстве, которое переживало время своего величайшего внешнего блеска.

Отец Саласар хорошо помнил всю эпоху царствования теперь почившего Филиппа II. В те годы испанские знамена уже развевались над обоими полушариями. Король думал лишь о том, как удерживать в повиновении завоеванные земли, мнил себя повелителем вселенной, мечтал диктовать свою волю Европе. Его собственная страна постепенно разорялась, а он ревностно участвовал во всех религиозных войнах. «Кому это было нужно, да простит меня бог? Или король только во славу свою лишал жизни многих людей, проливая потоки крови в Германии и Нидерландах, оставлял плачущих детей на пепелищах в опустошенной Франции?» Войны разоряли и саму Испанию, толкали ее к бесчестию и упадку. Поражения на полях битв заставляли искать «виновных» в самой стране. Усилилась «охота за ведьмами». Религиозные фанатики обрушивались на всякое проявление свободной мысли. Зловеще пылали костры инквизиции, сжигая и вольнодумцев и книги, которые «казнили» наравне с людьми... «Как случилось, — качал седую голову отец Саласар, — что призванные служить богу священники и монахи, отказавшись от праведных дел, превратились в палачей?»

Тут, на какой-то невидимой черте, кончалось его понимание всего того, что происходило в стране, в его до боли любимой Испании, за счастливую судьбу которой каждодневно молил он бога. «Так пусть же рождается у Испании побольше сынов, озаренных гением таланта, — думал старик. — Может, они сумеют то, чего не судилось отцам?» Он еще ниже склонил голову над прерванной записью. Кем он станет, тот мальчик, крещенный сегодня? Полководцем и отважным воином, как его знатный предок, или он займется торговлей, ведь теперь идалго разрешается промышлять и торговать? Ничего не подделаешь, трудные времена наступили для всех. А может, он станет великим поэтом? Кем бы ни вырос он — пусть будет человеком.

Откуда было знать старому Саласару, что именно в тот день в Севилье родился человек, которому суждено будет стать гордостью «золотого века» испан-

ского искусства. Всесильного искусства, освещенного пламенем любви к людям, способного будить в их сердцах высокие идеалы. Да, в тот последний год века родился у Испании великий художник, чье имя золотом впишут потомки в летописи мировой истории. Пока же все это было в будущем — в грядущем веке.

-Т

ы стал уже совсем большим, сын мой, — сказал отец Саласар восьмилетнему Диего, который по обычаю зашел к нему перед вечером в церковь. — Настало время, мальчик, показать тебе жизнь. Каждый человек должен, наконец, научиться видеть.

— Видеть? Что вы, падре! — потрянул кольцами длинных смоляных кудрей Диего. — У меня хорошие глаза. Когда бабушка Каталина наносит узоры, я вожу ее угольком...

Падре не дал Диего закончить торопливый рассказ. Он взял мальчика за руку и вывел на середину церкви. Повинуясь его жесту, Диего поднял голову. Прямо перед ними во всю ширину стены висело полотно. Там, в вышине, Санта Мария шла по облакам, бережно неся на руках своего сына младенца Христа. Не в первый раз видел Диего это полотно, но в первый раз, слушая пояснения отца Саласара, он понял смысл происходящего. Живая женщина, женщина-мать была перед ним. Ему даже показалось, что она тихонько вздохнула, он стал пристальнее вглядываться в ее развевающееся покрывало и внезапно обмер: край его дрожал! Лучи света, падая с высоты, освещали лишь часть стены, и он живо представил себе, что еще минута — и женщина сделает шаг-второй вперед, выйдет из полутени за пределы картины. Она,

вся залитая солнечным светом, пойдет навстречу людям, неся им на вытянутых руках своего ребенка.

Мать отдавала свое дитя людям в надежде, что его муки спасут их от бед и лишений. В ее взгляде были и любовь, и тоска, и мольба...

Диего повернулся к отцу Саласару.

— Кто рисовал это, падре?

— Это был великий мастер, мой мальчик. Случилось так, что искусство стало ему дороже всего на свете. Он не отказался от него даже за такую цену, как жизнь.

— И что же, он умер?

— Да, умер. Он написал вот это полотно в несколько дней. Она, — отец Саласар поднял на мадонну глаза, — пришла к нему вот такую. Во сне ли, наяву — никто этого не знает. А может, он ее сердцем увидел. Говорят, у художников есть такой дар. Увидел и воссоздал — для людей. А кто-то, гореть ему на вечном огне, донес в Santa casa *. Завистник, очевидно, а может быть, просто черная душа. Суд святой инквизиции заседал долго. Он предложил маэстро уничтожить картину самому. Признали, что не похожа его мадонна на божью мать, словно кто-то из них мог сказать, какая она была на самом деле!

— Он отказался, да? — голос Диего дрожал. — Пусть бы исполнили приговор Санта Каса. Прошло бы время — написал другую, может, еще лучше прежней.

— Нет, мой сын. Человек не должен отказываться от своих дел, от творения рук своих. Что же он за человек тогда? Нет, — качал седою головою старик, — он сам умер, а ей завещал нести от его имени красоту.

— Как же ее не сожгли?

— Ее арестовали. Как человека. Потом бросили в тюрьму. Подвал монастыря признали для этого подходящим местом. Прошли годы, о картине забыли. А когда случайно нашли, то к тому времени

* «Святой дом» — инквизиция (исп.).

все судьи давно умерли, уже почти никто не помнил, почему картина оказалась в темнице. Вытащили на свет божий полотно — и изумились. Все в один голос признали: такая красота! И повесили вот в нашем приходе. Не печалься о художнике, дитя, пока жива картина, мастер не умирает. В этом смысл жизни великих. До сегодня о ней знал только я, а теперь будешь знать ты. Это бессмертие художника и настоящего человека.

Старик вывел мальчика из храма. Они шли улицами города мимо хаотически разбросанных белых домиков с тенистыми зелеными патио, шли, и каждый думал о своем. Мальчик крепко держал за руку падре, словно искал опоры при вступлении в новый для него мир — прекрасный и непонятный.

Взору их открылась площадь Майор — центральная площадь города. Там в январе 1481 года состоялось первое в Испании аутодафе. Именно отсюда начала свой поход на ересь беспощадная и жестокая инквизиция. Вооруженная широкой системой шпионажа, кодексами, она хотела искоренить на испанской земле сам дух всякого свободомыслия. Но, вопреки всему, он продолжал жить. С помощью инквизиции церковь превратилась в самое страшное оружие абсолютизма.

Много названий знала эта площадь в старину. Среди них «ступень в рай» и даже «врата любви». Здесь казнили еретиков, и названия эти звучали насмешкой. То, что происходило на площади Майор, было так далеко от любви.

Совсем еще недавно на этой площади аутодафе происходили каждый день. Отец Саласар хорошо помнил, как шли вереницею на казнь обреченные. У каждого во рту была «железная груша», дабы никто не мог произнести последнего слова. Впереди шествовали дети, наряженные ангелами, девушки в белом пели отправные молитвы. Важно выступало духовенство, монахи в белых и черных саванах с факелами, позади всей процессии шло войско.

Мальчик внимательно слушал своего учителя. Отец Саласар чувствовал: семена должны дать

всходы — Диего будет ненавидеть насилие и произвол. Как знать, может, он станет хорошим художником, ведь как отлично рисует. Все свои тетради разрисовал. Может, в будущем создаст полотно, достойное вечности, на котором изобразит все, о чем сегодня слышал. Пусть знают потомки об ужасах прошлого и никогда не допустят подобного еще раз. Нужно только научить мальчика видеть жизнь, правильно видеть, а не в кривом зеркале.

Они шли дальше мимо причудливых домиков цирюльников, выкрашенных в зеленый или голубой цвет, с желтыми полосами. Из окон виднелись выставленные напоказ головы манекенов в париках, банки с пиявками и инструменты для различных операций. Веселый народ цирюльники! Не только исправно бреют, но и дергают зубы, ставят пиявки, пускают кровь. Мальчик и старик стали свидетелями интересной сцены: ловкий мастер, бросив гитару, быстро обслуживал своего клиента, запихнув ему за щеку большой орех, чтобы было удобнее брить. Между делом он рассказывал о последних городских новостях. Еще бы! Цирюльник должен знать все. К нему ведь в мастерскую ходят как в клуб.

Мальчик жадно всматривался в открывшийся ему внезапно мир. Вот кузнец в ожидании работы чистит у дверей кузницы инструмент. Толпа полуголых мальчишек играет посреди улицы в бой быков. Вот прошел, звеня ключами, ночной сторож — серено, который может помочь каждому открыть его дом, скажет время, подсобит в работе. Проехал на ослике щеголь, насвистывая сарсуэлу *. На седоке куртка, вышитая пестрыми арабесками, синие в обтяжку штаны с множеством металлических пуговиц по бокам шва, высокие, до колен, кожаные штиблеты, прошитые шелковыми узорами, и белые чулки. Картину дополняли шелковый цветастый платок, обмотанный вокруг шеи, и низкая с загнутыми полями шляпа, лихо надетая набекрень.

* Песенку легкого содержания (исп.).

— Скажите, падре, почему вы решили показать мне все это? — глаза мальчика испытующе смотрят на учителя.

— Дорогой мой, каждый человек обязан знать свою отчизну. Может статься, ты вырастешь и покинешь наш город, будешь жить в чужой стороне. Не годится человеку забывать родную землю. А захочешь вспомнить ее — и не сможешь. Ничего не останется в памяти, не приведи бог. Так вот теперь смотри, внимательно смотри на людей, на их обычаи и нравы, на дома, воздвигнутые нашими предками, на храмы. В твоём сердце они должны найти своё место.

— А почему именно сегодня?

— Я стар, сын мой. Могу завтра уже не успеть показать тебе всего. У людей таких, как я, завтра может не наступить. Я вижу, ты любишь рисовать. Но если хочешь стать настоящим художником, научись смотреть и видеть. Неизвестно, кто будет твоими учителями. Свидетель бог, я не хочу наводить напраслину на людей, которых не видел и не знаю! Но укажут ли они тебе правильную дорогу? А я понял, кажется, что нужно тебе, мальчик.

С этого дня в самых разных концах шумной, говорливой Севильи можно было видеть старого священника и мальчика, чинно шествовавших улицами.

Они подолгу простаивали у древних храмов, воздвигнутых руками трудолюбивых мавров. И мудрый старик рассказывал своему ученику историю этого народа, которая больше походила на прекрасную сказку из «Тысячи и одной ночи».

Это было давным-давно. Повинуясь голосу пророка, арабы двинули свои бродячие племена на запад и дошли до берегов Атлантики. Слово Магомета несли арабы в чужие земли. Но со временем, когда их воинственный пыл улегся, воины спешили с коней, обратили взоры на землю и стали украшать ее. Всюду, куда ни бросишь взгляд и сегодня, видны следы их многовекового труда. Они засадили огромные равнины прекрасными садами, привезли новые

культуры из восточных стран — рис, сахарный тростник, гранатовое дерево. И везде, где только было можно, сажали розы — свой любимый цветок.

А потом они — те, кто когда-то сжег великолепную библиотеку в Александрии, — вдруг с жадностью обратились к наукам. Они по крупицам собирали памятники греческой и римской мудрости, переводили книги на свой язык. Их государи — халифы и эмиры — приглашали к своему двору ученых со всего света, без различия веры, создавали академии и школы. Расцвела Испания.

Арабы не вмешивались ни в быт, ни в верования побежденных. Все народности, населявшие страну, уравнивались в правах. В арабской Испании было 70 публичных библиотек, всегда открытых для всех желающих. Управитель главной библиотеки считался высоким лицом в государстве, эта должность была очень почетной. Небывалых высот достигли астрономия, медицина, математика, ботаника, музыка и поэзия.

Во славу пророка в городах возводились мечети. Самую прекрасную из них воздвигли в Севилье в X веке. По преданию строил ее архитектор аль-Гебор (будто бы изобретатель алгебры). Века проносились над нею, а она стояла нерушимо, заставляя всех восторгаться собою. Годы и землетрясения были бессильны. По своей величине мечеть уступала лишь одному храму в мире — римскому собору св. Петра. Ее розовая башня Хиральда, гордо устремленная ввысь, была хорошо видна отовсюду при въезде в Севилью. Кажется, что все свое искусство, все свое пылкое воображение вложили арабы в эту мечеть.

Позже, в XV — начале XVI века, мечеть была перестроена под собор. Переделали и Хиральду. Знаменитый архитектор Эрнан Руис поднял ее на несколько этажей ввысь, отчего она превратилась в самую изящную колокольню в мире. Над Хиральдой вместо обнесенной зубцами платформы возвели несколько этажей, уменьшающихся кверху. Башню венчала статуя Веры с хоругвью в руках.

О гордой красавице башне жила в народе леген-

да. Когда король Кастильский, гласила она, отвоевал у арабов Севилью, горю проигравших сражение не было предела. Но не о своей судьбе заботились арабы в этот горький час. Все думы их были обращены к Хиральде. Посоветовавшись, послали они к королю-победителю послов, прося избавить Хиральду от позора быть побежденной, и предложили ему колоссальный выкуп за право разобрать ее по камням. Не согласился король на уговоры. Ибо кто хоть раз видел это бело-розовое чудо, не мог не оценить дива. Башня осталась стоять.

Девять дверей вели внутрь храма. Падре повел мальчика через вход Крокодила. Не ищите среди официальных названий порталов этого слова. Люди сами придумали ему такое имя. Дело в том, что у входа внутри собора висел на цепях огромный высушенный крокодил, набитый соломой. Его еще в 1260 году подарил королю Альфонсу египетский султан. С тех пор он и висит в соборе.

Приподняв тяжелый кожаный полог, заменявший дверь, путники очутились внутри. Гигантские столбы-колонны уводили взгляд вверх. Мальчик поднял голову. Там, на неимоверной высоте, поддерживая своды, колонны казались необычайно ажурными и легкими. Самих сводов почти не было видно, они лишь угадывались, подернутые фантастическими тенями от остывающего дыма свечей.

Главный алтарь посреди церкви во всю свою ширину с трех сторон был покрыт великолепной резьбой по дереву. Тут господствовала готика с присущей ей строгостью рвущихся к небу линий. На стене слева сквозь свежие краски проглядывала позолота. Это витиеватая вязь древнего арабского письма упорно проступала по всей ветхозаветной росписи. Как только она обнаруживала себя, ее не менее упорно записывали новыми слоями красок.

Маленькому художнику казалось, что он попал в сказочный мир. Все, что его окружало, было полно таинственности и необыкновенности, которые присущи лишь древности.

Однажды отец Саласар принес мальчику неболь-

шую книгу в простом переплете, ничем не обращающем на себя внимания. «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

— Прочти, сын мой, — сказал он, протягивая ее Диего. — Я уверен, что ты по достоинству оценишь ее, она тебе обязательно понравится. Написал ее дон Сервантес — великого и редкого таланта человек.

Несколько дней спустя падре спросил Диего о книге. Мальчик, казалось, только и ждал этого. Он говорил торопливо, глотая слова, словно боялся, что его остановят. Диего принял славного рыцаря дона Кихота из Ламанчи всей душою. А бедный Санчо Панса? Он вечно попадает в смешные истории...

— Да, мой мальчик, — дав высказаться Диего, заговорил отец Саласар, — там действительно много смешных историй, но другим замечательна книга. Не удивляйся моим словам. Пройдет время, и ты поймешь, что старый Саласар был прав. Книга похожа на сказку, это верно. Но какая горькая и смелая правда сказана писателем о нашей бедной стране! Он не ослеп от блеска могущества Испании. У жизни, как и у платья, есть изнанка. Писатель увидел другую сторону медали. Внешнюю сторону видят все, а вот что там, внутри, — избранные. Ты понял?

— Но, падре...

— Не торопись, у тебя еще все впереди. Теперь же ты должен запомнить то, что я тебе сейчас прочту. Накрепко запомнить.

Священник открыл книгу и медленно, делая большие паузы, прочел:

— «Свобода... Это один из самых драгоценных даров, ниспосланных человеку небесами; с ней не сравниваются сокровища, которые таят в себе недра земли и скрывают морские волны; и наоборот, рабство — это одно из величайших несчастий, которые могут постигнуть людей». Где бы ты ни был, Диего, всегда умей постоять за свою свободу и уважай людей, которые борются за нее.

Вскоре отец Саласар по секрету сообщил своему

Диего новость. Родители Диего, видя старание и любознательность сына, решили отдать его в латинскую школу.

Мальчик принял сообщение настороженно. Он занимался дома с отцом Саласаром, это было привычно. Школа была неизвестностью, и она пугала.

Старый Саласар поспешил успокоить юного друга:

— Тебя многому научат в школе. Учителя откроют тебе двери в мир знаний. Литература и философия, искусство, история! Каким смыслом зазвучат для тебя эти слова! Я рад, что у моего Диего будут хорошие наставники.

Диего не устал задавать вопросы. В будущей жизни, где он выступал в роли ученика латинской школы, он обязательно хотел оставить место и для отца Саласара. Старика трогало, как мальчик заглядывал ему в глаза, обещая прибегать в храм каждодневно. Маленький человек боялся остаться один, без привычных ему людей.

В доме на Кале де ля Горгоха родители мальчика тоже постоянно возвращались к теме о школе. Донья Херонима, пристально наблюдавшая за изменениями, происходящими в младшем сыне, тревожилась. Раньше он был таким веселым и подвижным. А теперь сразу повзрослел, стал тихим, замкнутым. Мать и вовсе разволновалась, когда добрый гений их семьи отец Саласар принес тетрадки Диего: все их страницы были покрыты набросками. Уж не думает ли он, что мальчик должен, чего доброго, стать маляром? В их роду не было художников. Да и может ли человек добиться чего-то в жизни, стоя день за мольбертом?

Дон Хуан был другого мнения. Он, как и отец Саласар, считал, что у мальчика талант. Конечно, это не значит, что его занятия должны ограничиться только рисованием. Пройдет время, он может стать литератором. Но нет ничего плохого в том, что он рисует. Можно быть настоящим идадьго и одновременно большим художником. Талант не нанесет оскорбления предкам-дворянам.

Убедить донью Херониму было трудно. Она каждый раз поднимала глаза на портреты своих высокочтимых предков. Среди них центральное место занимал старый Диего Веласкес. Его имя громко гремело в дни реконквисты и конквистадоров. Основатель славного рыцарского ордена Калатрава *, воинственный гранд и первый губернатор острова Куба, он казался ей образцом для подражания. Таким хотела мать видеть и своего маленького Диего. Пусть говорят, что настоящий мастер своего дела, будь он художником, ничуть не хуже воина. Да, времена изменились, и в Севилье редко встретишь кавалера, не умеющего торговать. Но лучше было бы, чтобы ее сына ждала карьера юриста.

Донья Херонима согласилась на занятия мальчика живописью лишь тогда, когда муж пообещал отдать его учеником в мастерскую знаменитого Франсиско де Эрреры.

1609 год был страшным годом для Испании. Звонком мечей ознаменовалось его начало. Король Филипп III приказал произвести по всей стране военные приготовления. Из Италии отзывались старые испанские войска, на море был спущен весь имеющийся в наличии флот — сицилийские, португальские и каталонские галеры; призвана к оружию кастильская конница. По городам поползли зловеющие слухи — высказывались самые различные предположения и догадки. Поговаривали, что король дал торжественный обет святому Иакову — «за успешное окончание предприятия».

С кем же война? Это объявлен крестовый поход против арабского племени, которое мирно возделывало поля и сахарные плантации, против бедных, давно крещенных и обезоруженных морисков. Давняя ненависть некогда побежденных к победителям не давала покоя испанской знати и духовенству. Они забыли, что арабы превратили Испанию в цветущий

* Духовного рыцарского военного ордена. С 1523 года в Испании их было четыре — Сант-Яго, Калатрава, Алькантара и Монтеса.

сад, осушили ее болота, построили каналы, мосты и дороги, возвели прекрасные города. Не могли они простить им, что арабы завоевали их страну за два года, тогда как испанцам ради отвоевания своих земель понадобилось дать 3700 битв и истратить 800 лет! За это долгое время война против неверных вошла в обычай. Духовенство неистовствовало, высшие сановники церкви разжигали дикий, безудержный фанатизм у верующих. Арабам приписывались все смертные грехи. Их упрекали в том, что они, приняв новую веру, недостаточно ревностные католики и тайно исповедуют религию своего Магомета. Они-де не идут в священники и монахи, все женятся, а потому непомерно размножаются. В армии ведут себя как шпионы, монополизировали ремесло и торговлю и разбогатели так, что подкупают всех и вся, за что они заслуживают всяческого осуждения.

Так на протяжении десятков и сотен лет велась травля целого народа. А совсем недавно, при взятии Гранады, духовенство учинило чудовищный «акт веры». На огромном костре, разложенном на городской площади, было сожжено около миллиона томов. Книги и рукописи уничтожались только потому, что в них обнаруживали арабские буквы. Их нарекали «проклятым» именем корана и предавали всепожирающему огню. Чем не варварский праздник невежества! Морискам мстили даже за гуманизм их предков, которые были веротерпимы и разрешали всем «славить господа по обычаям и законам праотцов своих».

Но была и другая — главная — причина у этой войны. Их ненавидели и хотели от них избавиться, чтобы завладеть их имуществом, отобрать у них жилища и мастерские.

Католические святоши не могли этого сделать без разрешения и помощи короля. И вот 22 сентября свершилось то, о чем говорили в народе с самого начала года. В Валенсии был обнародован королевский декрет, основные пункты которого гласили: «Все мориски, как рожденные в Испании, так и чужеземцы, за исключением рабов, по истечении трех дней после

сообщения приказа обязаны явиться в порты для посадки на суда; разрешается им взять с собою столько движимого имущества, сколько они сумеют унести».

Вскоре власти издают новые декреты, касающиеся изгнания морисков из других областей — Кастилии, Ламаңчи, Гранады, Андалузии.

Земли многострадальной страны, вновь огласились криками о помощи. Каждый день приносил новые известия. То здесь, то там мориски решали не подчиняться приказу и оставались на местах. Иные изгоняли испанцев и брались за оружие, чтобы до конца отстаивать свою свободу и независимость. Народ роптал. Зачем гнать в неведомые края людей? Многие, не боясь быть услышанными, громко говорили, что они ничего дурного не думают о своих соседях-морисках, с которыми прожили бок о бок всю жизнь, и что мориски не меньше католики, чем сам папа римский.

Глухо гудела Севилья. На улицах толпились встревоженные жители. Но едва из переулка показывалась черная сутана, двери патио хлопали, поглощая людей: святая инквизиция всегда бодрствует, это помнили все. Непокойно было и в доме у де Сильва-и-Веласкес. Служанка Марианнелла лила горькие слезы — ее разлучали с любимым. Старая кухарка, сродни которой, пожалуй, было полгорода, целыми днями пропадала у своих.

— Херонима, — говорил вечером дон Хуан жене, — я сегодня был у Хуана Соролья. Там рассказывали, что многие идальго проявили великодушие и решили не давать своих вассалов в обиду. Чтобы их не убивали и не грабили по дороге, герцог Гандиа и маркиз Албайда сами провожают морисков к портам отправки в Берберию, а герцог Македа дал им вооруженное сопровождение до самого Орана.

— Не перевелись еще рыцари на свете, — вздыхала донья Херонима, — да пошлет им бог благословение.

Диего слышал все, занятый своим любимым делом. Перед ним лежали наброски. Вот двое морисков на конях скачут широкой равниной, прекрасная

чернокудрая арабская красавица с алой розой в волосах и младенец, протянувший руки к цветку.

Мальчик многое передумал за эти дни. Один вопрос не давал ему покоя: почему бог, великий и всемогущий, допускает на земле такие ужасы. Опять война! Что может быть ужаснее войны? А он, всезнающий и справедливый, не хочет помочь несчастным. Может, и вправду так велика их вина? Жаль, болен отец Саласар, он бы помог разобраться во многом. Правда, последнее время он не очень охотно отвечает на такие вопросы. И только однажды сказал, что если бы в жизни всегда побеждали не хитрость и сила, а честность, образование и трудолюбие, то арабы вечно могли бы жить в Испании. Что же имел в виду старый священник? Пока Диего размышлял, уголек под рукой послушно выводил замысловатые узоры, похожие и на арабскую вязь и на затаенливое заморское кружево.

Не мог знать будущий художник, что пройдет всего несколько лет и он вновь прочувствует сегодняшний день и, до конца разобравшись в происходящем, напишет прекрасное, достойное гения полотно.

Вопрос о дальнейшей судьбе Диего решился окончательно. Его отдавали в новую школу, известную далеко за пределами Севильи, — в мастерскую Франсиско Эрреры.

Переступив порог громадного дома, мальчик был поражен царящими здесь беспорядком и суетой. Казалось, мастерская наполнена множеством людей, они бежали из одной комнаты в другую, громко стучали каблуками, что-то делали и непрерывно говорили. Не меньше Диего был смущен и дон Хуан. В его доме всегда помнили, что одно из достоинств идадьго — спокойствие, и потому там всегда стояла тишина. Здесь же был настоящий базар.

Но вдруг все замерло. В комнату навстречу гостям вышел высокий худой человек лет тридцати четырех. Он стремительно подошел к Диего и двумя пальцами взял его за подбородок. В глаза мальчика глянули сверлящие черные без зрачков точки. Не давая опомниться вошедшим, дон Франсиско быстро пересек комнату по диагонали, схватил за конец свисающую с мольберта ткань и дернул.

Открылось дивное видение. Мальчик не отрывал глаз от полотна, на котором святой Василий, чья фигура была уже почти оконченной, вытянув руку, что-то говорил учени-

кам. Насладившись произведенным эффектом, мастер так же быстро задернул ткань.

— Он может остаться здесь, если хочет, — обратился Эррера к дону Хуану. И, подумав, добавил: — Если, конечно, вы не перепутали адрес и мальчику нужен учитель, а не нянька.

В ответ на эти слова за дверью хихикнули, и дон Франсиско, не обращая больше внимания на гостей, ринулся туда. В то же мгновение из-за стены донесся плач, а потом кто-то жалобно, со всхлипыванием запел молитву.

Дон Хуан повернулся к сыну. Но тот, казалось, ничего не видел и не слышал. Его взгляд был по-прежнему устремлен к мольберту, хотя ткань и скрывала изображение.

— Оставайся, он прекрасный мастер, хотя и странный человек. Будь внимателен и постигай секреты мастерства, — только и сказал сыну отец.

Так Диего начал учебу у живописца. Это была довольно странная школа. Здесь даже на уроках у маэстро кричали, спорили, дрались и плакали. Время от времени учитель утихомиривал непосед. Его грозный крик перекрывал их галдящий рой, и водворялась тишина, но ненадолго. Не проходило и получаса, как шум и визг разгорались с новой силой. Тогда дон Франсиско переходил к более решительным мерам. Кроме отборной базарной ругани и брани, на головы учеников сыпались удары линейки, по плечам гуляла трость с прикрепленным к ней углем для рисования. В такие минуты, а их было немало, доставалось и лентяям и прилежным.

Обстановка и все окружающее сильно подействовали на впечатлительного Диего. Он стал еще замкнутее, неразговорчивее и все свое время отдавал рисованию. У дона Франсиско (горожане называли его Эррера Старший) было чему поучиться. Талантлив он был вне всякого сомнения. Из его мастерской выходили совершенные полотна.

Среди всех художников Севильи Эррера отличался последовательной приверженностью реализму. Сюжеты приходили к маэстро прямо из жизни. На-

чинавшему самостоятельно писать Диего больше всего в его работах нравились жанровые композиции. У Эрреры научился Диего правдивости в изображении.

Часами наблюдал мальчик, как работал учитель. Когда вдохновение посещало Эрреру, он писал уверенно и быстро, широкими мазками. Но подчас, недовольный своей работой, маэстро вдруг хватал кувшин с краской и опрокидывал на полотно.

В стенах его мастерской начала складываться у молодого живописца индивидуальность письма. В школе за подражание старый маэстро жестоко наказывал. Учителя бесило, когда кто-либо из учеников без всяких возражений сносил его резкие суждения о своей работе. Кипятясь, он кричал о ложной скромности, о бездарности человека, не умеющего защитить свое дитя. Находясь в хорошем расположении духа, Эррера объяснял Диего особенности своей живописной манеры. У него обычно преобладали резкие переходы света и тени, причем общий тон оставался темным, а детали были тщательно, натуралистически выписаны. Пускался он и в длительные рассуждения о гениальности мастеров прошлого, которые оставили потомкам на зависть непревзойденные шедевры.

Диего любил его в минуты, когда он, весь перепачканный красками, садился в не менее живописно разукрашенное кресло и произносил монологи о гениальных мастерах живописи, о различных национальных школах, о жанровой картине, которая, по его мнению, прокладывает дорогу в будущее.

Вечерами в доме у отца Саласара Диего подробно рассказывал о проведенном дне. Нередко то была повесть о том, как он измучился от поисков сюжета, за которым мастер выгнал его на улицу. Зная пылкий, необузданный нрав маэстро, старик качал головой. Да, Эррера — талант, ему можно простить многое, глядя, как он работает. Учиться у него есть чему. И все-таки мальчику нужен иной учитель.

После долгих разговоров с доном Хуаном Веласкесом отцу Саласару удалось убедить его отдать Дие-

го в ученики к достопочтенному дону Пачеко. У Пачеко мальчик получит образование, это откроет ему дорогу в широкий мир. Ведь недаром сейчас в ходу пословица: «Тот не может называться кавалером, кто не обладает образованием». Дом Пачеко открыт для всех, кто любит науку и искусство. Даже в далеком Мадриде его дом славится как настоящая «академия» образованнейших людей. Вечерами в обширном его патио собираются друзья Пачеко — писатели, поэты, художники.

Большая и светлая усадьба Пачеко располагалась в самом сердце Севильи, возле Casa de Contraccion — Дома торговых сделок. На улице возле нее всегда было шумно. Горожане, купцы, чужестранцы по дороге на Торговую биржу останавливались здесь потолковать о делах и выпить в погребке у старого Родриго стакан кислейшего вина. Приходили сюда любители потанцевать и попеть, а иные взглянуть на дочь хозяина, прекрасную Марианнеллу. Очаровательной была она в танце. Страстная и порывистая, она любила танцевать ола. Все восхищались ее грацией, гибким, как тростинка, станом, когда она словно в изнеможении опускала руки и голову, а потом в непостижимом рывке вдруг распрямлялась и плавно неслась мимо невысоких деревянных столиков. Часто в погребке появлялись степенные иностранцы. Они заказывали олью подриду — национальное испанское блюдо, напоминающее горячий винегрет из мяса и овощей, и без конца восторгались красотой Севильи. Заходили в погребок и те, кто составлял многочисленную армию бродяг, нищих и босяков — неотъемлемую часть города, где рядом с непомерными богатствами свила себе гнездо горькая нищета. То были люди, забывшие или потерявшие свои имена. Окружающие называли их только по кличкам, известным всей Севилье. Вечерами у Родриго велись жуткие рассказы о том, как в прошлом году Гардунья* проткнул соперника навахой, как Масоркас** со

* Хорег (исп.).

** Кукурузный початок (кочан) (исп.).

своей бандой ограбил судно в севильском порту. И все же, несмотря ни на что, погребок оставался местом уюта и спокойствия, отдыха и веселья. Азартное стучание костей перекликалось здесь с веселым перезвоном гитары.

Дон Пачеко поддерживал в своем доме образцовый порядок и чистоту. Стены были тщательно выбелены известью, пол устлан искусно сделанными коврами из разноцветной соломки; роскошная мебель из лимонного дерева с инкрустацией из перламутра и слоновой кости украшала большую приемную и гостиную.

В одной из восточных комнат располагался кабинет хозяина. Вдоль стен стояли длинные шкафы красного дерева. Там бережно хранились прекрасные книги — труды многих ученых мира. Тщательно была подобрана библиотека по искусству. Ведь Пачеко был художником, страстным почитателем Высокого Ренессанса, поэтом и искусствоведам.

Дон Пачеко, по природе очень мягкий и деликатный человек, встретил своих гостей у входа в патио.

— Мой дом к вашим услугам, — с доброй улыбкой произнес он традиционную фразу, приветствуя дона Хуана, своего приятеля, отца Саласара и Диего. — Проходите в нашу обитель, друзья.

Пока отец и падре говорили хозяину о цели своего прихода, Диего осматривался. Патио казался ему огромным залом, над которым искусный художник, не пожалевший бирюзы, нарисовал небо. От фонтана посередине дворика веяло прохладой. Стены были увиты розами. Мальчик подошел к фонтану. На дне водоема, искусно выложенного разноцветными камешками, плавали диковинные шелкоперые рыбки. Диего наклонился, чтобы лучше рассмотреть рисунок под водой, и неосмотрительно нажал грудью на узорчатую решетку. В тот же миг у него прямо из-под ног вырвались и ударили вверх тоненькие струйки. Фонтан был с «сюрпризом». Отряхнув рукава своего черного камзолчика и оправившись от смущения, мальчик решился оглянуться на взрослых. Он увидел, как все встали и, обернувшись к дверям, ко-

торые вели из патио в дом, почтительно склонили головы перед входившей доньей Марией де Пáрамо, женой Пачеко. Рядом с нею шла девочка такого же возраста, как и Диего, казавшаяся миниатюрной копией своей красавицы матери.

Донья Мария несла навстречу гостям на серебряном подносе высокие бокалы, доверху наполненные студеной водой.

— Испейте воды в нашем доме, кавалеры. Вода прямо из источника, чистая и холодная, прозрачная как слеза *.

Дон Пачеко обернулся к мальчику.

— Подойди сюда, Диего. Я хочу познакомить тебя с нашей Хуаной. Надеюсь, вы будете друзьями.

Диего не отрываясь смотрел на маленькую черноволосую красавицу. Ее волосы, искусно завитые в частые локоны, тяжелой шалью ложились на плечи. Казалось, крутани она головою, и зазвенят, отскакивая друг от друга, тугие их кольца. Алая роза в волосах подчеркивала белизну лица. Но прекраснее всего были глаза. Окруженные длинными густыми ресницами, огромные и продолговатые, как темносиние маслины.

Девочка присела в глубоком реверансе. Диего, наконец, опомнился, отвел назад правую руку со шляпой и низко поклонился. Пораженный красотой маленькой королевы, как он мысленно назвал свою новую знакомую, мальчик и не подозревал, что через пять лет, превратившись в красивейшую девушку, она станет его женою.

Побеседовав с Диего и просмотрев его рисунки и картины, принесенные слугою, дон Пачеко, опытный и внимательный учитель, сразу увидел в них то, что остальным суждено было видеть спустя годы. Великое будущее ждало юного художника. Уже сейчас он никому не подражал, а шел своей дорогой. Конечно, мастерство его было далеко не совершенным. Но ведь он совсем мальчик! Дон Пачеко решил:

* Вода считалась и считается в Испании изысканным напитком. Ею угощают гостей в знак уважения.

пусть Диего вначале просто ходит к нему в дом, присматривается, привыкает. А потом они с доном Хуаном заключат контракт, где и изложат условия учебы и обязательства обеих сторон.

Прошло несколько месяцев. Диего прижился в доме Пачеко. Он глубоко привязался к своему новому учителю. 27 сентября 1611 года Пачеко опять принимал гостей. На этот раз целью визита дона Хуана Веласкеса было узаконить пребывание Диего в мастерской Пачеко. По контракту, подписанному в присутствии отца Саласара, дон Франсиско Пачеко был обязан обучать мальчика своему искусству, ничего от него не скрывая, предоставить ему кров, постель, пищу и одежду. В контракте оговаривалось, что у будущего художника есть и обязанности. Он должен оказывать учителю различные услуги, которые ему по силе и не противоречат его чести. Последнее условие вытекало из дворянского происхождения Диего. Контракт подписывался сроком на пять лет.

Дон Пачеко принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он считал, что художнику мало одного лишь таланта и отработанного стиля. Настоящему мастеру нужно знание жизни. Много работая сам, он и других умел привлечь к делу. Ученики его школы отличались прилежностью и хорошим вкусом. Уже несколько лет дон Франсиско трудился над большой книгой «Искусство живописи в древности и его величие», где не только излагал свое отношение к искусству, но и, стараясь быть объективным, показывал состояние современной ему испанской живописи. День ото дня вносил он туда новые записи, наподобие записей дневника, за которые потом благодарные потомки воздадут ему должное.

Как и говорил отец Саласар, в так называемой «академии» Пачеко собиралось весьма интересное общество — выдающиеся представители искусства, литературы и науки. Частыми гостями были здесь писатель Мигель Сервантес, юрист-ученый Родриго Каро, поэт Луис Велес де Гевара, приезжие худож-

нки, из Мадрида, и местные, из Севильи, поэт, художник и теоретик искусства Пабло Саспедес из Кордовы и многие другие. На вечера приходил покровитель Пачеко Фернандо Энрикес де Рибера герцог де Алькала.

Долгими вечерами в доме велись оживленные споры. То было время, которое два столетия спустя назовут в истории «золотым веком» испанского искусства.

Более всех нравился Диего подвижный и пылкий дон Сервантес, чью книгу он принял с таким восторгом. Дон Мигель всегда был буквально набит необыкновенными новостями. Занимаясь прозаическим и хлопотливым делом, связанным со сбором и закупкой в Севильской округе для казны зерна, он успевал писать стихи и даже участвовал в состязаниях поэтов. На одном из турниров его удостоили высшей награды. Приз состоял из трех серебряных ложек! Друзья журили его за то, что он отвлекается по мелочам. В ответ на это Сервантес смеялся и твердил, что «делает все для большей славы своей правой». Ведь левую руку он потерял в битве испанцев с турецким флотом при Лепанто.

Каждый день приносил все новые утешения дону Пачеко. Он радовался, глядя на старание своего любимого ученика. Часто, отложив в сторону манускрипт Леонардо да Винчи, он брался за перо, чтобы поделиться радостью с бумагой: «Не считаю ущербом учителю хвалиться превосходством ученика (говорю только правду, не больше), ничего не потерял Леонардо да Винчи, имея учеником Рафаэля, Иоре Кастель Франко — Тициана, ни Платон — Аристотеля... Я пишу это не для того, чтобы хвалить данное лицо, ...более для возвеличивания искусства живописи». У него были все основания писать так.

Однажды в книге Пачеко появилась запись о том, как молодой художник пригласил в свою мастерскую крестьянского мальчика и заплатил ему за то, чтобы тот позировал. «Он изображал его в разных видах и позах, — писал дон Пачеко, — то плачущим, то смеющимся, не останавливаясь ни перед какими

трудностями. Он сделал с него не одну голову углем с пробелкой на голубой бумаге, а и многие другие натуры, чем приобрел уверенность в искусстве портрета».

Изо дня в день учитель, охотно признавший превосходство ученика, передавал ему свои навыки и опыт, накопленный в течение целой жизни. Он учил его подбирать холст для полотна, советовал отдавать предпочтение плотным зернистым саржевым холстам, сотканным из пряжи льняного волокна. «Косое», диагональное переплетение нитей давало холсту своеобразную фактуру, приятную для живописи. Кроме того, он отличался прочностью и стойкостью к атмосферным воздействиям и температурным колебаниям. Картина, выполненная на нем, сохранялась длительное время.

Они вместе натягивали на подрамник ткань, слегка ее увлажняли водой, просушивали и проклеивали жидким теплым раствором перчаточного клея. Как только клей просыхал, поверхность холста шлифовалась пемзой и еще раз проклеивалась, а затем ее покрывали тончайшим слоем грунтовочной массы смешанного состава. Много таких составов знал дон Франсиско Пачеко, но наилучшим считал грунт, приготовленный из хорошо отмоченной, тонко размолотой горшечной глины со слабым раствором перчаточного клея и небольшого количества вареного льняного масла. Поверх грунтовки, которая производилась дважды, наносился еще один тонкий слой специальной грунтовочной краски.

Затем учитель вооружался толстым фолиантом и садился в кресло, а Диего звал слугу, и они вместе в сотнях мешочков, ларцов и ящиков, стоявших столбиками, отыскивали требуемые цвета. Чего только тут не было! Белила с характерным свинцовым отливом; охра — от светло-желтой до темной, сиена натуральная, неаполитанская желтая, свинцовая желтая, желтый лак. Вот ящички с аккуратными надписями: красные краски — «киноварь», «земля красная испанская», «краплак», «кармин»; зеленые — «земля зеленая», «веронская», «горная зелень», «луковая зе-

лень»; синие — «ультрамарин из ляпис-лазури», «индиго», «смальта».

Краскам не было числа. Дон Пачеко подробно описывал достоинства каждой из них. Но взятые в отдельности они были мертвы. Их могла вызвать к жизни, заставить сверкать, говорить лишь кисть мастера. Пачеко понимал, что навязывать свою волю в выборе сюжета или заставлять пользоваться системой техники живописи других мастеров — значит губить талант. И он умело предоставлял молодому художнику полную свободу действий, хотя не упускал случая показать, как превосходно писали мастера прошлого. В его книге ведут диалог представители двух поколений в искусстве — старый мастер Франсиско и молодой художник Лопе. Маэстро горячо убеждает юного коллегу не идти дорогой еретиков, не брать из природы все подряд, а учиться умению выбирать сюжет, отбрасывать уродливое, привлекая из окружающего мира только нужное для создания прекрасных полотен. Но Лопе не соглашается со старым художником, оспаривая право на изображение жизни в натуральном виде — такой, какой она есть. Он высоко ценит венецианцев и считает, что старая школа гасит огонь вдохновения.

Возможно, что дон Пачеко отразил здесь споры с молодым Диего, но как бы там ни было, в них явно сказался дух времени. Современная Севилья проникла на страницы его книги. Два направления, возникшие в севильской школе живописи, — идеалистическое и реалистическое — нашли там свое яркое выражение.

Всепонимающий и дальновидный Пачеко сделал еще одну запись после диалога: «Все, что здесь было сказано и могло быть еще добавлено, не притязает на то, чтобы быть единственным путем, идя по которому можно достичь вершин искусства. Имеются и другие пути (может быть, более легкие и лучшие); и то, что мы привели от себя, не должно... стеснять определенными границами большие дарования».

Во время бесед с Диего учитель любил говорить:

— В наблюдениях над различными эффектами, которые производят свет и краски, всех превосходили Рафаэль де Урбино, Леонардо да Винчи, Антонио Корреджо и Тициан, которые с таким умением воспроизводили цвета, что их изображения кажутся скорее природой, чем искусством. Внимательно присмотришься к ним, Диего, и ты поймешь секрет мастерства великих.

И Диего жадно, неутомимо, пылливо смотрел. В его родном городе богатые меценаты имели целые картинные галереи. Фернандо Энрикес де Рибера герцог де Алькала даже построил для собрания своих картин специальное здание, известное впоследствии как Дом Понтия Пилата (*casa del Pilato*), явившееся якобы копией дома-дворца, где, по преданию, содержался под стражей и был осужден на смерть Христос. Более неподходящее помещение для искусства трудно было найти. До такого мог додуматься в Испании только верный сын церкви! Сам по себе этот дворец, выполненный в так называемом стиле мудехар, причудливо соединял элементы готики и итальянского Ренессанса с особенностями мавританской архитектуры. В комнатах Дбма Пилата с их деревянными резными потолками и прекрасными кафельными стенами, с орнаментикой из раскрашенного гипса нашли пристанище и великие итальянцы — Тициан, Леонардо да Винчи, Тинторетто, Фуринни, Бенедетто — и замечательные испанцы. Их картины давали ясное представление о том, что разрешалось искусству в католической Испании. Из полотна в полотно повторялся мотив молитвы. Строгие черные костюмы, чинные позы. Привлекали внимание своеобразные герои Моралиса — беззубые палачи, мучающие Спасителя, портреты Антониса Моро и Алонсо Санчес Коэльо, полотна Хуана де Роэласа.

Во дворец герцога Диего пошел вместе с двумя другими учениками Пачеко — Алонсо Кано и Франсиско Сурбараном. (Впоследствии все трое стали великими живописцами и принесли мировую славу родной Испании.) Долго бродили они гулками комнатами дворца Алькала. Лишь к вечеру вышли друзья на

улицу, щедро одарив сопровождавшего их ключника. Диего первым нарушил молчание:

— На всех полотнах, за исключением Тициана и еще немногих, лежит печать верности догматам. Жаль...

— И все-таки что же более всего тебе понравилось в этом собрании? — перебил его Сурбаран.

— Питер Артсен и Питер Брейгель, да еще Якопо Бассано *. В их картинах чувствуется что-то новое. Вы посмотрите, с каким своеобразием подошли они к миру моделей, а ведь этот убогий мир, кажется, так далек от искусства. И между тем сколько там работы для мастера!

— Ты становишься караваджистом, Диего. Тебе, несомненно, пойдет манера «тенебросо», — засмеялся Кано. — Пожалуй, в недалеком будущем на горизонте Севильи взойдет новая звезда — де Сильва-и-Веласкес, который в красках представит то, над чем трудится сейчас наша литература.

Диего покраснел.

— Не стоит смеяться, друг, над тем, о чем не имеешь представления, — бросил он с несвойственной ему резкостью. И, круто повернувшись, торопливо зашагал в сторону севильского базара.

Базар встретил его гулом, криками, невообразимой толчеей. Прямо перед центральным входом возвышалась круглая эстрада с перилами и проволоочной сеткой сверху. Вокруг стояли скамейки и еще какие-то сиденья, некогда, очевидно, бывшие диванами. Молодой человек энергично протолкался вперед. Шли традиционные приготовления к петушину бою. Высокий худой испанец с серьгой в ухе и плаще через плечо держал двух петухов. Его сосед — хитрая улыбчивая рожица в войлочной шляпе — громко кричал:

— Спешите, спешите! Кто поставит на этого длинношпорого красавца, тот не ошибется! Нет, не оши-

* Питер Артсен (1508—1575) и Питер Брейгель Старший (1525—30—1569) — художники-нидерландцы, Якопо Бассано (1515—1592) — художник-итальянец.

бется, хотя его соперник тоже грозный и опытный драчун, победивший не одного противника и снявший венец в прошлом бою!

Худой поклонился присутствующим и поставил на весы петухов с белыми колпачками на головах. Соперники были одинаковы по весу. Затем он, предварительно сбросив колпачки, швырнул «дуэлянтов» на эстраду. Петухи сердито смотрели в стороны. Потом они двинулись друг другу навстречу, делая один скачок за другим, касаясь при этом клювами земли.

Долгожданный миг! Тряхнув головами, петухи бросились в бой. Полетели в стороны перья: дерущиеся ожесточенно заработали клювами, шпорами, крыльями.

Увлеченный происходящим, Диего смеялся вместе со всеми. Но вот он огляделся, и теперь его внимание всецело сосредоточилось на людях, столпившихся вокруг эстрады. Объединенные одним порывом, они стремились получше рассмотреть петуший бой. Человек в войлочной шляпе влез на деревянную спинку ободранного дивана и оттуда комментировал события. Толпа отвечала ему дружным хохотом.

Картина была такой живописной, что Диего, отойдя в сторонку, вытащил уголек и на листе, сложенном вчетверо, быстро сделал набросок.

Солнце уже склонялось к западу, когда он, очень уставший, возвращался в школу. Утренней злости как не бывало. Он теперь знал, что прав был дон Пачеко, утверждая: каждый в жизни идет своей дорогой.

У погребка старого Родриго его настигла музыка. Потом раздался смех. Он был таким призывным, что Диего направился туда. Первое, что бросилось ему в глаза, была группа людей в дальнем углу погребка. Она так и просилась на полотно: это был завершенный бодегонес *. Жизнь щедро дарила художнику сюжеты.

* От испанского «bodegon» — съестная лавка, трактир, погребок, харчевня. Специальный термин, объединяющий картины бытового жанра, а также религиозные и аллегорические композиции, имеющие ярко выраженный бытовой характер и содержащие элементы натюрморта.

В течение нескольких последующих дней никто не решался трогать молодого художника, увлеченного работой. В мастерскую заходил лишь дон Пачеко. Он качал головою и уходил к себе в кабинет. Но с выводами не спешил. Диего работал.

Неделю спустя в большой гостиной у Пачеко собрались гости.

На сей раз кресла были расставлены полукругом на определенном расстоянии от мольберта, где стоял холст большого формата. На картине трое, изображенные крупным планом, сидели за столом в полутемном помещении за скромной трапезой. В каждом из них — старике, мальчике и юноше — легко узнавались посетители погребка Родриго. То были живые люди, точно схваченные с натуры и перенесенные на полотно. Спокоен, полон достоинства сидящий слева старик. Художник тщательно выписал его седые волосы, в которых еще чернеют темные пряди. На высоком лбу собрались морщины — следы прожитых лет. Спокойно, мудро смотрят добрые глаза. Напротив старика — юноша, его выразительное лицо чуть улыбается. Жестом правой руки он поощряет мальчика, который, смеясь, поднял над столом бутылку с вином. Его детское лицо озарено улыбкой, обнажающей белые крупные зубы. На столе — грубый хлеб, миски с рыбой, гранаты и вино. Сдержанность, лаконичность, простота во всем: в позах, в красках, в обстановке. Со знанием натуры переданы складки скатерти, плотный фаянс блюда, спелые гранаты. Художник тщательно выписал контуры, чтобы дать возможность зрителям на черном, непроницаемом фоне хорошо рассмотреть формы изображаемого.

Когда все приглашенные для осмотра полотна собрались, дон Пачеко предложил каждому высказать свои соображения.

Герцог Алькала был краток. Он говорил отрывисто, чеканя каждое слово. Герои Веласкеса не кто иные, как пикаро*, настойчиво лезущие из novela

* Люди, принадлежащие к низам общества, деклассированные элементы с чертами авантюризма.

picaresco * в живопись. Он советовал Диего (своему юному другу!) обратить талант на службу прекрасному и оставить в покое «этих проходимцев». Странно, что именно такие вещи заслуживают слова «живопись».

— Живопись есть искусство, — со свойственной ему мягкостью проговорил дон Пачеко, — которое при помощи разнообразия линий и красок представляет в совершенстве зрению то, что оно может воспринять от природы. Об этом я писал в своей книге. Мне, как и вам, не по душе сюжет, а вот выполнен он прекрасно.

С горечью слушал отец Саласар суждение о работе своего любимца. Как ни старался он быть беспристрастным и принять на веру то, что говорят уважаемые кабальеро, ему нравились изображенные на полотне. Простые люди, честные перед богом и совестью, отчего же не писать их?

Нравилось полотно и молодому поэту Луису Химере. Он увидел в героях Веласкеса своеобразное художественное выражение веры в силы народа, в чистоту и доброту простых людей. Разгорячившись, Луис стал доказывать, что в скромные рамки полотна художник вложил глубочайший смысл. Пусть черен хлеб этих людей, но в период жестоких испытаний они возьмутся за оружие и станут в ряды мужественных сынов Испании как настоящие идалго!

Герцог Алькала понимающе улыбнулся дону Гаспару де Неклиде.

— Браво, дон Луис! Вы поэт, а все, чего бы не коснулись поэты, всегда выглядит поэтично. Но стихи стихами, а жизнь жизнью. Достоинства картины несомненны. Мастерство Диего растет с каждым новым полотном. Что же касается сюжета, то оставим это истории.

Он помолчал и совершенно неожиданно добавил:

* Плутовской новеллы или романа. Своеобразный литературный жанр, возникший в Испании в XVI веке, вскрывающий изнанку жизни испанского общества, пропитанного феодализмом, пороками эпохи так называемого первоначального накопления.

— Я покупаю эту картину.

Картина стала собственностью герцога. Она украсила коллекцию Дома Пилата.

Без жалости расставался Диего с творением рук своих. Новые герои просились на его полотна. Десятки эскизов лежали в мастерской, ожидая очереди. Среди них кухарка Марфа и хромой солдат, двое мальчишек, служанка доньи Марии, слепой скрипач с площади Сан-Лоренцо и нищий, что у церкви Сан-Мигель. Художник уже думал о том, как они с Хуаной де Мирандой, ставшей его верным другом, в сопровождении сеньи * Марты пойдут гулять в окрестности севильского Альказара **, — сколько картин ждало его впереди!

А дон Пачеко долго не мог успокоиться в тот вечер. Сидя над раскрытой рукописью, он размышлял о последних работах Диего. Ему очень хотелось, чтобы любимый ученик пошел по стопам своего учителя. Пусть бы создавал полотна на сюжеты из святых писаний (такие благодарные темы не вызывают никаких кривотолков). Нет, не по душе ему этот бодегонес. Он склонился к столу и записал: «Это безобразные сюжеты со смешными фигурами; они способны возбуждать лишь смех». Потом, вспомнив полотно Диего, не удержался и добавил: «Можно ценить и этот род живописи, если она выполнена так, как у Веласкеса».

* Сокращенное от «сеньора».

** Альказар — дворец испанских королей.

ТАК ПОДНИМАЮТСЯ К ЗВЕЗДАМ

Многолюдная Севилья встретила Хуану, Диего, сенью Марту, Алонсо и увязавшегося за ними Педро — мальчика-модель, как его звали в доме, энергичным ритмом жизни. Путь компании лежал к Альказару. Несколько дней тому назад Диего попросил у графа Энрике Оливареса, управляющего королевским Альказаром, разрешения посетить дворец. Граф, которого с доном Пачеко связывали многолетняя привязанность и дружба, очень ценил талантливую художника. Он охотно разрешил осмотреть Альказар, предупредив, что, к сожалению, очень занят и не сможет сопровождать Диего: пришла новая партия картин, и они с доном Пачеко должны установить их ценность и решить, где их разместить.

Путники были единодушны в решении идти пешком. Вскоре перед ними из зелени парка поднялась высокая стена с узкими воротами. На главном фасаде белела надпись. Алонсо прочел вслух: «Величайший, благороднейший, всемогущественный и победоносный дон Педро милостью Божьей король Кастилии и Леона, повелел возвести эти Альказары и дворцы и эти галереи, что и было исполнено в 1402 году».

Старый ключник, предупрежденный о визите, с почтительным поклоном пропустил их внутрь. В зелени сада, разбитого по всем пра-

вилам мавританского искусства, прятался удивительный по своей красоте дворец — здесь некогда жил повелитель мавров, потом дворец перешел во владение испанских королей. Его несколько раз перестраивали, изменили план застройки. А в орнаменте полумесяц уступил место кресту.

Постепенно на пламенное вдохновение арабских мастеров Запад налагал свой строгий отпечаток. Но от этого их искусство стало богаче и своеобразней.

Путники шли тенистыми аллеями сада, где росли широколистые бананы, а в глуши прятались от постороннего взгляда беседки из лимонных деревьев. Везде слышался торопливый говорок воды. Дно ручейков было выложено разноцветными плитками. Солнце плескалось в воде, рассыпаясь тысячью сверкающих осколков.

Фонтаны поили знойный воздух влагой. Дорожки, чутко притаившись, ожидали неосторожного путника, чтобы обдать его множеством тончайших струй. Это арабские мастера к каждому камешку сделали подводку из множества медных трубочек с «секретом». Вокруг возвышались лавры, мирты, померанцы.

Примолкшие путники вошли во дворец. Гулко раздавались в нежилых стенах даже очень осторожные шаги. Альказар был образцом того искусства, когда камни под рукой мастера теряют свою массивность и плотность и превращаются в кружевную, хитро сплетенную ткань. Каменная пена, казалось, способна была трепетать от порывов ветра. В некоторых комнатах потолки были сделаны наподобие сталактитовых пещер, сосульками свисали ряды беломраморных колонн. Стены казались затканными рисунком без конца и начала. Любуясь этим чудом архитектуры, Диего с горечью думал о слабой стороне арабского искусства. Все постройки этой эпохи, лишённые скульптуры и живописи (святой коран запрещал изображать людей и животных), были лишь музеями, залы которых словно ждали прихода человека.

Когда путники вышли в сад, вечер подстерегал их у порога. Слабо освещённые деревья бросали мягкие тени на воду и белый мрамор. Альказар принял

волшебный вид. Фрески, которые днем казались выгоревшими, преобразились, ожили, везде блестела позолота. Синим сиянием вспыхивали эмали.

Взволнованный Диего крепко сжал руку Хуаны. Потрясенная всем виденным, она ответила ему пожатием. Хотелось ему взять на руки девушку, прижать к стучащему сердцу и понести через сад, сквозь нежное кружево цветущего жасмина.

Но у ворот сада их ждал экипаж, и сенья Марта ворчала, что пора возвращаться.

Дни бежали за днями, сменяя минуты вдохновения часами мучительных раздумий. Картины Диего уже нельзя было считать работами ученика. Дон Пачеко, уважавший в каждом человеке прежде всего талант, не стеснял творческой свободы молодого живописца. Стены родительского дома художника украсили картины, о которых знатоки говорили с уважением.

Донье Херониме более всего пришлось по душе простенькая по сюжету «Служанка» — девушка из народа, юное человеческое дитя. Спокойно, без позы и сентиментальности стояла она среди кухонного реквизита. Из-под белого чепца немного пугливо смотрели на мир внимательные глаза. Правая рука девушки, ища поддержки, задержалась на краю стола, левая повисла на ушке кувшина. Служанка находилась среди вещей, которыми пользовалась ежедневно.

Было у Веласкеса еще несколько бодегонес на «кухонные темы», как шутливо называл их дон Пачеко: «Старая кухарка», «Старая женщина, приготовляющая яичницу». Самому маэстро больше нравилась последняя. Ему казалось, что в ней полнее, чем в других, ранних, произведениях, он раскрыл индивидуальные характеры своих героев, впрочем и тут еще можно было желать лучшего.

Серьезно лицо у старой женщины, готовящей яичницу. Печальные складки лица, тени в морщинах под глазами, возле подбородка — свидетельство нелегко прожитой жизни. Женщина, кажется, говорит что-то мальчику, принесшему в прозрачной бутылки вино.

Если для дона Пачеко эти полотна, равно как и «Два юноши за едой», и «Молодая женщина», и «Музыкант», всего лишь ступеньки в творчестве Веласкеса, потомки увидят в них и иное — появление в изобразительном искусстве своеобразной трактовки сюжетов на тему бодегонес. Хотя Веласкес-художник только становился на самостоятельный путь, он уже стремился расширить рамки своей живописи собственным представлением о жизни, о правде живописи. Туда, где раньше царило безраздельно идеальное, входило простое, обыденное, типичное.

Учителя в ученике в ту пору радовало больше другое. Диего начал поговаривать о картине о «непорочном зачатии» и уже сделал первые наброски. Кроме того, внимательно присмотревшись к последним полотнам молодого художника, Пачеко отметил прекрасные натюрморты, в которых художник словно любит четкими формами предметов, выписывая их точные силуэты.

Тем временем шел 1617 год. Многие перемены нес он Диего. В один из дней марта, когда земля, просыпаясь, протягивала солнцу первые весенние цветы, дон Пачеко позвал Диего в свой кабинет.

— Я хочу сообщить тебе, мой друг, — сказал он, — что мне уже нечему учить тебя. На протяжении пяти лет мой дом был для тебя родным. Теперь у орленка выросли крылья. Тебе надлежит получить звание маэстро.

14 марта 1617 года художнику Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес был выдан документ, давший ему право «писать для храмов и общественных мест, а также иметь учеников». Молодой маэстро, получив звание *maestro en el arte* — мастера искусства, — был принят в корпорацию художников Севильи — гильдию святого Луки.

Год пролетел незаметно. Художник устроил свою собственную мастерскую и работал от зари до зари. Только иногда, отложив в сторону кисти, он предавался мечтам.

Прошло пять лет с тех пор, как он впервые увидел Хуану де Миранду, маленькую «королеву», так по-

разившую когда-то его воображение. Прелестная девочка теперь превратилась в очаровательную девушку.

Сначала их дружба походила на дружбу тысяч других мальчиков и девочек. Он рисовал для нее то вздыбленного Буцефала *, то почти летящего Бабека ** с пригнувшимся к гриве всадником. Хуана очень любила животных, особенно лошадей. Иногда они, усевшись в прохладной тени патио, читали о Лассарильо из Тормеса, хохотали до слез над новеллами дона Сервантеса. Зимними вечерами, когда донья Мария и служанки садились за рукоделие, Диего рассказывал им сказки. С широко раскрытыми глазами слушала Хуана о приключениях храброго великана Фьерабраса ***, о кознях и проделках Перико, чье имя заставляло содрогаться тех, у кого нечиста совесть.

Обычно в часы, когда семья и ученики дона Пачеко собирались в большой гостиной послушать очередные главы из его книги, Диего рисовал. Его грифель быстро бегал по листку. Но все чаще, когда он отводил руку, из затейливой рамки выглядывали красивые головки. Все они были похожи одна на другую, и это давало повод Алонсо Кано подтрунивать над Диего. Раздосадованный, тот рвал рисунки, но через некоторое время упрямый грифель вновь чертил женский профиль.

Кончилось детство Диего. Юность принесла любовь. Наступила прекрасная пора, когда каждое слово, сказанное любимой, звучит песней, жесты и взгляды приобретают особую значимость, а сердце всегда открыто навстречу добру. Если бы мог, Диего для своей избранницы собрал бы все цветы мира и уложил ковром у ее ног. Пока же ранним утром он бегал за ними на соко — старый арабский рынок.

Там на площади никогда не было так шумно, как

* Коня Александра Македонского.

** Коня Сиды Кампеадора, легендарного рыцаря испанского эпоса.

*** Персонажа рыцарских романов.

на обычном базаре. Великолепие нежного товара заставляло замолкнуть даже очень говорливых.

Продавцы цветов привозили свою драгоценную поклажу иногда за десятки километров. На рассвете их ослики, запряженные в тележки, чинно шествовали улицами города, оставляя за собою нежный аромат гор.

Диего медленно шел вдоль цветочных рядов. Чисто белые лилии прихорашивались, словно девушки в бальных нарядах. В густой свежей зелени кокетливо прятались фиалки, выдавая себя лишь запахом. Стройные маргаритки гордо держали на тонких шейках свои золотые головки-пуговки. Пламенели шапочки гвоздик. И над всем этим благоухающим морем гордо царствовали магнолии, окаймлявшие весь базар живой изгородью из лакированных листьев.

Больше всего на возках было роз, лилий и гвоздик. Севилью недаром звали городом роз, хотя сердце севильянцев принадлежало махровой гвоздике.

Диего сам подбирал букет, живо представляя себе, как сегодня за завтраком в волосах Хуаны де Миранды будет алеть роза, которую она закалывала по обычаю испанок. Диего уже сказал ей о своей любви, и девушка приняла ее. Теперь, получив звание маэстро и возможность содержать семью, он решил, наконец, просить дона Франсиско и донью Марию дать согласие на брак с их дочерью.

В понедельник 23 апреля 1618 года в севильской церкви Сан-Мигель состоялось венчание маэстро Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес с единственной дочерью дона Франсиско Пачеко и доньи Марии де Парамо.

Когда священник вложил в руку жениха руку невесты, Диего ощутил с радостью, как доверчиво успокоилась она в его ладони. Оба были очень взволнованы и не слышали, как священник сказал последнее аминь, как свидетели свадьбы дон Хуан Перес Пачеко — брат отца невесты, его жена, доктор Акоста, отец Павон и их большой друг Франсиско де Риоха называли свои имена и звания бакалавру Андресу, чтобы тот занес их в книгу свидетелей.

А на улице молодую чету ждало солнце. Юный маэстро огляделся вокруг. Его взгляд охватил синие небеса, чернеющие вдали вершины Сьерра-Морены. Диего готов был обнять весь мир. Это был самый счастливый день для Диего и Хуаны.

Счастливым он был и для Испании — в этот солнечный день в Севилье в старой церкви Магдалены был крещен именем Эстебан мальчик, сын четы Мурильо, который в будущем тоже станет великим художником, гордостью своей страны.

Вечером дон Франсиско, уставший от событий дня, открыл свою рукопись и сделал очередную запись: «Диего де Сильва Веласкес занимает [с полным основанием] третье место [в живописи]; — после пяти лет обучения и образования я отдал за него замуж свою дочь, побуждаемый его добродетелью, чистотой и другими хорошими качествами, а также в надежде на его природный и великий гений. И поскольку быть учителем — значит больше, чем быть тестем, да не будет позволено кому бы то ни было присваивать эту славу».

Год поспешно листал свой календарь. В зависимости от времени года меняла свои наряды Севилья. Робкую зелень весны она сменила на яркие краски лета. Изнывая от солнца, она пряталась в серебристой дымке, тысячью горячих босоногих тропинок сбегала к желтоватым водам Гвадалquivира. Он, унося в мир рассказы о красавице Севилье, извилистый и могучий, мчался под дугами мостов. Проходил месяц, и она набрасывала новое платье из золотой листвы, украшала себя жемчугом маслин и яхонтами винограда. Вечерами некогда царственная столица все чаще стала закутываться в плащ из тумана, вздыхала и вслушивалась в перезвоны гитар, в четкую дробь кастаньет или подпевала задумчиво серранилье*.

Календарь шелестел, отсчитывая дни. В доме у молодой четы Веласкес не замечали перемен в природе. Дон Диего откладывал кисти, лишь когда в мастерскую заходила донья Хуана и они шли гулять. Но и тут дон Диего оставался верен себе. Каждая из таких

* Горной песенке (исп.).

прогулок была подчинена единственной цели — побольше увидеть, узнать.

В последнее время он работал над несколькими картинами на религиозные сюжеты. В этом не было, конечно же, ничего случайного. Фанатически настроенное духовенство еще со времен угрюмого доминиканца Томаса Торквемады * распространило свое могущество на все области жизни. Религиозные мотивы навязывались художникам свыше. Наиболее выдающимся церковь делала заказы. Менее значительные, боясь ее гнева, сами писали на евангельские сюжеты. На родине дона Диего духовенство составляло почти четверть всего населения. Девять тысяч монастырей, разбросанных по всей стране, соперничая, приумножали свои богатства во славу веры. Подозрительный глаз защитников веры проникал повсюду. В Триане, предместье Севильи, начиная с 1481 года регулярно проводил свои заседания инквизиционный суд. Бдительный контроль церкви чувствовался во всем.

В этой атмосфере вечного подозрения в ереси взрастало испанское искусство.

Было только два предмета, которые оставались вне подозрения церкви, — католическая религия и природа. Испанские живописцы вынуждены были в них находить свое утешение. Потому в Испании, как нигде в другой стране, множество полотен на евангельские сюжеты написаны кистью художников, чьи имена составляют мировую известность.

У Веласкеса были и свои причины к тому, чтобы взяться за религиозные сюжеты. К этому всемерно побуждал его Пачеко, который с 1618 года стал в Севилье цензором по церковной живописи.

Было еще одно, что натолкнуло дона Диего на мысль написать мадонну.

В воскресенье 18 мая 1619 года в церкви, где вен-

* Торквемада Томас (1420 — 1498) — деятель инквизиции в Испании, первый «великий инквизитор», доминиканский монах. Духовник королевы Изабеллы Кастильской. Выработал кровавый инквизиционный кодекс и процедуру инквизиционного суда.

чали молодого маэстро, была крещена его первая дочь Франциска. Наблюдая дома, как молодая мать бережно пеленает свое дитя, как, положив на колени, любуется своим чадом, художник невольно вспоминал мадонну. Мать страдальца Христа, с хрупкой талией девочки-подростка, с руками труженицы, вот так же растила, лелеяла свое детище. Разве не достойна она быть воспетой?

Такой он и изобразил ее на полотне, как представлял себе, — юной андалузской девушкой — не столько красивой, сколько обаятельной.

Едва кончив «Непорочное зачатие», Веласкес уже приступил к новой картине о мадонне — «Поклонение волхвов». Он поставил перед собой задачу и здесь обойти утомляющую красоту, не существующую в жизни, сделать так, чтобы в его картине она уступила место природным формам, а святые обрели черты живых людей. Ему хотелось написать на возвышенный сюжет нечто, что стерло бы искусственные границы между религиозной живописью и светской.

Свои первые эскизы дон Диего не показывал никому. Даже слуге, помогавшему ему в работе, не удалось взглянуть на них краешком глаза. Диего пригласил в мастерскую несколько человек, из тех, кто часто посещал погребок старого Родриго, и написал с них грубоватые фигуры «высоких гостей» Марии. Когда картина была почти окончена, художник показал ее донье Хуане.

— Бог мой, Диего, не гневай небо! — отозвалась она, взглянув на полотно. — Уж очень земная твоя мадонна!

Но маэстро хотел слышать иное.

— Скажи, что ты чувствуешь при взгляде на это полотно?

Привыкшая к таким вопросам в доме отца, неплохо разбиравшаяся в живописи, донья Хуана ответила:

— Ты изобразил вечер или даже ночь. Молодая мать взяла в руки своего первенца — ибо так нежно, с таким благоговением можно держать лишь первого ребенка. Вся она — воплощение великой материнской

любви. Крепки и уверенны руки матери, она сумеет постоять за дитя. Она немного смущена вниманием, которое оказали ей волхвы, но вместе с тем полна достоинства, как каждая мать... Это гимн материнству...

Донья Хуана запнулась, не договорив, встретившись с восторженным взглядом мужа.

— Ты самая прекрасная из женщин Испании, дорогая! Ты правильно поняла все, спасибо тебе.

Дон Пачеко на сей раз был сдержан. Правда, таланту прощается многое, но все же, виданное ли дело, написать заказ церкви в духе бодегонес! С пристрастным вниманием рассматривал он и новую картину Веласкеса «Христос в доме Марфы и Марии». На переднем плане картины стол, на столе — кувшин, живописно устроились на тарелке четыре рыбины. Еще тарелочка с двумя яйцами. Слева, у стола, — две женщины, молодая и старая, занятые приготовлением еды. Одна толчет специи в медной ступке, другая тем временем что-то ей говорит, очевидно, поучает. В правом углу полотна дверь, сквозь которую видно светлое помещение. Там Христос, сидящий в кресле, беседует с Марией и Марфой.

Вот какой путь избрал его зять! Показал две сцены в разных пространственных зонах, написал двухплановую картину, соединил воедино два жанра — бытовой и религиозный. Ничего не скажешь — своеобразно. Но не слишком ли смело? Нова и техника живописи. Художник пользовался хорошо продуманным методом. Он применял сначала цветной грунт, а затем тонированный в темно-коричневый, коричневатокрасный и серый и достигал того, что цветная поверхность полотна принимала деятельное участие в построении живописно-красочного слоя картины. Колористическая гамма строилась легко и свободно, в едином тональном ключе. Достоинства картины были столь несомненны, что к Пачеко постепенно вернулось доброе расположение духа.

Пока дон Пачеко размышлял над тем, как будет воспринято полотно Веласкеса, художник шел по дороге к церкви де ла Коридад, для которой уже закончил новую картину «Христос в Эммаусе».

Известность старой церкви из прихода Коридад простиралась далеко за пределы Севильи. Еще мальчиком вместе с Мирандой слышал Диего рассказ донна Саласара о севильском обольстителе.

Когда-то, время стерло из памяти людей точную дату, жил в Севилье смелый идальго дон Хуан де Марина. Шпага его не знала отдыха. Но горькою была ее слава. Ею дон Хуан убирал с дороги рыцарей, стоявших на его пути к очередному женскому сердцу. В Севилье в те годы жил и отважный командор дон Гонсало с дочерью Анной Ульоа... Дальше легенду рассказывали по-разному, но конец был один: когда пришло время обольстителю умирать, почувствовал он раскаяние и позвал к себе священника.

— Падре, — сказал он, — силы покидают меня, и близок час, когда я предстану пред ликом спасителя. Велик мой грех, но бог милостив. Возьмите все мое золото и служите за упокой моей души каждый месяц по новене*. И еще прошу об одном: похороните мое тело в дверях церкви, чтобы набожные люди проходили внутрь по моей могиле.

Просьбу раскаявшегося в грехах исполнили. Его тело упокоилось в церкви де ла Коридад. Но прихожане решили там же поставить статую убитого им Командора. Так и стоит она в назидание потомкам, горят на ее постаменте слова: «Здесь ожидает раб господен, что мёсть предателя настигнет».

Когда Диего впервые услышал легенду, родилась у него мысль написать Командора. Но детство и юность проходили, а он так и не встретил еще человека, чей образ соответствовал бы его представлению о командоре ордена Калатрава.

У входа в церковь Веласкеса негромко окликнули. Он обернулся. Перед ним стояла Херонима де ла Фуэта, мать настоятельница женского монастыря. Ее портрет — его последняя работа.

Она благословила его и тихо исчезла в правом приделе. А дон Диего так и остался стоять на том

* Новена — десятидневное богослужение (исп.).

месте, где она оставила его. Необычайные у нее глаза. Печальные, привыкшие смотреть в землю, они светились глубокой женской грустью, затаенной скорбью. Удалось ли ему уловить это их выражение на портрете? Кажется, что да, а может быть, нет?

Он возвращался домой торопливо. На сегодня оставалось еще много дел. Нужно посмотреть работу Диего де Мельгар, который с февраля 1619 года числится по контракту его учеником и уже достаточно умело владеет кистью. Потом не забыть проверить, правильно ли новый слуга разводит краски. Вчера он, очевидно, не пожалел лавандового масла * — получилась расцвеченная ретушь, ни дать ни взять. Рисунок расплылся, нужно будет все переписывать.

Лето в Андалузии в этом году стояло невыносимо жаркое, температура доходила до пятидесяти градусов. Веласкес невольно улыбнулся, взглянув на зажатый в руке плащ. Ненужный этикет. Надевай, не надевай, а, выходя из дому, бери плащ с собою. Словно каждый раз кому-то доказываешь, что он у тебя есть. Станный ненужный обычай.

В это лето в городе появилось много продавцов воды. Зачастую это были пожилые корсиканцы, откупавшие в городском совете право на ремесло аквадора — продавца воды. На перекрестках городских улиц постоянно слышались их призывные крики:

— Аква фриа! Холодная вода, сейчас из фонтана! Свежая, кристальная вода! Чистая, как слеза богородицы, как лед Гвадаррамы! Свежа, как щеки девушки! Пейте воду, сеньоры!

Из-за угла показался очередной водонос. Его тяжелый кувшин был доверху наполнен студеною водою.

— Стаканчик уважаемому сеньору?

— Пожалуй, налей.

Аквадор не спеша, с достоинством, как подобает человеку, уважающему свое ремесло, сполоснул большой тяжелый стакан и налил его до краев.

* Разбавитель для масляных красок, употребляемый испанскими художниками XVII века.

— Пусть продлит бог ваши лета, кавалер.

— Скажи, старик, сколько ты выручаешь в день за эту работу?

Аквадор ответил не сразу. Сеньор спрашивает это у него или ему померещилось? Он взглянул на дона Диего — тот ждал.

— Немного, уважаемый сеньор. Ровно столько, сколько нужно моей семье на хлеб.

— Если тебя не затруднит, приходи завтра к дому маэстро Диего Веласкеса — это мое имя, — я буду рисовать тебя. А за труды ты получишь, ну... скажем, в три раза больше, чем за день работы.

Меряя широкими шагами улицы Севильи, маэстро думал: «Какой превосходный сюжет!» Он понимал: то, что он натолкнулся на этот сюжет, не было случайностью, его кисть вообще не любила случайностей. Это была деталь из прозы повседневной жизни, мимо которой он, художник, не вправе был пройти.

Он поднялся на ступеньки своего дома. В мастерской царило веселое оживление. За время отсутствия хозяина пришли гости. Привыкшие видеть художника за работой, они пожаловали прямо в мастерскую и теперь ожидали его здесь.

Алонсо Кано принес на суд друга две свои последние модели, и слуга поставил их у окна для всеобщего обозрения. Диего де Мельгар, почтительно наклонив голову, слушал поэта Луиса Велес де Гевару, который что-то рассказывал, смеясь. Напротив доньи Хуаны поместился старый друг дома Пачеко — Родриго Каро. Перед доньей Хуаной на столике лежал превосходный веер, подарок дона Родриго, любителя редких вещей.

Все так были увлечены разговорами, что на вошедшего дона Диего не обратили внимания.

— Вы, конечно, будете утверждать, сеньоры, что ждете меня не дождетесь, я же тем временем стою уже здесь достаточно для того, чтобы быть замеченным.

— Не сердись, Диего, — улыбнулся ему Кано. — Андалузцы — народ непосредственный. Где собралось их больше трех — можно открыть клуб веселых людей.

— Я и не думаю сердиться, друзья. Ты же мне, Алонсо, очень нужен. — Он взял его за локоть и отвел в сторону.

Донья Хуана изредка поглядывала из своего уголка в сторону мужа, откуда доносилось горячее:

— Написать именно так. В картинах художник должен уделять человеку место, которое он занимает на земле. Только писать людей не ради их костюмов, а ради их самих. Благородные жесты и богатые платья — это лишь одежда, всегда одежда. Ты понял меня, Алонсо? Сюжет не должен тяготеть над художником. Он сам, если только в нем есть настоящий дар, должен посредством сюжета, к какой бы области он ни относился, раскрыть образ человека...

В тот вечер долго горел огонек в гостеприимном доме маэстро. Уходя, Алонсо Кано низко поклонился другу.

— Художник живет почти в каждом человеке, — сказал он, — но зачастую во многих он остается немым. В тебе он говорит. Это редкий дар. То, о чем ты говорил сегодня, я буду помнить всегда.

Утром в дверь мастерской негромко постучали. Веласкес, любивший работать в ранние часы, сам открыл дверь водоносу. Тот в ожидании сеанса сел на невысокий стул арабской работы.

— Не помешаю вам, дон Диего, если спрошу?

— Мне разговоры не мешают, друг. Я люблю работать, когда в мастерской кто-то есть.

— Кто этот уважаемый господин, чей портрет вы рисуете?

— Портрет уже окончен, Лоренцо. А теперь я покрываю его маслом, которое по качествам своим подобно лакам. Нанесенное тонким слоем на полотно, оно свяжет краски, потом отвердеет, образовав прочную, эластичную, прозрачную и нетускнеющую пленку. Она сохранит на века свой блеск, предохранит живопись от порчи. А на портрете изображен мой друг...

С полотна смотрел на Лоренцо человек средних лет. Мужественное лицо окаймляли непокорные волосы. Взгляд настойчивый и внимательный, казалось,

он разглядывал кого-то. От белого воротника на худощавое лицо ложились блики.

Веласкес отступил на несколько шагов от мольберта. Портрет ему и самому нравился. Как не любоваться лаконичностью и красотой очертаний силуэта, окутанного словно вздрагивающей пеленой оливкового фона! По сравнению с его первыми полотнами, какой это ощутимый шаг, хотя вся красочная гамма выдержана в прежних тонах. Маэстро улыбнулся. Он вдруг понял, почему так привлекал его созданный образ. В нем были те черты, которыми обладал образ *его* Командора. Улыбнулся и Лоренцо, словно догадываясь, что присутствует при величайшем событии — рождении прекрасного портрета.

Месяц прошел в напряженной работе. Веласкес то откладывал, то вновь брался за своего «Продавца воды». Сначала ему никак не удавалось построить на полотне композицию. Потом работа пошла легко и быстро. Художник так привык к полотну, что даже по окончании всех работ велел слугам повесить его в мастерской. Те, зная спокойный нрав хозяина, подшучивали над ним: оставил, дабы всегда иметь у себя под рукой стакан холодной воды.

Главным действующим лицом на полотне был водонос Лоренцо. Правая его рука лежала на ушке громадного глиняного кувшина, расположенного на переднем плане, левой он подавал мальчику, попросившему напиться, бокал, наполненный до краев освежающей влагой. Тщательно выписал маэстро загорелое лицо водоноса, подчеркнул тенью горький изгиб брови, глубокие впадины глаз. Отметка печали легла на лицо задумавшегося человека. Нелегкая судьба старика угадывалась во всем его облике. И между тем в фигуре Лоренцо чувствовались внутренняя сила, стойкость человека, не покорившегося року. От зари до зари носит водонос-труженик свои кувшины, и так будет до поры, пока хватит сил.

Фигуру водоноса маэстро сильно осветил исходящим слева светом, а мальчика отодвинул вглубь, так, что его темная фигура мягко сливается с фоном. Второй мальчик, пьющий воду, весь погружен в тень,

сквозь сумрак которой лишь смутно различимы очертания его лица.

Краски заставили картину ожить. Стали ощутимыми красноватый кувшин и бронзовая кожа Лоренцо. Падающий свет, выделяя лица, отсвечивал на белом воротнике, заставлял искриться воду, налитую в бокал, бросал блики на рукав водоноса. Знакомые уже по другим полотнам краски начали звучать по-новому, образуя звучный аккорд цветов.

Январь 1621 года ознаменовался в семье Веласкес новым событием — родилась дочь Игнация. Ее крестили в той же церкви Магдалены. Крестным был старший брат дона Диего — Хуан.

Казалось, ничто не могло нарушить размеренный ритм жизни счастливой семьи. Родная Севилья, признав художника, даровала ему славу. Даже он сам, оглядываясь на пройденный путь, мог сказать, что в его творчестве произошло много перемен. Пришло умение создавать образы, строить композицию, по-своему передавать окружающий мир. Подводя итог, он мог сказать, что шел всегда вперед и целенаправленно. В будущем севильский период творчества художника назовут реалистическим — за правдивое отображение окружающей жизни, и демократическим — за глубокую симпатию и уважение к народу, его будням.

Знатное происхождение, достаток, верные друзья — все это сулило Веласкесу спокойную жизнь. Но беспокойство владело душой маэстро. Его таланту были узки границы родной Андалузии. И мысленно взгляд художника все чаще обращался на север, к Мадриду. Повинен в том был и дон Пачеко, неустанно твердивший, что Диего ждет всемирная слава.

Тем временем в Испании происходили события, которые коренным образом изменили дальнейшую судьбу дона Диего.

По всей Испании глухо гудели колокола — король Филипп III скончался. Ушел к праотцам еще один бесславный представитель габсбургской династии, ничтожный сын могущественного и грозного отца, чье имя приводило в трепет не одну коронованную особу. Провожая в последний путь почившего правителя, Испания с надеждой взирала — в который раз! — на трон: что посулит ей новый король-повелитель?

Унаследовав престол отца, шестнадцатилетний Филипп IV захотел по-своему управлять державой, еще хранившей признаки бывшего величия. Вынужден был уйти в отставку фаворит умершего короля, всесильный временщик маркиз де Дения герцог Лерма, бывший, по сути, некоронованным правителем страны. Он долгое время управлял государством по собственному усмотрению, не считаясь ни с королевским советом, ни с правом короля на последующее утверждение решений. За герцогом покинули свои посты герцог Уседа и дон Родриго Кальдерон.

Однако молодой король не рассчитал своих сил. Да и что мог изменить этот мальчик на престоле в своем громадном государстве? Что мог противопоставить нового прежней политике Испании? К власти пришли лишь другие люди, политическая же система в стране оста-

лась прежней. Ничего не изменилось — ни реакционный внешнеполитический курс, ни внутреннее бедственное положение народа. Освещенная блеском прошлого, на великолепных развалинах постепенно умирала великая держава. Но многие в стране, в том числе большая группа образованных грандов и идаalgo, не хотели примириться с мыслью, что Филипп IV, его правление не принесут ничего нового. Их радовало исчезновение с политической арены некогда все- сильных и властных временщиков, они приветствовали возвратившихся из изгнания людей, старались выдвинуть и приблизить к королю своих лидеров. Именно в этот период многие должности в государстве оказались вакантными. Пустовало и место придворного художника.

Дон Диего все чаще подумывал о том, чтобы отправиться в Мадрид и попытать счастья. Но гораздо больше его волновался почтенный дон Пачеко. Мыслимое ли дело! В последнее время из Мадрида все чаще стали доходить слухи о том, что дон Гаспар Гусман граф Оливарес, младший сын его друга графа Энрике Оливареса, стал приближенной к трону особой, другом короля. Оснований не верить не было. Незадолго перед этим граф Энрике стал севильским губернатором.

Вице-король Сицилии и Неаполя, затем управляющий королевским Альказаром в Севилье и, наконец, ее губернатор, граф Энрике был сыном весьма почтенных родителей. Его отец, дон Педро, прославленный генерал при Карле V, был первым графом Оливарес. Сын добавил к титулу отца еще один, женившись на очень уважаемой и знатной особе — донье Фонска графине Монтеррей. Своим двум сыновьям граф Энрике дал прекрасное воспитание. Старший, будучи основным наследником, сделал блестящую военную карьеру, а младший, Гаспар, был отправлен в Саламанкский университет, где его ожидали духовное звание и научная карьера. Но судьбе было угодно распорядиться так, что вскоре старший брат умер. Все наследство отца и матери, в том числе майорат, теперь должны были перейти к младшему

сыну. И молодой энергичный граф Гаспар Оливарес без особых сожалений обменял тогу ученого на светский плащ и шпагу. Теперь перед ним встала другая задача — жениться. Много красивых женщин в Испании, чьи глаза блестят алмазом, чьи волосы как сама ночь! Для себя граф не искал красавицы. Такая роскошь позволительна лишь расточителям. По его мнению, жена должна принести в дом богатейшее приданое. А что до красоты, то это богатство недолговечно!

Трудно было выбрать что-либо более непривлекательное, чем невеста молодого Оливареса. Он взял себе в жены кузину — безобразную, даже немного горбатую дочь вице-короля Перу — Инес де Суньига. Женившись, граф Оливарес переселился в Севилью, чтобы быть поближе к своему имению. Здесь, возле отца, его блистательного светского дома, который был всегда открыт для людей, отмеченных талантом, он жил с 1609 года.

Ученые, поэты, художники — цвет севильской культуры — были всегда желанными гостями графа Энрике, мецената, знатока искусства и гуманного покровителя. В доме графа и состоялось знакомство Гаспара Оливареса с доном Пачеко. Своею образованностью молодой граф сумел обратить на себя внимание даже герцога Лерма, который и дал ему возможность приблизиться к трону.

Однажды при посещении Севильи премьер-министру короля Филиппа III пришла мысль познакомить по-рыцарски учтивого, галантного и образованного Оливареса с принцами. В 1615 году он вызвал графа в Мадрид. И Оливарес вступил на первую ступень иерархической лестницы, ведущей к вершине. Вначале он стал правой рукой будущего короля только в играх, потом настолько вошел в доверие, что высокий государственный пост не замедлил себя ждать. Немалую роль в этом сыграл и его дядя Суньига.

Головокружительная карьера Оливареса была при дворе неожиданной. До сих пор все знали, что этот граф, дошедший по жизненной дороге до середины пути, не очень увлекался государственными делами

и не проявлял в этой области особых талантов. Какою будет его политика, можно было только догадываться. Но первые шаги начинающего царедворца свидетельствовали о решительности и умении постоять на своем.

Именно на Оливареса уповал в своих мечтах дон Пачеко. Кроме графа, которого молодой король к тому времени пожаловал титулом герцога Сан Лукар и сделал своим премьер-министром, в Мадриде жил еще один влиятельный земляк маэстро — Хуан де Фонсека. Высокое духовное лицо, настоятель королевского собора и королевский капеллан, дон Фонсека тоже был большим другом Пачеко.

Многие знакомые севилянцы уже покинули город и переехали в Мадрид под высокое покровительство. Среди них были художники и поэты. Но никого из них дон Пачеко не мог поставить в один ряд с зятем. Почему же было ему не думать, что Веласкес должен занять подобающее ему место при дворе? Он — сын очень почтенных родителей. Его предки — славные рыцари и гранды. Фамилия его матери — Веласкес — известна еще в годы царствия великого Карла I. В государственных документах 1520 года среди двадцати аристократических родов дворян первого ранга значится род Веласкес, которому дано наследственное право на звание гранда. Не менее уважаем и род его отца — дворянина из Опорто. Но молодой художник предпочел носить фамилию матери, как более именитую и в знак того, что он, как и его предки из рода Веласкес, будет всегда достойным рыцарем у короля. Дон Диего необыкновенно талантлив и прекрасно воспитан. Это ему очень пригодится в будущем.

Считая себя достаточно просвещенным в делах политических, а также в меру дипломатичным, дон Пачеко начал подготавливать молодого маэстро к отъезду. Для этого требовались терпение и выдержка. Но на что не пошел бы учитель ради своего любимого ученика и счастья дочери!

Долгими зимними вечерами он рассказывал Диего о Мадриде и королях.

Сумрачный могущественный Филипп II, отдыхая однажды после охоты среди пустынных равнин Кастилии, обратил внимание на небольшое арабское поселение Махерид. Только такому аскету, как Филипп, могло приглянуться столь унылое место, лежащее вдали от больших рек и дорог. Он приказал перенести сюда столицу. Воля короля в государстве закон. И вот из Вальядолида в Мадрид в 1569 году переехал двор.

Среди равнины под серым неуютным небом стали расти великолепные дворцы. Мадрид — маленькое местечко на реке Мансанарес — стал столицей, сердцем государства. У него появилась своя самостоятельная политическая история. Но Мадрид оставался исключительно резиденцией короля и двора. Университеты Алькалы и Саламанки по-прежнему привлекали к себе цвет пытливого юношества, а давно сложившиеся художественные школы Севильи, Кадиса, Гранады, Толедо — лучших мастеров живописи и зодчества. Город на Мансанаресе оставался неуютным, словно необжитым. Окаймленный на севере и северо-востоке хребтами Самосьерры и Гвадаррамы, он стоял высокий и неприступный. Недаром в народе говорили, что трон испанского короля самый высокий в мире после божьего!

Со всего света в Мадрид стекались богатства. Короли не жалели средств, дабы украсить свой тронный город. Лучшие архитекторы Италии и других стран возводили там шедевры, воплощая мечту в гранит и мрамор. Короли собирали великолепные коллекции. Одна из них, Армерия, была богатейшей в мире коллекцией старинного оружия. В гулких залах дворцов навечно заняли места шпаги Сиды Кампеадора и Христофора Колумба, кольчуга Альфонса Арагонского и латы Хуана Австрийского, стальная чалма Бобдила и необыкновенной чеканки и красоты оружие герцогов Альба.

Богаты дворцы Мадрида бесценными творениями рыцарей кисти, добывших себе мировую славу полотнами, — Тициана, Рубенса, Веронезе, Тинторетто и многих других. Величественны галереи портретов ко-

ролей. Со стен пустынных залов смотрят друг на друга гордые короли со свитками в руках, одеты в черного цвета нарядные костюмы, печальные принцы и инфанты, суровые и величественные королевы — без тени приветливости на лицах.

Слушая своего тестя, Веласкес словно совершал путешествие в страну, скованную холодом приличия и этикета. Художники двора писали почти всегда так, как этого требовал все тот же придворный этикет, где выражение каких-либо непосредственных чувств считалось недостойным актом, громкий смех — невоспитанностью. На всех портретах лежала печать этих требований, будь их автором иностранец Антонис Мор, писавший королеву Марию и Филиппа II, или испанец Алонсо Санчес Коэльо, создавший портреты детей Филиппа, или художник двора Хуан Пантоха де ла Крус, работавший при Филиппе III.

Холодело сердце от таких рассказов, хотя дон Пачеко был блестящим оратором и не скупился на похвалы королям, на восхваление их щедрот. Молодой маэстро думал о том, что, полав во дворец, он, как и многие до него, лишится главного — свободы и самостоятельности. На ум приходили слова отца Саласара о свободе. «Достойным ее может быть только сильный», — утверждал старик. А сможет ли он, Веласкес, быть там, в Мадриде, сильным? Дон Пачеко старался отвлечь зятя от подобных дум. Ведь у него необыкновенный талант! Таланту не страшны никакие преграды, перед ним склоняются даже короли.

— Ты должен сам повидать короля, — настаивал дон Пачеко, — для этого нужно ехать в Мадрид.

В апреле 1622 года дон Диего вместе со слугой и учеником мулатом Хуаном Парехой покинул родную Севилью. Провожаемый добрыми напутствиями семьи, снабженный рекомендательными письмами ко многим сановным особам в столице, маэстро спешил в Мадрид. Два тайных желания вынашивал он в сердце — написать портрет короля и попасть в легендарный Эскориал, громадный загородный дворец королей.

Карета, запряженная великолепной четверкой, быстро неслась мимо пастбищ вдоль Гвадалквивира. Потом дорога перескочила на противоположный берег, где возвышался склон Сан-Хуан Аснальфарате, увенчанный развалинами старинного замка. Еще несколько минут — и Севилья исчезла из виду, в последний раз блеснув красотой своей Хиральды. Веласкес старался сосредоточиться и не мог. Кучер весело напевал бесконечную песнь, птицей летевшую по широкой Андалузской равнине. Порою дорогой попадались небольшие одинокие венты с уютными патио, крышей которым служила густая листва винограда. Крохотные апельсиновые сады звали к себе ароматом зреющих плодов. Чем дальше уходил путь на север, тем чаще вдоль дорог стали попадаться алоэ грандиозных размеров, местами торчали кактусы. Кое-где на горизонте одиноко подымались над морем злаков изящные кроны пальм.

Задремавший дорогой Веласкес внезапно проснулся от сильного пьянящего запаха. Когда он открыл глаза, то с трудом поверил, что это не сон: повозка стояла среди долины, представлявшей собой сплошной розарий. Крупные, всевозможных цветов и оттенков розы плотной фантастической стеной заполнили горную долину. Хуан принес и положил перед доном Диего целую охапку этого благоухающего великолепия. Художник смотрел на цветы и не мог отвести взгляда. Розы всегда нравились ему, недаром в своих последующих картинах он будет отдавать им предпочтение перед другими цветами.

— До Кордовы осталось не больше трех миль, сеньор, — сообщил Веласкесу возница. — Там мы сможем отдохнуть и сменить лошадей.

Дон Диего кивнул, занятый своими мыслями. Карета вновь понеслась.

Кордова — столица самой блестящей эпохи мавританского владычества. Она раскинулась среди огромного поля, окруженная зубчатыми стенами и башнями с плоской кровлей. Мавры не пожалели для нее ни труда, ни средств, ни вдохновения. Кордова не осталась неблагодарной. Она дала миру знамени-

того физика Ибн-Баджжа, ученого раввина Моисея Маймонида, энциклопедиста Ибн-Рошда (Аверроэса). Там родился отвоевавший родину у арабов Гонзалъво Хернандес — отважный военачальник, там вырос Хуан де Мена, которого современники прозвали испанским Данте, там родились и жили писатель Гонгора, поэт и художник Пабло де Саспедес.

Благословенна кордовская земля, которую арабы называли соперницей рая. У самого подножия Кордовы протекает Гуад-эль-Кебир. Великая река — так называли ее мавры.

Карета, миновав белые домики, дворики с тонкими мавританскими колоннами из разноцветного мрамора, остановилась на заезжем дворе. С глубоким поклоном встретил высокого гостя хозяин заведения. К услугам приезжих были густой тенистый сад обширного дома и прохладный уют комнат. Но гость не пожелал отдыхать, он не чувствовал усталости за эти два дня пути. Ему хотелось поскорее пройти улицами города, посмотреть поближе на башни с ажурными мраморными галереями, на сквозные стены из арок, покрытых арабесками, напоминающими хитросплетенные кружева.

Стояла весна, и Кордова была похожа на букет цветов, пестрый, пахучий. Такой город мог создать только народ с тонкой поэтической душой, думал дон Диего.

В немом оцепенении застыли путники у стены величественной Кордуанской мечети. Арабы начали строить свою мечеть в VIII веке. Здесь везде царствовали колонны, их число внутри превышало 900. Время и люди разрушали храм, разбирали колонны, сложенные из яшмы, порфира и мрамора. Но по-прежнему гордо стояла мечеть. Внутри на стенах блестели изречения из корана, буквы были выложены золочеными кристаллами.

В таверне, где они остановились, маэстро и его слугу ждала пара оседланных лошадей. Нужно было еще засветло успеть добраться до феерического мавританского города, расположенного в пяти милях вверх по Гвадалквивиру. Древняя легенда связывала

его строительство с именем халифа Аль-Мансура, приказавшего соорудить замок в честь женщины необыкновенной красоты.

Всадники дали коням шпоры, и прекрасные быстرونogie животные перешли на могучий и порывистый галоп. Издавна славилась Кордова заводами своих лошадей. Их шеи гнулись крутой дугой, длинная грива повисала, словно крупный шелк, густой прямой хвост касался земли. Красоту их движений можно было сравнить лишь с птичьим полетом.

Всю дорогу к легендарному городу путники пронесли вскачь. Веласкес любил быструю езду, когда навстречу всаднику летел порывистый ветер, рвал полы плаща, норовил сорвать шляпу и, злясь, присвистывал за ушами.

Дворец поразил их не меньше, чем мечеть. Прекрасный Альказар с его 4300 колоннами был красив тою непреходящей красотой, перед которой бесильно время. Вдоль всего сада бежали ручейки. В некоторых местах они, натолкнувшись на препятствие, стекали по наново проложенному руслу, чтобы потом большими каплями падать в прекрасные чаши, точенные из мрамора. Ручьи носили поэтическое название «слезы мавра».

Пора было возвращаться. Прощай, дворец, прощай и ты, Кордова, некогда славившаяся своим университетом, библиотеками, банями, товарами и культурой, а теперь живущая лишь прошлым величием. Прощай, путь еще далек.

Каждый день путешествия приносил что-то новое. Постепенно дорога стала подыматься все выше, изменился и облик земли. Далеко позади осталась милая сердцу Андалузия. Путники въезжали на землю Кастилии. Совсем исчезли кусты олеандров, сплошные заросли маслин и сады. Кастилия представляла собою довольно унылую картину. Волнистая пустыня казалась густо засеянной крупными камнями серого и почти синего цвета. Вдали виднелись сосновые рощи. Песчаная почва вся поросла кактусами и травой. Местность казалась заброшенной. Над нею гулял ветер со скалистой Гвадаррамы. Восходящее солн-

це окрасило все в печальный желтый цвет. Даже стада тонкорунных овец издали казались желтоватыми кочками. Среди такой вот Кастилии, пустынной и однообразной, среди скал и редких лесов вырос, возмужал, выработался тип испанского характера. Он чем-то был похож на природу этой страны — внешне спокойный, медлительный, внутри раскаленный и упругий.

Карета въехала в Толедо — мать испанских городов. Стояла теплая весенняя ночь. На темно-синем небе словно застыла ясноликая луна. Город казался громадным утесом, вынырнувшим из земли. Гулко прогремел под копытами лошадей мост д'Алькантара, переброшенный через черные глубины Тахо. Вдоль тесных улиц тянулись высокие дома с остроконечными башнями. Мостовая под колесами гремела, иногда издавая звенящий лязг, похожий на звон оружия.

Многострадальной была земля Кастилии. С избытком политая кровью, она не сделалась от того плодородней. Немые громады ее соборов были похожи на взметнувшиеся ввысь каменные руки, страстно и неудержимо молящие небо. Немыми оставались небеса. Но люди упорно посылали ввысь готические шпили, стремясь постичь тайну молчавших небес. «Далеко ли еще до небесных чертогов?» — спрашивали у высоких соборов люди. Остроглавые великаны оставались безмолвными. Что можно ответить тем, ждущим внизу с такою надеждою и так долго?

Множество легенд хранит испанская земля. Живут они и в древнем императорском Толедо. Рассказывают, что ночами здесь на улицах можно встретить готского короля Вамбу, с головы до ног закованного в звонкий металл. Он проезжает улицами города и о чем-то громко вздыхает. Не о былой ли славе Испании?

Здесь, в пантеоне прошлого, все так значительно, что порой кажется: из-за угла явится окруженный свитою Сид Кампеадор в боевых доспехах. Баярду Испании даже в легенде положено жить в таком городе, как Толедо.

У Кастилии были свои особые краски, непривычные для глаза художника из Андалузии. Веласкес про себя отметил, что тени здесь резко ложатся в серебряном свете под арками. На их густом фоне ярче выступают мраморные колонны. Многому ему еще придется удивляться на своем веку, многому учиться, ведь природа так разнообразна и богата.

Шел тринадцатый день путешествия. Путники въезжали в Мадрид. Город показался художнику знакомым — так образно тесть его описывал. Но некогда было в праздном любопытстве смотреть по сторонам. Маэстро торопился с визитами.

Гостя из Севильи ласково встретили братья дон Луис и дон Мельхнор дель Алькасар. С ним был приветлив капеллан короля Хуан де Фонсека-и-Фигероа. Он внимательно прочел письма Пачеко и севильских родственников и обещал покровительство. Написавший сам ряд портретов, дон Фонсека был меценатом и большим любителем живописи. В молодом художнике он видел качества, дававшие ему возможность представить севильянца ко двору. Пока же он добился для него разрешения посещать Эскориал и рекомендовал ознакомиться с городом. Ведь стоял май — месяц цветов, как его называют в Мадриде. Что может быть в природе прекраснее весны?

О приезде молодого маэстро дон Фонсека доложил графу Оливаресу. Но тот только покачал головой. Король так занят, что нечего и думать просить его позировать.

Подражая своему волевому, могущественному деду Филиппу II, Филипп IV решил, собравшись с силами, разобраться во всех делах государства сам. От отца он унаследовал величайшую в мире империю. Ведь из Мадрида в те времена управляли полмиром: Пиренейским полуостровом, Нидерландами, значительной частью Италии и множеством больших и малых островов, лежащих вблизи этих государств. Центральная и Южная Америка тоже входили в состав могучей державы, ее власть простиралась даже на такие отдаленные земли, как острова Океании. Но громадный колосс шатался. Первая же грозная

буря могла развалить его. И не под силу было мальчику-королю предотвратить беду. Каждодневно заседал Королевский совет в поисках выхода из создавшегося положения. Филипп изучал вопросы торговли и давал свои советы. Написал предисловие к переводу трудов итальянского историка Гвиччардини и вел политическую переписку с Марией де Агреды, просвещенной монахиней, славившейся своими «видениями». Из стараний мало что получалось у молодого короля. Ничем не могли помочь и окружавшие его люди, более опытные, более просвещенные, дипломатичные и знающие. Но он подпадал под их влияние. Энергичный, ловкий, умный, граф Оливарес все больше забирал в свои руки бразды правления. Пока граф не спешил. Мог подождать и севильский маэстро, занятый осмотром Эскориала.

В тридцати милях на северо-запад от Мадрида, среди пустынных возвышенностей Монсанареса, мрачною громадой подымается далеко видный на темном фоне Сьерра-Гвадаррамы замок Эль Эскориал. Окруженный массивными, как у крепости, стенами с тяжелыми башнями, холодный, неприветливый, он производил впечатление огромной глыбы серого гранита.

На склоне лет Филипп II решил вынести свою резиденцию за городскую черту. Он задумал, кроме того, возвести в честь святого Лаврентия величественный храм и выстроить вблизи него чудовищную по размерам усыпальницу, где нашли бы покой все испанские короли. Первыми в этом пантеоне должны были почтить Карл V и его жена. Много проектов предлагали архитекторы для постройки дворца, но Филипп II избрал тот, который больше всего подходил благочестивому королю по духу. Здание строилось так, чтобы в целом оно напоминало выполненное в камне орудие пытки — своеобразную сковороду, на которой, по преданию, поджаривали святого Лаврентия. Стены главного дворца походили на грандиозных размеров решетку, выступавший вперед дворец инфантов служил ручкой, четыре массивные башни, стоявшие по углам, — ножками. Филипп II хотел по-

строить замок, который простоял бы века, повествуя миру о величии сильной католической империи. Крепость стала воплощением в камне грезы короля.

В пустынных предгорьях закипела работа. Главным архитектором был назначен Хуан де Толедо, а после его смерти Хуан Эррера. Постепенно, словно из земли, росло грандиозное здание, достойное «демона южных стран» и могущественного владыки мира.

Из разных концов империи везли в этот край материалы. Прекрасный, словно подернутый дымкой, беловато-серый пералехосский гранит, мрамор — белый, коричневый, зеленый с красными прожилками — из Гранадских, Араских, Филабрейских гор, яшму из каменоломен Бурго де Осма. Караваны судов доставляли в испанские порты ценнейшие сорта строительного леса с Вест-Индских островов. Все поглощало ненасытное чудовище, которое обошлось короне в 6 миллионов дукатов! Строительству, казалось, не будет конца. Умирили короли, а дворец оставался недостроенным. Вот вытянулись гладкие, широко раскинувшиеся фасады Эскориала с часто прорезанными окнами, число которых доходило до 2600. Четырехугольник дворца строили без украшений, только главный вход был подвергнут архитектурной обработке и представлял собой монументальное двухъярусное сооружение с 8 массивными дорическими и ионическими колоннами, с классическим фронтоном, аттикой и триглифным фризом. Застраивалась постепенно и внутренняя часть — геометрический лабиринт из 16 дворов. Все сооружение имело 2673 окна, 1940 дверей, 1860 покоев, 86 лестниц, 89 фонтанов, 51 колокол. Дворец был построен. Оставался незавершенным лишь Пантеон.

Веласкес вошел в заколдованный город Эскориал. Сопровождавший его по поручению дона Фонсеки монах повел гостя сводчатыми коридорами, серыми гранитными галереями, какими-то тайными ходами вдоль внутренней двухъярусной галереи, где дорические и ионические колонны чинно несли стройные полукруглые арки.

В главном соборе, как и везде, их встретила гулкая тишина. Шум шагов четко повторялся под готическим куполом храма. Двери собора открывались лишь для избранных. В глубине придела, в темном углу, на краю самой задней из общих скамей, монах показал дону Диего место императора Филиппа II. Позади скамьи — маленькая, незаметная потайная дверь, рядом в стене храма — крошечное окошечко.

— Великий король Филипп II, да будет ему царствие на небесах, — негромко говорил монах, — думал о своих подданных даже в церкви. Во время долгих служб ему через окошечко подавали для просмотра бумаги, передавали сводки о военных действиях.

Веласкес тем временем думал о том, что король хотел казаться перед богом самым маленьким из грешников, великий король-католик, свершивший столько деяний в угоду любимой матери церкви!

Во внутренних двориках стояли статуи — превосходные скульптуры греческих мастеров. Картинная галерея дворца была, пожалуй, одной из самых богатых в Европе. Более тысячи пятисот полотен насчитывалось в ее залах. Кроме этого, немало сокровищ таил в себе «Реликарио» — там находились изделия из золота и серебра с вкрапленными в них драгоценными камнями, лежало евангелие со страницами из чистейшего золота.

Осмотрев все возможное, дон Диего принялся за работу, и вскоре комната, отведенная ему в доме Фонсеки, сплошь была заставлена копиями Леонардо, Веронезе, Рафаэля, Рубенса и других великих мастеров. У них учился он, совершенствуя свое мастерство. Особенно нравился ему Тициан. Возможно, что именно в этот период под воздействием Тициана и венецианских живописцев палитра Веласкеса приобрела новые живописные качества, стала более светлой и прозрачной.

Время бежало, но дон Хуан де Фонсека пока не приносил утешительных вестей. В его доме, как и в севильском доме Пачеко, часто собирались гости. Нередко заходил сюда литератор дон Луис де Гон-

гора Арготэ*, друг молодости Пачеко. Он подолгу беседовал с доном Диего о Севилье. Маэстро начал писать его портрет.

Через два месяца Веласкес прощался с Мадридом, его широкими площадями и улицами, прекрасными дворцами и их коллекциями. К сожалению, мечту покорить столицу пока приходилось оставить. Граф Оливарес никак не мог добиться у короля аудиенции для художника, а доброжелательный дон Фонсека срочно должен был выехать в Италию. Но Веласкес не отчаивался: впереди была еще целая жизнь.

* Луис де Гонгора Арготэ (1561—1627) — писатель и поэт, создатель литературного направления «Культурные люди», которое требовало от произведения особой изысканности, вычурности, что соответствовало вкусам испанской аристократии конца XVI века.

ХУДОЖНИК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

В Севилье маэстро ожидало несчастье. Горела, металась в жару маленькая Игнация, плакала над нею измученная донья Хуана де Миранда. Смерть, которая несколько дней стояла у изголовья девочки, казалось, только и ждала того, чтобы вернулся отец.

На кладбище, где обрело вечный покой тельце крошки Игнации, близ церкви, у самой ограды, дон Диего нашел могилу отца Саласара. В Испании нет обычая плакать над могилами. Но разве только слезы могут выражать горечь утраты? Художник смотрел на небольшой, уже густо поросший травой холмик и горько сожалел о том, что так и не собрался написать портрет своего наставника.

Мертвые ложатся в могилы, живые же продолжают жить. Опять побежали вереницею дни, трудовые дни неутомимого маэстро.

Слуга Хуан де Пареха не мог надивиться энергии хозяина и учителя, который сутками простаивал у мольберта. Могло показаться, что, макнув кисть в краски, он черпает там силы для себя.

Филиппа IV Веласкес видел всего только раз, когда тот в окружении свиты ехал верхом в свой загородный дворец. Но острый глаз художника схватил в тот момент многое. Кроме того, в королевской коллекции видел Веласкес портреты Филиппа, написанные,

когда он еще был инфантом. Он решился писать портрет.

Прошло почти полтора года со времени поездки в Мадрид. За этот период многие портреты вышли за стены мастерской маэстро, чтобы украсить собою лучшие гостинные города.

Однажды утром в дверь дома Веласкеса постучали. Перепуганный Хуан Пареха вылетел на крыльцо. Мимо него, ничего не замечая, почти пробежал дон Пачеко. Через минуту весь дом был на ногах. Радостная весть на сей раз была их гостьей: дон Пачеко получил от дона Хуана де Фонсеки письмо: «Уважаемый граф пожелал вновь увидеть молодого маэстро. При дворе его ждут». Кроме того, дон Хуан высылал на дорожные расходы 50 дукатов, субсидию премьер-министра.

Недолгими были сборы. В тюки бережно упаковали несколько полотен. Карета, почти нигде не останавливаясь, понесла дона Диего и тестя, который на сей раз сам решил сопровождать его в Мадрид. Пронеслась мимо одетая в золотистую дымку Кордова, блеснул золотым копытом на серебряной подкове Толедо.

Путники въехали в строгий, чопорный Мадрид.

Севильянец тепло встретили в доме Фонсеки. Вызова во дворец можно было ждать со дня на день. За прошедшее время многое изменилось в столице. Королю наскучила его государственная деятельность. Бремя забот о нуждах страны он все охотнее взваливал на широкие плечи своего первого министра, а сам занимался охотой, корридами и другими подobaющими лишь королям забавами. Найдя подходящий момент, осторожный граф Оливарес внушил королю мысль, что пора позаботиться о том, чтобы оставить потомкам память о себе, увековечить свой образ в полотнах, выполненных достойнейшими из художников. Король счел слова графа справедливыми. Тогда-то граф попросил Фонсеку вызвать в Мадрид молодого маэстро из Севильи.

Дни ожидания по обыкновению текут очень медленно. Веласкес решил не терять времени даром и

начать писать портрет своего покровителя дона Фонсеки.

Не успели высохнуть на полотне краски, как сын графа Пеньяранда дон Антонио, бывший камергером инфанта кардинала, попросил у художника разрешение показать портрет при дворе.

Признание на сей раз сразу пришло к молодому маэстро. В одном из залов дворца собрались придворные. Со всех сторон слышались похвалы таланту Веласкеса, раздавалась хвала его кисти. Двери открылись, и в зал вошел король. Перед ним почтительно расступились, с поклоном давая дорогу. Он прошел на середину зала.

Все присутствующие ждали, что скажет король, который считался знатоком и ценителем искусства. Филипп IV смотрел на портрет. Ни одна черточка не дрогнула на его лице. Молчание длилось долго. Затем он повернулся к премьер-министру и спросил о художнике. А потом, всем на удивление, выразил желание позировать маэстро, добавив при этом, что тот отличный портретист.

В этот вечер во всех аристократических домах столицы только и было разговоров, что о портрете дона Фонсеки и не известном пока никому молодом маэстро. Высказывались разные суждения, но все сходилось на том, что талант Веласкеса несомненен и ему повезло, коль сам король Филипп IV решил доверить ему свой портрет.

Взволнованный дон Пачеко писал в тот вечер друзьям и родным в Севилью: «В течение одного часа весь дворец признал редкие качества портрета». Учитель больше, чем ученик, упивался успехом.

В жаркий полдень 10 августа 1623 года, когда столица изнывала от нестерпимого зноя, прохладными галереями, минуя огромные залы, по королевскому дворцу к покоям короля спешили несколько человек. Среди них не очень высокий, худощавый, хорошо сложенный юноша. Его немного великоватая голова отлично была посажена на сильной, мускулистой шее. Большой выпуклый лоб обрамляли длинные черные волосы, кольцами ложившиеся на высокий бе-

лоснежный кружевной воротник. Небольшие черные, очень выразительные глаза блестели под густыми бровями. На губах проступала улыбка. Ничто в облике молодого человека не говорило о том, что через несколько минут будет решена его судьба.

У высокой резной двери шедшие остановились: здесь нужно было ожидать вызова. За дверью тем временем граф Оливарес докладывал королю о художнике. Внезапно Филипп IV улыбнулся, что с ним случалось довольно редко. Граф Оливарес уж очень ходатайствовал за севильянца! Он кивнул премьер-министру в знак того, что все отлично понял, и сделал гофмаршалу жест впустить ожидавших.

Двери широко отворились, и в тишине королевского кабинета прозвучало:

— Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес.

Маэстро шагнул на середину кабинета, опустился на одно колено и низко наклонил голову. Молчание длилось всего несколько секунд. Когда он поднял глаза, то прямо перед собою впервые так близко увидел короля Испании. Они внимательно, с интересом смотрели друг на друга, восемнадцатилетний король и двадцатичетырехлетний художник. Король выждал еще несколько секунд и потом начал первым по обычаям испанского церемониала.

В группе людей, стоявших за спиной маэстро, слышался едва заметный ропот. Невиданное дело — король с таким почтением обращается к этому юнцу! Даже мертвые зашевелились бы от удивления, услышав подобное из августейших уст. Король нахмурился, ему не нравились вздохи-предупреждения. Филипп говорил о том, что важные дела занимают очень много времени и потому тратить его специально для позирования непозволительно. Неожиданно для всех он повелел гофмаршалу с этого дня отдать приказ допускать маэстро в любое время в королевские покои. Пусть он поймает момент и напишет картину.

Художник низко поклонился. Аудиенция была окончена.

День 30 августа стал днем, принесшим молодому севильянцу, кроме известности, еще и славу. Порт-

рет короля был закончен. Для всеобщего обозрения его выставили во дворце. Филипп IV был доволен. В жизни он не отличался особой красотой, маэстро же сумел придать его лицу силу, взгляду бодрость. Портрет стал выражением сурового достоинства короля. Придворные в один голос заявили, что ничего подобного до сих пор не видели. Это повторялись слова всесильного Оливареса. Триумф был очевидным.

На следующий день от имени короля премьер-министр призвал к себе художника.

— Отныне вы, маэстро, будете писать портреты его величества и членов его семьи. Король жалует вам в знак особого расположения титул придворного живописца. Это великая честь. Только трудом своим вы можете ее оправдать.

Глядя вслед уходившему художнику, граф думал о том, что этот талантливый юноша должен, обязательно должен писать и его особу, чтобы прославить его на века. Как ошибался всесильный граф! Полотна художника могли прославить только одного человека — Веласкеса.

«В последний день октября 1623 года, — писал дон Пачеко в своем дневнике, — Веласкесу был прислан титул с 20 дукатами жалования в месяц с оплатой его произведений, сюда же были включены доктор и лекарства».

Художник прощался с Севильей, цветущим городом детства, городом сбывшихся мечтаний. С собою в Мадрид он увозил частичку андалузского солнца, чтобы там среди словно подернутых дымкой сероватых холмистых равнин оно напоминало ему родину. Все вещи и картины были тщательно упакованы. Взмолчанный Хуан Пареха бегал между сложенных горою вещей и отдавал возницам последние наставления. Он был в том счастливом возрасте, когда не особенно задумываются над тем, что принесет дорога, а важно лишь одно — быть в движении.

В последний раз прошел маэстро еще спящими улицами Севильи, по дороге завернул в погребок старого Родриго, где старик и Марианнелла сказали ему в напутствие столько хороших слов, что их с из-

бытком хватило бы на три жизни. Прощай, Севилья, белоснежная красавица! Он покидал родину для того, чтобы навеки обессмертить ее имя.

Веласкес стал придворным живописцем. С этого времени вся жизнь художника была тесно связана с жизнью королевского двора, органически вплелась в него, чтобы потом быть для потомков зеркальным отражением эпохи Филиппа IV.

Семья художника поселилась в самом центре Мадрида, близ громадной новой площади — Пласа Майор (Большая площадь), которая служила местом всевозможных парадных представлений, рыцарских турниров, народных празднеств, а также местом исполнения акта веры — постановлений «справедливого» церковного суда — аутодафе. Дом художника был светлым и просторным. Только новые его жильцы никак не могли привыкнуть к большим ставням на окнах и каменным полам в некоторых из комнат — в Севилье такого не было. Дело в том, что лето в Мадриде длится чуть ли не девять месяцев, и стоит такая жара, что только ставни и прохлада пола бывают хорошей защитой от зноя.

В распоряжении художника были две мастерские. Одна на Пласа Майор, а другая в одном из крыльев королевского Альказара.

Дворец Альказар хранил черты восточного стиля. Перестроенный из старинной мавританской крепости, он был мрачным и угрюмым. Попав сюда впервые, маэстро поразился неприветливости внутренних покоев. Обставленные с великолепной роскошью, они не носили отпечатка обжитого помещения. Окна его мастерской, в общем больше похожие на крепостные амбразуры, были обращены на запад, к мелководному Мансанаресу. Когда к концу дня солнце, уставшее за день, наконец, заглядывало в мастерскую, оно постоянно видело человека, быстро наносящего кистью мазки на полотно.

С первых же дней пребывания на новой должности Веласкес понял, что у него в жизни уже не будет спокойных и свободных дней. Утро начиналось с того, что он тщательно проверял свое платье: коро-

испанский живописец должен быть безупречно одетым. Гривотильна испанская придворная мода! Кажется, что может быть легче — черный камзол с большим белым накрахмаленным воротником. Но так можно выдаться только со стороны. Фасон камзола тоже строго предопределялся, материал соответствовал временам года — шелк, бархат, сукно. Маэстро невольно улыбался, вспоминая, что первым его книжным приобретением в Мадриде была книга «О правилах поведения придворного». Да, да, придворного.

Утром и вечером, совершая прогулку от дворца к дому, он разрешал себе отдохнуть и поразмыслить. Интересно, что бы сказал почивший отец Саласар, увидев его теперь? Может быть, он нахмурил бы свои густые оставшиеся до старости черными брови, тряхнул бы седою головой, что было признаком крайнего неудовольствия. Или просто сказал: «Мальчик мой! Не сделал ли ты ошибки, поспешив расстаться с Семильей? Что даст твоему таланту Мадрид и двор? Не обмельчает ли твоя кисть, не потускнеет ли гений, когда ты изо дня в день будешь писать портреты, так похожие друг на друга? Круг моделей твоих стал очень ограниченным. Все члены королевской семьи похожи между собой. То небольшое другое, что напишешь ты в часы, вырванные у сна, не будет определять твое творчество. Не кажется ли тебе так?» — «Нет, падре, — маэстро мысленно продолжал разговор, — это не так. Вы говорите, похожи, но это только для тех, у кого черный цвет — всегда черный, тогда как для меня существует больше пятидесяти его оттенков. Так дело обстоит с цветами. Не похожи и модели. Даже два портрета одного и того же лица художник пишет по-разному. В человеке, кроме внешних черт, есть внутренние, их замечаю я. Не стоит огорчаться, падре. Вы хотите, очевидно, напомнить мне еще о свободе? Мне действительно нелегко. Но я докажу вам, дорогой мой наставник, что не зря был вашим учеником».

Днем раздумывать было некогда. Веласкес писал второй портрет короля.

В гостиных, которые широко раскрыли свои две-

ри перед обласканным его светлостью художником, ему нередко приходилось присутствовать на литературных вечерах.

В доме дона Фонсеки встречался он с поэтом Луисом Гонгорой, своим сверстником драматургом доном Педро Кальдероном де ла Баркой, восходящая звезда которого уже сияла на литературном небосклоне. Приходил сюда любимец и баловень публики дон Лопе Фелис де Вега Карпьо, чьи пьесы шли на сцене королевского театра и всех театров Мадрида, и дон Франсиско Суарес, известный философ, и дон Луис Велес де Гевара, драматург и сатирик, и дон Франсиско Гомес де Кеведо-и-Вильегас, чей блестящий смелый талант завоевал огромную популярность. Дон Кеведо недавно вернулся из изгнания, и его острые эпиграммы, переложенные на музыку, уже распевал весь Мадрид...

Чаще слушая, чем высказываясь, молодой маэстро все более входил в круг людей, которые представляли передовую часть демократически настроенного общества и отличались большой творческой активностью. Даже тут, в салонах, шла скрытая борьба, под улыбкой часто скрывался идейный противник.

Много новых впечатлений уносил художник с собой от этих вечеров. Литераторы и поэты, которые были зеркалом жизни Испании, грезили о создании образа «великой личности». Им казалось, что такой человек, сильный, всемогущий, взявший в свои руки бразды правления, необходим их стране. Объяснялось все это просто: экономический кризис, хозяйственные неполадки, которые в начале столетия казались лишь временным явлением, вросли в быт, стали постоянными. Государственные банкротства следовали одно за другим (1597—1607—1627), повторяясь каждые двадцать лет. Кризис, неудачи в войнах грозили Испании потерей господства и отодвигали ее из числа великих держав. С этим трудно было примириться привыкшей к мировому блеску Испании. И вот в литературе и искусстве этого периода появляется образ человека, который должен вывести страну на прежние позиции.

Немалые надежды возлагала вся Испания на Филиппа IV: от него ждали реформ, которые могли бы изменить положение внутри страны и вывести государство из кризиса.

Размышляя над этим, маэстро понимал, что перед ним, художником, стоит задача изобразить Филиппа IV как надежду страны, создать образ, полный большого значения.

Его высочество несколько раз позировал ему, но маэстро пока не удалось передать на холсте то, чего он сам требовал от портрета.

Наконец портрет был окончен*. Он изображал короля во весь рост. Его несколько вытянутая фигура занимала почти все полотно. Гамма цветов портрета строга и сдержанна: черный парадный испанский костюм с неизбежным плащом, белые манжеты и белый воротник, в руке — листок бумаги. Чуть блестит переброшенная через плечо золотая цепь ордена «Золотое руно». Приглушены краски фона.

Все в полотне подчинено желанию художника придать королю побольше значимости. Веласкес передает точный портрет Филиппа IV: некрасивое вытянутое лицо с характерной для Габсбургов челюстью, крупный нос, большой рот, холодный блеск голубовато-серых глаз, выражение горделиво-равнодушное. Но сквозь всю обстановку торжественности и парадности невольно ощущаешь, что перед нами представитель рода с явными признаками вырождения. Сквозь нарочитое внешнее спокойствие пробивается усталость и угнетенность. В силу своего реализма художник не только дал глубокий анализ личности короля, но и воплотил в портрете свое представление об этом человеке.

Счет бесчисленным портретам короля был открыт. С годами по ним можно будет проследить изменения,

* По данным книги Margaretta Salinger «Diego Velazquez» (1961, Нью-Йорк), этот портрет был приобретен лондей Антонией де Ипенаретта. Есть расписка, подписанная Веласкесом, в которой упоминается, что он куплен 4 декабря 1624 года. Таким образом, это самый первый портрет короля из известных нам. Первый, о котором речь шла выше, утерян.

наложенные временем на черты лица короля, на манеру держать себя.

С каждым новым полотном росло портретное мастерство маэстро. Он делает много зарисовок, эскизов.

Однажды мастерскую маэстро посетили высокие гости: наследник английской короны принц Уэльский и его фаворит герцог Букингем. Принц, будущий Карл I Стюарт, прибыл в Мадрид по весьма важному делу — он просил руки испанской инфанты Марии. При дворе принимали наследного принца с необыкновенной пышностью. Но среди придворных ходили слухи, что инфанта наотрез отказалась выходить замуж за «протестанта». Пока король Филипп и Оливарес старались уладить дело, принц развлекался. Осмотрев полотна маэстро, он пожелал иметь портрет его работы. Филипп IV милостиво разрешил Веласкесу писать. И маэстро взялся за кисть. Когда портрет был окончен, принц прислал художнику щедрое вознаграждение — 100 дукатов. Эти деньги были очень кстати для молодой, еще не совсем устроившейся в Мадриде четы.

Хотя жизнь испанского двора независимо от каких бы то ни было событий оставалась всегда спокойной и каждый придворный заведомо знал, чем он будет заниматься через несколько лет в этот же день, Веласкес сумел разнообразить свою жизнь. У него были верные друзья, чьи полотна покрывали стены королевских дворцов, — ведь время бессильно остановить переключку гениев разных эпох.

Кроме того, на художника своеобразно, совершенно по-особому начала действовать окружающая природа. Он пристально всматривался в нее в те недолгие часы, когда ему удавалось с доньей Хуаной де Мирандой и маленькой Франциской поехать за город.

Здесь природа была совсем иной, чем в Севилье. Оттуда он привез в своем сердце бело-сине-серые тона: голубовато-серое море, бело-голубой воздух, синие горы, задумчивую зелень листвы и редкую по красочной гамме гармонию света.

Природа Испании изобилует серыми тонами. В Мадриде они жемчужные, пепельно-серебристые. Такими они запечатлелись и на полотнах дона Диего. Он вспоминал пейзажи других художников-испанцев. Дон Эррера любил серебристо-серые тона. Сурбаран при всей насыщенности его цветовой гаммы не забывал о пепельных; у Эль-Греко среди блестящих, разнообразных красок обязательно встречаются гранитно-серебристые тона с железным оттенком. Заимствования тут не могло быть. Подражания тоже. Просто природа Испании была их учителем. Писать иначе они не могли.

Заинтересовавшись природой мадридских окрестностей, маэстро начал вводить элементы пейзажа и в портреты. Постепенно совершенствуя эту новую черту своего творчества, он добился того, что в его полотнах, как говорили знатоки, стал ощущаться окружающий фигуру воздух. Несколько позже пейзаж, служивший ранее только фоном, стал гармонически вливаться в полотно, становясь средством характеристики портретируемого.

...Еще с вечера в королевском дворце придворные передавали из уст в уста новость. Завтра против церкви Сан-Филиппе, что на Калье Майор, будет выставлен для всеобщего обозрения конный портрет государя работы Веласкеса. Многие с нетерпением ожидали грядущий день.

Были и такие, у кого сквозь приторные улыбки просвечивала затаенная злоба.

Тут нечему удивляться. В придворной среде лицемерие негласно считалось превосходным качеством. Ведь подчас за условностями дворцового этикета умело маскировался карьеризм, за внешностью святоши — распушенность. Бесконечные интриги плелись в королевских дворцах. Не успел молодой маэстро переступить порог королевских покоев, как по двору змеями поползли сплетни. У лжи длинные ноги. Противники не жалели красок, чтобы очернить дона Диего. «Непонятно, — шипели злые языки, — почему его величество так покровительствует этому севильянцу. Ведь все его мастерство (да простит нас бог за

оскорбление этого слова) только в том, что он уме-
ло пишет головы».

Больше других негодовал на нового королевского художника Висенте Кардучо.

Из своей родной Италии он приехал в Мадрид совсем молодым. На живопись тем не менее у него были уже твердые взгляды — романтизм он считал единственно верным направлением. Время же переросло взгляды художника, тогда как он сам не менялся. Испанская национальная художественная школа была ему чуждой, как и реалистическая живопись Италии, которую он тоже отказывался понимать. При испанском дворе ему нечего было бояться нововведений. Тут царил закон постоянства, старое всегда считалось лучше нового. Он свил себе здесь гнездо, писал скучные полотна и, кроме того, засел за большой трактат. Кардучо задумал на теоретической основе доказать всем, что романтизм как направление в искусстве бессмертен, а всякие нововведения несут крушение и гибель живописи.

Веласкес оказался тем объектом, на который Кардучо и направил весь пыл своего негодования. Мальчишка смеет писать портреты, а другие уже запели, что, дескать, у севильянца есть чему поучиться!

Волновался дон Диего. В тот день он забыл, что любой признак волнения может послужить поводом говорить о его неуверенности. Донья Хуана де Миранда перекрестила его на дороге. Веласкес надел шляпу, Хуан Пареха взял в руки трость — в Мадриде он становился щеголем, — как вдруг в распахнутую дверь вошли дон Пачеко и Алонсо Кано.

Они приехали в Мадрид вместе с доном Фернандо де Риберой, спешившим во Фландрию. Времени для разговоров не было. В сложившейся обстановке Хуан оказался самым хладнокровным и коротко рассказал приехавшим о происходящем.

На Калье Майор собрались целые толпы народу. Впечатление от полотна было настолько большим, изображение настолько правдивым, что многие силой подавляли в себе желание поклониться его величеству.

Король восседал на отличной верховой лошади. Казалось, он дал ей шпоры и она, чувствуя руку могущественного седока, поднялась на дыбы, чтобы сильным рывком броситься вскачь.

Сколько хороших слов услышал в этот день маэстро! Но и зависть недоброжелателей перешла все границы. Уже от кучки стоявших поодаль художников донеслось, что лошадь нарисована просто ужасно!

К молодому маэстро подошел слуга дона Фонсеки.

— Уважаемый господин! — начал он заученную фразу. — Сеньор Фонсека просит вас и многочтимого дона Пачеко из Севильи посетить их дом в пору, когда прощается с землею солнце.

Передохнув от вычурной и пышной фразы, он продолжал:

— В доме сеньора Фонсеки в честь вас сегодня будет вечер. Друзья придут воздать должное таланту, доставившему сегодня столько радости.

Край солнца коснулся земли, заря угасала. В этот час к дому дона Фонсеки стали съезжаться гости.

В гостиной, где Веласкесу было знакомо все, вплоть до хитрого узора на ковре, собралось немало людей. Дон Фонсека обвел глазами присутствующих.

— Многоуважаемые сеньоры, почтенные дамы и господа! Сегодня вы еще раз были свидетелями триумфа молодого маэстро. Слава требовательна, ей нужны крылья. Лучшие наши поэты, которые оказали честь нашему дому, прибыли сюда, чтобы дать ей их. Мой восторг не сможет заменить их речей. Потому мы просим поэтов прочесть свои стихи.

Первым встал дон Франсиско Пачеко. Он начал:

О дивный юноша! Возвысься в нимбе
Незаурядного таланта твоего!

Художник воздавал честь другому художнику. Здесь, в доме Фонсеки, царило Искусство.

Потом поднялся поэт Луис Велес де Гевара, известный автор «Хромого Беса». Он, как и дон Пачеко, сложил сонет:

Скажи: портреты видим или души?
Изображение короля неповторимо,
Как будто ожил мертвый холст.

Поднялся третий поэт — Херонимо Гонсалес де Вильянуэва. Он начал негромко:

Трепещут ивы, и прекрасные цветы
Струят свой аромат,
И трелями своими птицы
Ведут о мастерстве твоём рассказ,
И все живое на земле готово
Воздать хвалу тебе, Веласкес,
За диво дивное —
Творенье рук твоих...

Отзвучали слова хвалебных стихов, от души подаренных известными великому. А он, смущенный, все прижимал свою руку к сердцу, которое гулко билось, преисполненное благодарности.

Награда Филиппа IV была поистине королевской. На следующий день художнику выдали из казны 300 дукатов наградных и разрешение на пансион. Ему предложили переехать на новую квартиру, стоимость которой — 200 дукатов в год — оплачивалась тоже казною. Кроме того, на имя святейшего папы Урбана VIII в Рим было отправлено прошение разрешить выделять королевскому художнику по 300 дукатов с дохода прихода, в котором он жил. Святой отец дал свое согласие.

Но разве деньгами и почестями можно оценить гениальность?

Друзья чествовали Веласкеса, а «коллеги по искусству» из лагеря Кардучо продолжали плести интриги. Слава севильского маэстро не давала спокойно спать сеньору Висенте. Он вспоминал времена, когда, будучи совсем молодым, мечтал о подобном взлете. Тогда брат его, Бартоломео, который работал вместе с сеньором Тибальди на постройке Эскориала, смеялся над его необузданной фантазией. Теперь он многое понял, но уступить этому выскочке-мальчишке, который моложе его, опытного мастера, на 23 года? Никогда!

Веласкес по-прежнему неутомимо работал. Окончив «Христоса с пилигримами», он принялся за портрет маленькой Франциски.

Обстановка при дворе тем временем оставалась очень напряженной.

С 1621 года шла в далекой Фландрии война. Испанская корона никак не могла примириться с тем, что закатилось солнце ее бывшего могущества. Граф Оливарес был ярким сторонником продолжения войны, рассчитывая, что в случае удачи король не забудет своего первого министра. Но видные военные деятели государства понимали, что война не принесет славы испанскому оружию.

Ближайший советник испанской инфанты, унаследовавшей Францию, адмирал Амброзио Спинола, был тоже из числа недовольных и

предлагал заключить мир. Но Оливарес не хотел и слушать о прекращении огня. Капитуляция крепости Бреда, единственная победа в этой войне, представлялась ему началом военного триумфа. На этой почве произошла яростная стычка между адмиралом Спинолой, опытным и авторитетным полководцем, и графом. Выхода из создавшегося положения никто не видел.

Тридцатилетняя война была в разгаре, большинство европейских держав оказались втянутыми в нее. Назревали события, весьма нежелательные для Испании, — королевская казна была истощена непрерывными войнами. Франция, несмотря на брачные союзы, заключенные недавно между королевскими домами, начала занимать в вопросах войны самостоятельную политику. Этого-то и боялись испанский король и его соправители. Настроение подавленности царило при дворе.

Веласкес писал новый портрет короля. Филипп IV, обычно снисходивший при позировании до разговора со своим живописцем, был молчалив. Придавая своему лицу вид холодной недоступности, он часами сидел, уставившись в одну точку. Художнику казалось, что на лице Филиппа IV, еще совсем молодом, лежит печать долго прожитых лет. Это предки переложили ему на плечи, оставили в наследство свою усталость. Король казался стариком с будущим, очень похожим на прошлое. На портрете он был изображен во весь рост, холодный, замкнутый взгляд, устремленный в пространство. Ничего нельзя прочесть на таком лице.

Некоторое разнообразие вносили дни, когда Веласкес бывал в доме у графа Оливареса. Всесильный граф любил искусство, но более всего на свете он любил самого себя. Искусство должно прославлять достойных. Славу, равную по цене короне, даст ему этот немного замкнутый севильянец, который будет писать его портреты.

Дон Гаспар Гусман граф Оливарес герцог Сан-Лукар де Барраледа де ла Махор любил рассказывать о себе. Граф считал, что его жизнь достойна

прославления и подражания. Сын дворянина и воспитанник иезуитов, он быстро шел вверх по социальной лестнице.

В часы, когда Веласкес писал с него портрет, граф, не умолкая, говорил. Художнику не раз пришлось услышать о том, что слава ученого ни к чему человеку, который чувствует себя воином и рыцарем. Кто не знал ближе коварного графа, тот бы и вправду мог подумать, что желание помочь родной стране выбраться из трудностей заставило его оставить почетную должность ректора Саламанкского университета и поспешить в Мадрид. «Разве мог человек спокойно думать о философском камне, когда в сердце стучалось желание взяться за шпагу», — любил повторять граф. Художник больше молчал. Слова из уст первого министра не должны браться под сомнение.

Граф рассказывал историю своей жизни, а тем временем на портрете, который начал писать маэстро, возникал его двойник с крупной головой, высоким лбом, свидетельствовавшим о незаурядном уме, немного одутловатыми щеками, неправильным крупным носом. Выражение лица, взгляд глубоко лежащих глаз, излом бровей — весь облик говорил о сосредоточенности, скрытой надменности. Портрет построен на контрасте темных и светлых тонов. Это усиливало впечатление от личности Оливареса, возвышавшегося на холсте во весь свой громадный рост. Силой и мощью веяло от фигуры первого министра двора. Одной рукой граф опирался на стол, другая покоилась на эфесе сабли, которую скрывал плащ.

Дни проходили в напряженном труде. Оливаресу нравилось, что его двойник на портрете все больше приближался к оригиналу. Придя в хорошее расположение духа, мрачный человек, как его называли при дворе, рассказывал художнику об Италии, о Риме, где родился. В такие минуты маэстро разрешал себе отдохнуть.

Италия! Одно это слово звучало музыкой. Что скрывала она, загадочная страна, давшая миру и искусству столько прославленных имен? Хоть бы раз взглянуть на нее. Пока же он с восторгом слушал то,

о чем говорил Оливарес. Поехать туда, посмотреть не было ни малейшей возможности. Нужно закрепить свое положение при дворе. Последнее время это стало его все больше беспокоить.

Сначала он решил не обращать на происки своих врагов никакого внимания, но *fata viam invenient**. По дворцу ходили в рукописи «Диалоги о живописи» Кардучо. И хоть в них имя Веласкеса прямо упоминалось один лишь раз, между строками можно было прочесть, что всю свою злость сеньор Кардучо направляет именно против него. В пренебрежительном тоне «Диалогов» чувствовалось, как автор порицает маэстро за то, что тот не учится у других, подразумевая под другими себя.

Один из «благожелателей» принес Веласкесу рукопись. Художник раскрыл ее наугад. На глаза попали ехидные и лицемерные строки шестого диалога: «Я знал другого дерзкого фаворита живописи, из которого, как мы можем сказать, родился Художник потому, что кисти и цвета послушны ему; он действует более по прирожденному вдохновению, а не благодаря трудам». Ах вот оно что!

Обычно спокойный, Веласкес не находил себе места. Теперь весь двор заговорит о скрытой сути «Диалогов». Нужно ждать для себя каких-то нежелательных событий. Только горячиться напрасно. Лучше выслушать все, что бы о тебе ни говорили, а потом взять спокойно плащ и уйти. Это, к сожалению, не всегда удавалось.

События, назревшие при дворе, не заставили себя долго ждать. Король, у которого было обыкновение заходить в мастерскую маэстро и, удобно усевшись там в специально для него поставленное кресло, наблюдать за его работой, пришел раньше обычного часа. Он подошел к мольберту и пристальным оценивающим взглядом окинул полотно. Потом взял из рук Хуана кисть, обмакнул ее в золотистую краску и нарисовал на чистом холсте силуэт человека. Филипп любил показывать, что все умеет делать и сам, даже

* От судьбы не уйдешь (лат.).

рисовать, но бремя государственных дел не дает ему ни минуты покоя. Будь у него время, он стал бы великим поэтом или художником, а может быть, и артистом!

Маэстро тем временем грунтовал полотно. Король прошелся по мастерской и, наконец, произнес фразу, ради которой, очевидно, пришел сюда:

— Скажите мне, маэстро, как вы оцениваете разговоры при дворе о том, что вы ничего, кроме голов, писать не умеете?

Филипп с лукавой улыбкой ожидал ответа. Художник повернулся к нему совершенно спокойно: приготовиться — началось.

— Ваше величество делает мне слишком много чести. Я не встречал еще и не знаю человека, который мог бы их отлично рисовать!

События нарастали. Камергер его величества в час после полудня пригласил Веласкеса зайти в зал для аудиенции.

Филипп IV протянул руку к серебряному подносу, где лежал, свернувшись трубочкой, листок, хранивший тайну того, ради чего сюда собрали полдвора. И без того царившая здесь тишина напряглась до предела. В ушах зазвенело.

— Послушайте нашу волю. Объявляется среди художников двора конкурс, в котором возьмут участие четверо достойнейших живописцев. Их имена: уважаемый сеньор Висенте Кардучо, сеньоры Эухенио Каксес *, Анхело Нарди ** и дон Диего де Сильва-и-Веласкес, наш придворный живописец. Условия конкурса следующие: вышеупомянутые художники должны соответственно своему таланту и пониманию написать историческую картину на тему «Изгнание морисков из Испании в 1609 году». Разрешается им самим выбрать место действия картины, а также модели для действующих лиц; размер ее должен быть

* Эухенио Каксес (1577—1642) — мадридский художник, работавший при дворе с 1612 года.

** Анхело Нарди (1601—1660) — художник-флорентинец, работавший при испанском дворе с 1625 года.

3,35 метра в высоту и 2,74 метра в длину. Чтобы не было никаких суждений относительно того, что кто-либо из художников пользуется покровительством свыше и потому его картина получила незаслуженную высокую оценку, мы назначаем жюри. Им будут люди, уважаемые всеми и достойные доверия, — сеньор художник Хуан де Майно и дон Хуан Баутисто Крещенци маркиз де ла Торес, рыцарь ордена Сант-Яго. Наградой победителю будет наша милость и придворная должность хранителя королевской двери.

Да свершится наша воля, да победит достойный!

О, теперь Веласкес отлично знал, что ему делать. Придворные были довольны. Какое кому дело, кто победит. Правда, каждый имел своего любимца, и общество на сей раз разделилось на лагеря. Глубоко же эта история никого не волновала. Совсем другое значение имела она для бравших участие в конкурсе. Наконец-то должно установиться раз и навсегда, чье мастерство будет признано официальным направлением живописи при испанском дворе.

В мастерской было полутемно. Ветер хлестал в закрытые окна с такою силой, что порой казалось: еще миг — и здание, могучая серая громадина, вздрогнет, качнется и поплывет по темным холмам-волнам. Веласкес беспокойно ходил по комнате, его мысли постоянно возвращались к событиям дня. Произошло такое, над чем стоит серьезно призадуматься. Вот уже пятый год, как он носит почетный титул придворного художника. Каждый из прожитых здесь, в Мадриде, лет можно представить серией картин. Пусть не все они написаны так, как хотелось бы ему. Но неужели по ним нельзя увидеть, что мастерство его возросло настолько, что пора всем претендентам оставить свою мечту занять его место?

В который раз он вновь переживал событие сегодняшнего дня. Зал для аудиенций... Король, читающий указ... Условие конкурса. Тема «Изгнание морисков из Испании в 1609 году».

Ну что же, враги хотят войны — они ее получат. Он опустил в низкое кресло, стоявшее рядом

с небольшим столиком, сделанным руками арабских мастеров. На столе грудой лежали книги. Серебряные закладки на тонкой коже свидетельствовали о том, что их владелец совсем недавно тщательно все перечитал, отметив, очевидно, для продолжения работы нужные места. Это были книги, необходимые художнику-творцу как верное оружие, без которого воин не может постоять за себя. Веласкес вспомнил о хрониках. Они, конечно, подскажут ему, как писать тех, которые однажды были лишены самого дорогого — родины. И если там он не найдет всего, что нужно, его пытливые глаза художника смогут прочесть между строк скорбную повесть о великой трагедии народа.

Перед художником возникали картины изгнания, виденные им в пору детства в Севилье. Теперь он смотрел на них не глазами ребенка, чье сердце замирало от жалости. Маэстро должен был поведать миру о несправедливости сильных. Его кистью будет водить правда. Король хочет запечатлеть деяния предшественника в угоду божью? Он исполнит волю.

Веласкес поднял голову. В комнате уже не было гранда. Великий художник-человек напряженно всматривался в белеющее на мольберте чистое полотно — свою будущую картину.

Стены мастерской словно исчезли, растворились. Перед художником простиралась широкая равнина, по которой длинной вереницей, окруженные закованными в латы и железо испанцами, шли в изгнание по воле короля и всесильной матери церкви люди, дети другой веры. Им больше не было места здесь, на благословенной земле сурового католического Христа. Его иступленные фанатичные слуги, осеняя себя крестным знамением, изгоняли в неизвестность тех, кто некогда превратил эту землю в рай, украсив ее зелеными садами и полями — любимым цветом своего пророка.

Выйдя на равнину, люди остановились для «великого плача». А плакать было о чем. Вот уже целый век существовал в могучей Испании указ, который повелевал маврам оставить все, что хоть сколько-ни-

будь напоминало им прежнюю религию. Под страхом суровейших наказаний и смерти им приказали забросить свои чудесные книги, забыть свой язык и знать только испанский, носить платье испанского покроя, оставив одежду, с которой они свыклись. Религиозным преследованиям не было конца. Запрещены были бани, музыка, пение. Напрасно молили они о пощаде — фанатизм католических отцов церкви не знал милосердия. Наиболее ярый из них епископ Валенсии Хуан де Рибера в письме королю настаивал на безжалостном изгнании неверных. Он доказывал, что именно это спасет государство от гибели, ибо через несколько лет неверные превзойдут христиан своим богатством и тогда Испания подвергнется величайшей опасности. Рибера успокаивал короля относительно сомнений, которые могли бы потревожить его августейшую совесть: ведь самый мудрый и великий государь своего века, Карл V, повелел маврам принимать святое крещение или оставить Испанию... Он обманулся в своем ожидании... Повсюду пример их разливает яд магометанства; церкви и алтари поруганы их лицемерною покорностью.

К голосу валенсийского епископа присоединились архиепископ толедский и премьер-министр короля герцог Лерма. Изгнание было решено. Около миллиона самых трудолюбивых людей страны были вынуждены оставить родные места потому, что их заподозрили в неискренности религиозного верования. Повеление было обнародовано в 1609 году. Всем «неверным» предписывалось в трое суток собрать свои пожитки и двинуться к приморским городам, где их ждали суда для отправки в Африку.

Здесь художнику не нужны были книги. Он слишком многое знал о «гуманизме» тех соотечественников, которые поклонялись единому богу своих каменных сердец — золоту.

...Великий плач разносился по долине. И столько скорби, столько сердечного рыдания, столько горечи слышалось в обращенных к земле своих предков речах старого магометанина, что даже испанцы застыли, пораженные:

«Прощай, земля наша! Прощай, Андалузия, бедствие постигло тебя! Прощайте, места, где были мечети, а ныне стоят церкви! Мы оплакиваем тебя, наше отечество!

Только перед тобой мы можем преклонить колени! Прости и прощай!»

В последний раз с невыразимой скорбью мориски смотрели туда, где в лучах заходящего солнца, словно сгорая, полыхали золотым огнем воздвигнутые ими замки и мечети, где оставалась их земля, их любимая, но неблагоприятная и жестокая родина, украшенная творениями рук предков и их руками. Все, что дал их племени аллах — умение и мастерство, — они вложили в чудесный город, белевший позади. А солнце все быстрее уходило за край горизонта. Надвигались серые полчища туч, опускалась черная, как безнадежность, ночь. Увял красный цветок в волосах чернокошой красавицы, а ее глаза, полные слез, смотрели на оставленный город. Рядом стоял мужчина с высоко поднятой головою. Бывают в жизни минуты, когда страшные удары судьбы, вместо того чтобы сломить человека, убить в нем мужество, вызывают необыкновенный подъем духа, так и случилось с этим человеком. Он еще будет бороться за жизнь и ни за что не уступит.

Гасли последние лучи могучего светила. Зелень вдали уже почти не видна. А впереди еще длинный путь, усталость и неизвестность. Плакали люди, прощаясь со своею родиной. Даже на лицах некоторых испанцев из конвоя можно было прочесть что-то похожее на сострадание, хотя у людей с закованными в сталь католической веры сердцами не должно быть жалости. Приказ короля превыше всего! Нет, не могли ужиться рядом и вместе существовать крест и полумесяц. Испания, где религиозный фанатизм поднялся над свободой совести, изгоняла своих нелюбимых детей, а ведь впереди ее ждала не лучшая участь. Материальный и духовный упадок, приведший впоследствии страну в плачевное состояние, от которого она не могла никогда более оправиться, вырисовывался все явственнее.

Если бы Веласкеса в тот день спросили, видел ли он, как уходили мориски, как шли они к сожженной солнцем африканской пустыне, где их ожидали пески, слезы, печаль и тоска, он именем Христовым поклялся бы, что видел. Художник глубоко проник в то, что от других навсегда скрыли прошедшие годы и что упорно замалчивали слуги короля и церкви — жестокую несправедливость испанского абсолютизма к другому народу.

Такою он и напишет свою картину. Ведь для того чтобы полотно ожило, нужно дать ему частичку великого бытия, а чтобы оно выдержало суровое испытание столетий, нужна правда. Только правда, жестокая и ничем не прикрытая. Пусть за стенами бушует холодный ветер, пусть стучит в окна тощими ветвями деревьев, которые словно предостерегают от чего-то, — он будет писать.

День за днем шла работа. А мастер тем временем думал. Думал о том, что настанет день, когда на земле исчезнут все границы, границы государств, веры — все, разъединяющее людей. И великая братская всепобеждающая любовь друг к другу объединит человечество. Не будет ни победителей, ни побежденных. На земле будет жить невооруженный Человек, без копий и вот этих блестящих серебром лат. Тогда люди поймут художника, поймут его картину и оценят.

Через несколько дней все в той же мастерской усталою рукой великий мастер ставил кистью последние штрихи. На полотне были изображены изгоняемые мориски. Кисть послушно написала: «Веласкес, 1627 год».

Впереди был высочайший суд.

...Белые покрывала, брошенные на все четыре полотна, скрывали от любопытных взоров творения художников. Дон Крещенци поднял руку с зажатым между пальцами платком. Мгновение — и платок белою чайкой опустился на поднос. Слуги сдернули покрывала. Из уст присутствующих вырвался возглас изумления. Все полотна были превосходны и несли отпечаток таланта и большого труда. Но о том, чтобы

не сравнивать, не могло быть и речи: картина Веласкеса затмевала все!.

В центре полотна возвышалась на коне фигура короля Филиппа III, вооруженного прекрасным оружием. Властным жестом руки, в которой был зажат меч, он указывал на толпу плачущих мужчин, женщин и детей, которых взяли в тесное кольцо закованных в железо воины. Вдали, составляя фон картины, виднелось несколько повозок и кораблей, на которых пленные должны были отправиться в путь. По правую руку от его величества находилась Испания, представленная в образе величественной женщины, сидящей у порога большого здания. В одной руке у нее были щит и копье, в другой — шпага.

Король выжидательно посмотрел на жюри. Те, кто был ближе к трону, уже знали его мнение. По залу шепотом передавали слова, сказанные королем о картине самого молодого из участвующих в конкурсе: «*Sui generis*» *. Но разве и без того не было ясно, кто победитель?

Мастерство, с каким была написана картина, покорило выдавших ее. Но было в ней и другое — великий смысл, открытый человеку посредством красок. Невольно приосанивались сеньоры, глядя, как их собраты «очищают» страну от неверных. Это не могло им не нравиться. Но другое замечали в ней иные обитатели двора — королевские слуги, сердцем понявшие изображенное тут горе.

Картину Веласкеса было решено поместить в Алькаzare в Зале Зеркал, где висели полотна Тициана и Рубенса. Художника ожидали заслуженные награды. Должность хранителя королевской двери считалась при дворе высокой, многие рыцари добивались чести ее получить. Но обычаи испанского двора были своеобразны. Дело в том, что в списки на получение жалованья имя человека заносилось лишь в том случае, если он принадлежал к числу низших служащих двора. Выход был найден: в расчетных книгах против фамилии Веласкес было написано «Брадобрей» и

* Совершенно своеобразная (лат.).

соответствующая этой должности сумма жалованья. Кроме всего, ему дали особый паек, который составлял ежедневно 12 риалов (на нужды стола).

Победа, несомненно, обрадовала художника. Но к сладости примешивалась горечь. «Брадобрей» — это давало повод для новых насмешек. Рыцарское чувство было ущемлено.

ВЕЛИКИЙ ФЛАМАНДЕЦ

Конец августа 1628 года ознаменовался в жизни маэстро большим событием. В Мадрид по поручению правительницы Нидерландов инфанты Изабеллы Клары Евгении прибыл с дипломатической миссией известный уже всему миру Питер Пауль Рубенс. Прославленному художнику надлежало по высочайшему приказу способствовать заключению мира между Испанией и Англией.

Король Филипп IV не замедлил представить великому фламандцу своего придворного художника. Невысокий плотный человек с приветливой внешностью покорила Веласкеса. Впервые пришлось ему так близко познакомиться с художником, перед именем которого уже при жизни как неотъемлемая приставка стояло слово «великий». Человек блестящего ума и многосторонней образованности, Рубенс оказался интересным собеседником. При первой же встрече, называя Веласкеса коллегой, он высказал маэстро необычайный восторг от Испании. Неизвестная и загадочная, она пленила его воображение.

Подвижный, несмотря на свои пятьдесят четыре, великий фламандец и минуты не оставался спокойным. Заявив при дворе, что он намерен снять копии с Тициана, и этим оградив себя от любопытства посторонних, он часами простаивал в Альказаре у его полотен.

На протяжении девяти месяцев, которые показали нашему маэстро одним днем, он неотступно следовал за сеньором Рубенсом, сопровождал его в поездках, даже предоставил свою мастерскую в Альказаре в его полное распоряжение.

Великий маэстро писал быстро и легко. Во время сеансов он говорил с доном Диего о живописи. Не все было понятно строгому испанцу в полотнах Рубенса, которые дышали декоративной пышностью. Ведь сам он был из числа тех, кто не позволял себе *corriger la nature* — исправлять природу.

Количество прожитых лет дают человеку большое преимущество перед молодыми — опыт. Был он и у Рубенса. В отличие от других сеньор Питер не держал в секрете знаний, приобретенных за годы упорного труда. С щедростью богатой и одаренной натуры он не отдавал, а буквально дарил их Веласкесу. Относясь к работам испанца с громадным уважением, он чувствовал в них талант, искру, поиск. Но были вещи, ставшие для Рубенса простыми, тогда как Веласкес в этом направлении делал только первые шаги. Великий маэстро старался обратить внимание художника на цвет и свет. Он знал, что воспринимаются они в неразрывном единстве, и показывал, как взаимно рефлексируют помещенные рядом локальные тона. Для дона Диего общение с Рубенсом было равнозначно хорошей школе. Когда же он попытался назвать его в разговоре учителем, сеньор Питер возмутился: ему нечему учить уважаемого маэстро, и он просит не употреблять это почетное звание применительно к нему.

Однажды Рубенс, внимательно просмотрев все написанное испанцем, подвел как бы итог его творчеству за прошедшие годы. С волнением слушал дон Диего слова о том, что многое в его мадридских полотнах изменилось, если сравнить их с созданными в Севилье. Куда девалась резкость светотени и тяжесть красок! Заиграл на картинах ландшафт, кисть стала свободней и легче. Он уже и сам заметил, что в его картинах появилась объединяющая все краски серебристость, — дал ему ее Мадрид.

Вечерами Рубенс усаживался за письма. Во Фландрию летели весточки о том, что мадридский двор очень строг, что Испания своеобразная страна. Еще он писал, что все свое время здесь отдает искусству.

Иногда с самого утра, надев нарядный плащ и огромную шляпу с белым страусовым пером — этот наряд всюду выдавал в нем иностранца, — сеньор Рубенс и дон Диего отправлялись гулять. Их карета останавливалась во всех более или менее примечательных местах.

В одном из бесчисленных погребков они наблюдали, как девушка, настоящее дитя Испании, исполняла на столе танец среди стаканов. Под веселый звон гитары, удары бубна и треск кастаньет она умело лавировала среди наполненных вином сосудов. Сколько грации, ловкости и умения было в ее движениях!

Рубенс был в восторге и с величайшим удовольствием осушил стакан кислейшего вина в честь искусницы. Потом он еще долго вспоминал ее, приговаривая, что каждый человек должен быть мастером своего дела, тогда он будет артистом!

Сеньор Питер хотел узнать об Испании как можно больше. Он ел куахадо* и касидо**, запивая их водой, на рынке купил альпаргаты*** и долго восхищался искусством работы. В соборе, став на колени, он со слезами на глазах слушал «Ave Maria» и «Gloria in excelsis»****, а вечером, вдыхая ароматы осени, немел от красоты мадридских красавиц, вышедших на прогулку в сопровождении дуэний, напоминавших колдуний из древних сказок.

Нигде в мире нельзя было встретить подобную картину. Женщины ходили чаще всего парами, чинно держась за руки. Черные одежды и кружева, небрежно брошенные на плечи, делали их всех строй-

* Блюдо из рубленого мяса с овощами, яйцами и сахаром.

** Блюдо из мяса и овощей.

*** Плетеная веревочная обувь.

**** Католические молитвы.

ными и таинственными. За красавицами шествовали их стражи. Рубенс нередко останавливался и, не боясь вызвать осуждение и насмешки, смотрел гудящим вслед. Хитры мадридские женщины! Зная, что ничто так не оттеняет красоту, как уродство, они берут себе в провожатые таких мегер!

Осень прощалась с землей, обильно украсив гостеприимную хозяйку красками, достойными королевы. Она, разряженная и ленивая, уставшая от летнего зноя, дремала в ожидании, когда можно будет, наконец, зарывшись в дух снегов, впасть в долгий зимний сон.

Люди провожали щедрую осень по-своему. В честь ее устраивались карнавалы. На один из них попали дон Диего и высокий гость.

Сбор винограда окончился, и повсюду вдоль патио можно было видеть длинные веревки, на которых строго по сортам были развешаны тяжелые синие и золотистые гроздья. От погребков шел пьянящий запах: вино раннего урожая начинало бродить, а в громадные бочки заливали новые партии отжатого сока. Все, кого встретили по дороге художники, спешили на базарную площадь. Оттуда должно было начаться шествие Бахуса. Когда оба маэстро подошли к месту, все приготовления были в полном разгаре. Привели огромного белого быка. Двое молодых людей раздавили в медном тазу виноград и, макая в синеватый сок тряпку, разрисовали всю его шерсть огромными синими кругами. В углу, по древнему обычаю, несколько человек наряжали красивого парня Бахусом. Оставшись в одной набедренной повязке, он перекинул через плечо раскрашенную овчину, которая должна была заменять ему шкуру пантеры. Тем временем быка подвели к высокой повозке, сплошь увитой виноградными лозами, зеленью, лентами.

Его быстро впрягли. Тогда Бахус, полный достоинства, влез на свое ложе. На голове у него торчала «золотая» корона. Повозка тронулась. Вдруг из переулка раздались крики. И на площадь под смех и визг толпы — сброда пикарос, бродяг, нищих, солдат, крестьян и почтенных горожан — выехал верхом на осле

нут Бахуса — Силен. Если до сих пор все окружающие повозку и принимавшие участие в шествии из всех сил изображали на своем лице строгость и почтение, то, увидав Силена, они не выдержали. Площадь разразилась хохотом. Силен был необычайно смешным. Делая страшные ужимки и гримасы, он припадал в своих мнимых стремених и подражал чинному Бахусу.

Сеньор Рубенс забыл обо всем на свете и, проталкиваясь к самому центру площади, тоже приплясывал в такт возникшей песни. Он смеялся громче всех, обращая на себя внимание почтенной публики. Позабыв правила приличия, он теребил за плащ Веласкеса и, указывая на тронувшееся шествие, говорил, что в Мадриде сюжеты сами бегают по улицам. Когда к вечеру, полные впечатлениями, они возвращались домой, маэстро убеждал юного друга написать картину празднества. Напрасно Веласкес говорил, что виденное сегодня так далеко от его последних полотен. Рубенс был настойчив. Он даже решил, что сам тоже будет писать нечто в том же духе, только это будет скорее фламандское празднество.

Над сюжетом Веласкес раздумывал долго. Он попросил знакомого водоноса за вознаграждение повести его в одно из братств Бахуса. Его создали пикарос как пародию на многочисленные религиозные братства.

Осень была их месяцем. Почти каждый день они собирались, чтобы повеселиться и за стаканом кислейшего вина принять в свое бродяжническое общество нового члена. Веласкес внимательно наблюдал за церемонией приема. Он уже начал делать первые наброски.

Повеселел Хуан де Пареха, ему казалось, что вернулись севильские времена.

Тем временем королевский двор переезжал в Эскориал. Придворный устав требовал от королей, чтобы в течение шестидесяти трех дней в году они пребывали в этом дворце. Там продолжались работы по сооружению Пантеона предкам. Во Дворце царей обставляли гранитных царей Иудеи. Облицованные луч-

шим мрамором лестницы и арки принимали в свои холодные объятия первых посетителей. В царстве тишины и безлюдья, убежище бесконечного сна и печали смерти появились первые призраки.

Веласкес, сам любивший тишину и уединение, вздрагивал, когда от темной поверхности стены отделялась уродливая фигура и ковыляла дальше своею дорогой. Это уже приехали во дворец в числе служащих лиц двора карлики и уродцы. Они, словно живые куклы, служили игрушками для маленьких инфантов и принцесс.

Не только при испанском дворе жили эти маленькие обездоленные люди, чье уродство было предметом постоянных насмешек. Целые их армии заселяли все дворы Европы. Ими играли и взрослые. Короли, устав от дневных забот, тоже потешались ими. Их жалкие, тщедушные тельца облекали в зеленые ливреи, что делало их похожими на кузнечиков. Им предписывалось не ходить, а постоянно прыгать, не говорить, а пищать. Был даже разработан целый комплекс поведения придворного карлика. В человеке воспитывали шута. Его величество приказывал брать их с собою даже во время поездки в Эскориал. Они должны были, не нарушая серьезности обстановки, понимая всю ответственность положения, не давать тоске проникнуть в королевское сердце. Художник от души жалел этих крошечных людей, чей шутовской удел для многих был театральным представлением.

— Добрый день, Пабиллос, — приветствовал Веласкес невысокого человека в длинном, до пят, черном плаще. — Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

На донна Диего взглянули глаза — две запятые на белом гипсовом слепке.

— Правда, маэстро, правда. Еще немного, и солнце, перестав любить землю, спрячется за темные тучи. Утра станут походить на вечер, а дни уподобятся ночи. Душа человеческая, преисполнившись смятением, запросит пощады, но не умиловит разгневанного бога...

— Не надо, мой друг, это не театр, — остановил его художник. — Пойдем лучше ко мне в мастерскую.

Тут, несмотря на толщину стен, кажется, отовсюду дует пронизывающий ветер. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

— Благодарю, маэстро. Вам-то бог не забыл вложить в душу сердце.

В мастерской было тепло и от этого казалось светлей. Правда, комнату освещал еще камин да бросро*. Паблилос протянул над ним руки.

— Я решил попробовать написать тебя, Паблилос.

— Маэстро оказывает мне честь,— шут королевского корраля** театрално поклонился.— Но что может дать искусству, великому искусству, мой портрет? Разве мало их «украшает» стены дворцов? Может, маэстро забыл, что в Альказаре, который он покинул не более трех дней тому, вся парадная лестница увешана прелестными личиками и фигурками моих собратьев?

Он гмыкнул и ядовито продолжал:

— А впрочем, я согласен, ведь моего только согласия не хватало, верно? Маэстро, идя по стопам своих предшественников, хочет продлить галерею идиотов. Пройдут века, уйдут в другой (несомненно, прекрасный) мир все населяющие землю сегодня, а я останусь висеть на стене, как образец пережившего века кретинизма. Мы можем гордиться, ведь физические недостатки становятся предметом гордости. Может случиться так, что в будущем будут говорить о сложившейся традиции в нашей живописи писать такие портреты. Пишите, маэстро. Где же кисти, Хуан?

Он развалился в кресле, откинув плащ и вытянув ноги.

— Мне бы не хотелось спорить и ссориться с тобой, Паблилос. Если уж ты так недоволен, я не буду писать. Только мне кажется, ты не прав. Что плохого в том, что маэстро Алонсо Санчес Коэльо писал пор-

* Медный таз с горящими углями, прикрытый решеткой.

** Название стационарного театра в Испании, пришедшего на смену бродячим труппам.

треты карликов? Ты захотел сделать обобщение, но оно прозвучало, прости меня, с позиций злого человека. Ты артист, Паблилос, и не хочешь понять артиста. Все живое достойно изображения. Почему ты считаешь, что я хочу создать твой портрет только для того, чтобы и после твоей смерти над тобой смеялись? Видит бог, я не хотел такого. Ведь когда будут смеяться над твоим лицом, будут смеяться над моим трудом, моим полотном. Почему ты не подумал, что от этого будет горько и больно мне?

— Маэстро, я слышал немало прекрасных слов на своем веку, немало говорю их с подмостков сам. Но вас... вас я люблю, дон Диего, и очень боялся, что вы вдруг окажетесь похожим на них...

Паблилос сделал выразительный жест рукой.

— Теперь не гневайтесь и не гоните меня. Посмотрю, посижу у вас тут.

Хуан протянул дону Диего кисть. Маэстро провел ею задумчиво по ладони, потом подошел к мольберту. Работа продолжалась. На сей раз он писал картину на мифологический сюжет. Но те, кто был во время карнавала в честь Бахуса на рыночной площади, невольно вспомнили бы этот день. Пожалуй, ни один из бодегонес, написанных ранее, не был так реалистичен. Сила реализма в соединении с талантом помогла достичь совершенства.

В тени зеленого дерева, на фоне горного ландшафта и вечерней сини голубого неба, живописной группой расположились девять человек. Компания пикарос из общества Бахуса собралась погулять. Посредине восседает широколицый, полноватый юноша — сам Бахус — добрый бог вина и веселья. Но как мало в его облике от античного бога! Это скорее один из бродяг нарядился сегодня в олимпийские одежды. Компания пирует. Позабыты житейские невзгоды, тяготы и лишения. Бахус — единственный «античный» образ мифологической картины. Весь его облик свидетельствует о том, что игра ему по душе. Он ничуть не смущен своим окружением. Прикрыв ноги бело-розовым покрывалом, Бахус вытянул руки, чтобы увенчать стоящего перед ним на коленях человека

венком из больших листьев. Вокруг Бахуса располагалась веселая компания. Слева от него человек в войлочной шляпе. На его лице, испещренном морщинами, широкая улыбка, в руках — чаша с вином. Оно-то и развеселило всех, заставив мир сиять новыми красками. Собравшиеся погулять вовсе не напоминают героев мифа.

Сколько времени потратил Веласкес, пока нашел нужные модели для картины! Он исходил все беднейшие кварталы Мадрида. На углу одной из улиц ему повстречалась весьма живописная фигура, расположившаяся прямо на земле.

— Кто ты, человек?

— Бродяга, ваша светлость.

— Чего ради ты так решил величать меня?

— Вы закрыли мне солнце, полагая, очевидно, что излучаете света не меньше, чем оно. Я решил не огорчать вас, может, господину это важно.

Веласкес засмеялся.

— Шутник. Как же тебя зовут?

— Раньше — Педро, а теперь — Гальярдо *. Вы не думайте, я заслужил это имя на пласа де торос **. Не всегда такой дырявый наряд украшал меня.

Он брезгливо двумя пальцами оттянул плащ. На его теле больше ничего не было.

— Были времена, когда прекрасные дамы при виде меня лишались чувств, а девушки бросали к моим ногам букеты роз. — он мечтательно закатил глаза. — Эх, что и говорить... прима эспада ***.

Плут явно врал. Слишком простыми были его речь и манеры. Он кого-то не очень удачно копировал и так вошел в роль, что искренне верил сам в то, что с ним такое было. Веласкес слушал его болтовню, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Потом протянул ему монету и приказал через день приходить к восточным воротам Альказара. Так нашел он своего «человека в войлочной шляпе».

* Смелычак (исп.).

** Цирковая площадь, где происходит бой быков (исп.).

*** Лучшая шпага, лучший матадор (исп.).

Жизнь опять пошла обычным чередом: туалетная, тронный зал, опочивальни, зимний сад, охотничий домик. Когда же прикажете писать? Думал, пока король со свитой прибудет в Эскориал, он немного поработает — не вышло. Хоть бы побыстрее весна, может, она принесет перемены?

Прошла зима. Собирался возвращаться домой сењор Питер Рубенс. В один из последних дней он долго оставался у короля. О чем они говорили с его высочеством, для Веласкеса осталось тайной. Только на следующий день король зашел в мастерскую маэстро и с деланно скучным видом сказал ему, что для него приготовлен сюрприз.

«Враги не спят ночью» — гласит поговорка. Не мог по-прежнему успокоиться и маэстро Висенте Кардучо. Со свойственной ему пренебрежительностью он говорил «фавориту живописи» небрежные похвалы. Опять появились рукописи почти оконченных его «Диалогов», где были слова, которые прямо относились к Веласкесу. «Причиной его неоправданного честолюбия было злоупотребление портретами; он подчинил благородное искусство скромным вкусам, как мы видим теперь по большому количеству картин с натюрмортами, вульгарных и жалких по замыслу, с пьяницами и игроками... Художнику хотелось изобразить... плутов.., унижая само искусство и репутацию художника».

Веласкес больше не обращал внимания на выпады из стана врагов. Его беспокоил единственный вопрос: что же готовит ему король?

Рубенс уезжал. Шли последние приготовления. Великий фламандец обещал писать своему юному другу.

Последняя их беседа особенно взволновала молодого маэстро. Он, которого мадридский двор приучил к сдержанному выражению чувств, был буквально потрясен силою эмоций Рубенса. В ответ на его щедрые похвалы Веласкес смущенно молчал. Внимание его привлекла стопка эскизов, а среди них — портретный набросок человека в форме адмирала. Рубенс перехватил его взгляд и, прервав себя на полуслове,

«представил» Веласкесу адмирала Амброзио Спинолу как очень талантливое человека, рыцаря славного рода, образованного, одаренного. Рубенс писал его портрет в 1625 году, когда тот со свитой ехал через Антверпен после сдачи крепости Бреды. Художник встречался с ним еще несколько раз, в 1627 и 1628 годах. И каждый раз проникался к адмиралу еще большей симпатией.

Даже на эскизе победитель при Бреде выглядел очень усталым. Живописная поза, богатый костюм, блеск ярких, живых красок не смогли этого скрыть. Веласкес долго смотрел на руки, нервно охватившие шпагу и маршальский жезл. Живопись знакомила маэстро с интересным человеком. Доведется ли встретить его в жизни?

В мастерской без Рубенса стало совсем пусто. Как не хватало маэстро, этого доброго и щедрого душой человека!

В доме Веласкеса тем временем назревали какие-то события. Все в комнатах, кабинете, гостиной и мастерской сверкало чистотой и новизной. Хуан непрерывно куда-то бегал по просьбе доньи Хуаны де Миранды. Франциска, которой уже исполнилось десять лет, ходила размеренной походкой взрослой дамы с лицом, по одному взгляду на которое можно было догадаться, что она хранит какую-то тайну. Ученики тоже оставили работу и пропадали во дворе, занятые какими-то неотложными, по их словам, делами.

Сколько ни старался Веласкес узнать причину таинственных приготовлений, ему это не удалось. И только верный Гальярдо под большим секретом сообщил маэстро, что хозяйка хочет достойно отметить его тридцатилетие. Вот оно что!

Оставалось покорно ожидать «сюрприз» и не выдать Гальярдо.

Гальярдо от всей души привязался к дому маэстро. Сначала он просто ходил на сеансы и рассказывал маэстро всякие небылицы, потом к нему в доме привыкли, и добрейшая донья Хуана де Миранда предложила наняться слугой. Гальярдо оказался честным малым и за добро платил добром. Вот толь-

ко его болтливый язык! Но дон Диего за это не сердится, дай бог ему тысячу лет жизни!

Домашний праздник прошел необычайно весело. Даже застенчивая хозяйка на настойчивые просьбы гостей спела. У нее был прекрасный голос. Больше всех тронул дона Диего его друг Франсиско Гомес де Кеведо-и-Вильегас. Дон Франсиско был дворянином по происхождению. Судьба баловала его титулами и государственными должностями (он даже был секретарем Филиппа IV). Но выше всех постов в государстве ставил он скромное звание поэта. Стихи были его страстью. Сам талантливый и остроумный, Кеведо в других ценил прежде всего талант. Его стихи становились песнями, и их распевали на улицах Мадрида. И не приведи господь было попасться ему на язык! Но перед Веласкесом гордый и независимый дон Франсиско первый снимал шляпу. Друга своего он любил за стремление писать всегда только правду, за большое сердце художника. В этот день он подарил дону Диего стихи «Кисть». Маэстро перечитал их несколько раз. Там были такие строки:

Великий гений твой, Веласкес, чудо
Волшебной кистью совершать способен,
Даруя душу красоте и сердцу нежность.
И каждый твой рисунок — правда жизни.
Но как различны все твои картины
И в каждой есть свое соцветье чувств.
Когда ты пишешь, краски на доске
Мертвы и плоски; но прикосновенье
Твоей руки им сообщает жизнь,
И если чье-нибудь лицо
Ты переносишь на недвижный холст,
То вместе с ним и жизнь на холст ложится;
Лицо живет, натуре так подобно,
Что не портретом кажется оно,
А отраженьем в зеркале.

Спасибо, друг, за высокую оценку. Теперь осталось узнать, какой же подарок приготовил король Филипп.

У графа Оливареса была слабость — он любил сообщать приятные известия, особенно если к ним причастен сам. Ранним утром по дороге в канцелярию

он заглянул к своему подопечному, каким он считал до сих пор Веласкеса, не заметив, что ребенок давно перерос опекуна.

Сегодня его новость была особенной. Королю очень понравился «Бахус». Хотя самого Оливареса «эти плуты», как он выражался, мало волновали — им больше подошло бы место в Саладеро, мадридской тюрьме, чем на поэтической, — он был доволен похвалами короля. Ведь это он, Оливарес, в свое время «нашел» Филиппу придворного художника!

Король оказался щедрым не только на похвалы. Помня разговор с Рубенсом о том, что мадридским маэстро неплохо бы посмотреть мир, он разрешал Веласкесу поездку в Италию. В канцелярию двора уже отдан приказ выплатить художнику жалованье в 400 дукатов (это за два года вперед!), кроме того, дону Диего жаловали золотую медаль.

Веласкесу вначале показалось, что граф задумал над ним подшутить. Но когда Оливарес сказал, что ему надлежит прийти за деньгами и рекомендательными письмами, он поверил. Он поедет в Италию! Кажется, в жизни Веласкесу не доводилось слышать более мелодичного сочетания слов! Италия! Италия! — звенело в ушах. Он едет в Италию!

В несколько мгновений в доме маэстро все были поставлены на ноги. Донья Хуана де Миранда с улыбкою смотрела на мужа, буквально летавшего по комнатам. Внезапно прервав восторженную речь, он попросил Хуана принести ему из библиотеки что-нибудь об Италии.

Хуан принес книгу. Это были сонеты Петрарки! Художник улыбнулся. Да, он скоро увидит благословенную землю редких талантов. Но сейчас ему нужна другая книга.

В кабинете было прохладно. Тома тесными рядами размещались на полках вдоль стен. Веласкес любил книги. Но одной любви было мало для того, чтобы составить для себя отличную библиотеку. Он всегда с завистью смотрел на библиотеки в домах Фонсеки и Оливареса, где были собраны несметные книжные богатства. Ему же не хватало для этого главного —

времени; денег на книги, как бы дорого они ни стоили, он не жалел. Книги — помощники художнику в работе. Вот труды античных мыслителей — Тита Ливия и Квинта Курция Руфа, дальше сочинения по философии «Политика» и «Этика» Аристотеля. Блеснули корешками поэтическая антология, испанский перевод Горация, «Метаморфозы» Овидия, «Неистовый Роланд» Ариосто. Пожалуй, таким книжным фондом мог гордиться всякий высокообразованный человек в Испании.

Отдельно стояли книги по живописи, их было больше всего, ведь они представляли профессиональные интересы художника. К живописи, скульптуре и архитектуре примыкали книги по арифметике, геометрии и перспективе и четыре тома руководства по ача-томии.

Наконец он нашел то, что искал. «Назидательные новеллы» Мигеля де Сервантеса Сааведры, изданные книготорговцем Франсиско де Роблесом еще в ноябре 1612 года. Те самые «Новеллы», о которых поэт Хуан де Солис Мехия сказал:

О ты, что эти повести читаешь!
Коль ты проник в их сокровенный разум,
То истина тебе сверкнет алмазом,
Под этой ризой ты ее узнаешь.

Быстро перелистывал страницы маэстро. Вот то, что он искал, — впечатления испанца от поездки в Италию. Вместе с героем он совершал путешествие по улицам прекрасной Генуи, владыки мира Рима, великолепной Венеции, нарядного Неаполя, цветущей Флоренции. Скоро, совсем скоро он увидит все это сам!

До отъезда нужно было закончить еще два полотна. Портрет доньи Хуаны де Миранды был уже почти готов. Наконец-то художник выкроил время и написал портрет жены. Раньше он просил ее позировать ему для религиозных картин, и молчаливая, скромная донья Хуана де Миранда охотно соглашалась. Ее любовь к мужу была беспредельной. Однажды в дни молодости, еще в Севилье дав обет быть ему верным

другом, она оставалась им на протяжении всей их жизни. Преданная, заботливая, она была тихим уютным островком в шумном потоке придворной жизни.

Менее удавался портрет Паблиллоса. Маэстро, к неудовольствию Хуана, переписывал его второй раз. Наконец на сером фоне картины отчетливо проступило черное пятно фигуры.

Паблиллос стоял во весь рост, закутанный в черный актерский плащ, широко расставив ноги. Очевидно, им только что произнесены под занавес слова монолога. В зале смех, а он, шут, призванный веселить других, не в силах смеяться, в глазах застыли глубокая печаль и страдание. Таким вышел этот портрет.

Для отправки в Италию все было готово. Оставалось только ждать, когда он будет представлен маркизу Амброзио Спиноле, в свите которого, как оказалось, и надлежало художнику ехать в Италию. Веласкесу хотелось до этого хоть что-либо узнать о полководце, чье имя часто произносилось в королевских покоях. Жаль, нет дона Хуана Фонсеки, который почил два года тому. У герцога Оливареса со Спинолой особые счеты, тут правды не узнаешь.

Художник зашел в Государственный совет. Здесь по приказу премьер-министра доном Хуаном де Веллелой, секретарем совета, были написаны для маэстро письма. Все итальянские посланники при испанском дворе по просьбе того же графа-герцога написали к своим дворам послания, содержащие рекомендации принять, как подобает, и оказать всяческую поддержку художнику его величества короля Испании Филиппа IV.

Писем было больше чем достаточно, а дон Хуан де Веллела вытаскивал из ящика все новые — вот письма в Венецию, при одном упоминании о которой сердце маэстро начинало сладостно замирать, — Тициан! вот в маленькие итальянские дворы, в Рим, папским легатам в Феррару и Болонью. «Господи! Да если это еще не последнее письмо, то моему багажу грозит серьезная угроза!»

Письма, аккуратно завернутые, были сложены

в огромной величины кожаную сумку и оставлены под неусыпный надзор Хуана де Парехи.

Дон Хуан де Веллела искренне желал художнику удачи в дороге и во всей поездке. Он считал маркиза Спинолу умнейшим и обаятельнейшим человеком. От Веллелы и узнал Веласкес историю рода дона Амброзио и историю его жизни.

Род Спинолы существовал в Генуе уже много столетий. Он дал родному городу 11 дождей и 13 кардиналов. Славился еще этот старинный род своими воинами. При великом короле Филиппе II в Испанию прибыл знатный Федерико Спинола, который добровольно взял на себя командование большой эскадрой. Нужно отметить, что дела на море у нее тогда обстояли не блестяще. Голландцы так обнаглели, что появлялись со своими кораблями даже у берегов Испании! Первые же походы эскадры Спинолы принесли несколько громких побед. Где-то в середине 1599 года, уже при новом государе Филиппе III, Спинола был поставлен во главе крупных военно-морских сил. Он установил морскую блокаду нидерландского побережья, провел несколько удачных операций по захвату торговых и военных судов голландцев и их союзников — англичан. Но одних морских удач было мало для общей победы. Суша подводила море. Тогда в 1603 году из Генуи прибыл в Нидерланды младший брат уважаемого сеньора Федерико — Амброзио, который к тому времени уже пользовался славой опытного полководца. Но казна у короны была слишком пустой, чтобы вести войну. Сеньор Амброзио из своих средств выплачивал солдатам жалованье, покупал снаряжение. Постепенно фронт выравнивался. Но как бы ни были богаты братья, никакого состояния не хватит, чтобы прокормить прожорливую войну. Мадрид слал в армию одни депеши, на них же ничего не купишь.

В одном из морских боев погиб Федерико. Постепенно обстоятельства складывались так, что нужно было заключать перемирие. Беспрерывные войны, переезды, дипломатические поручения, ссоры с всесильным премьер-министром, который упорно не хотел понимать сложившейся обстановки («да будет это ска-

зано лишь для вас», — вставил здесь дон Велледа), измотали и утомили маркиза. Правда, на его долю досталась одна из наиболее блестящих побед за последнее время — взятие крепости Бреды, но об этом лучше слушать из его уст. Теперь маркиз ехал в Италию. Новая война — новая должность. Солдат должен быть всегда в строю. Маркиз теперь будет главнокомандующим всеми испанскими войсками на востоке. В заключение беседы дон Велледа желал Веласкесу счастливых дорог и на море попутного ветра.

Со смешанным чувством горечи и досады шел Веласкес в приемную к графу Оливаресу. Услышанное сегодня заставляло взглянуть на своего покровителя несколько иными глазами. Значит, он, такой любезный, вежливый, гостеприимный с друзьями, бывает беспощадным, упрямым, заносчивым, нетерпеливым, грубым и дерзким с другими. Нужно присмотреться к нему, тем более что граф просил написать новый портрет.

Граф Оливарес принял маэстро тотчас. От имени короля он вручил дону Диего золотую медаль с изображением его величества, а от себя — атласный мешочек с золотом.

Веласкес был благодарен графу. Про себя он отметил, что подарок Оливареса пришелся как нельзя кстати. Содержимое мешочка насчитывало 200 дукатов золотом!

Маркиз Спинола понравился маэстро сразу. Высокий, стройный и седой, он сохранил прекрасную осанку и прямой пристальный взгляд. Во всей его фигуре чувствовалось столько внутреннего благородства, что Веласкесу не терпелось взяться за уголек. Он любезно предложил дону Диего разделить с ним место в его карете и представил своим спутникам адмиралу Альвару Басану, маркизу де Крузу, герцогу Лерме и аббату Скачиле, которые тоже ехали в действующую армию.

За разговорами время летело незаметно. Прогромыхал под колесами полуразрушенный каменный мост через Эбро, в стороне осталась Сарагосса, спутники же все не могли наговориться. Обаяние от личности

Спинолы у Веласкеса все росло. Он готов был мысленно спорить с сеньором Рубенсом: «Ну какой же маркиз осторожнейший человек из всех, кого ему только приходилось видеть?» Может быть, тогда, облеченный полномочиями дипломата, он вынужден был быть таким?

Путники прибыли в Барселону 10 августа 1629 года, в день святого Лоренцо. У причала порта должна была ждать новенькая галера, которая повезет их дальше к берегам Италии. Здесь, в Барселоне, Веласкес впервые увидел море. Волны с яростным ревом, как цепи солдат, неслись к берегу, чтобы обрушиться на скалы свои тысячетонные тела. Скалы принимали их удары и разрывали в клочья монолитные громады. Крупные брызги взлетали высоко в небо. А там, вдали от берега, где вода казалась совсем черной и сливалась с небом в одну темную массу, вновь формировались полчища валов. Собрав новые силы, море, громадное чудовище, бросало их с новой силой на сушу. Шла извечная война стихий.

Художник вслушивался в рев моря, который несся отовсюду, отчего даже воздух казался густым.

— Мы ищем вас, маэстро, — внезапно донесся до его слуха голос маркиза. — Хуан сбился с ног.

Сеньор Амброзио остановился рядом с Веласкесом и тоже смотрел на ревающее море. Что напоминало ему это море? Скорее всего детство. Его отцу хотелось видеть сыновей настоящими солдатами, борцами, и он вверил их воспитание морю. Оно шлифовало характеры, закаляло. А подчас и ласкало. Ведь не всегда оно бывает таким кипящим, море. Но ведь и жизнь состоит не из сплошных битв.

Галера быстро неслась на восток, к Италии. Все это время сеньор Амбразิโอ рассказывал маэстро о своих походах. Внимательно слушая адмирала, дон Диего отмечал, с каким тактом и уважением отзывался адмирал о противнике, если тот проявлял героизм. Спустя несколько лет художнику придется возобновить в памяти его рассказы до мельчайших подробностей, чтобы написать свое первое полотно на исторический сюжет.

После кратковременной остановки в Генуе путешественники прибыли в Венецию. Красавица Адриатики покорила сердце испанца. Царица морей воздвигла свои прекрасные строения прямо среди моря. Казалось, оно само отхлынуло, оставив застывшую пену — сверкающий белизною город. Так и стоял он со строгими рядами мраморных дворцов и храмов, колоннад и мостов, воздушных балконов и башен, что глядели и не могли наглядеться на свои отражения в водах улиц-рек.

В доме испанского посла в Венеции дона Кристобля де Бенаvente Веласкеса встретили с большими почестями, но он спешил побыстрее встретиться с теми, чьи имена волновали его с детских лет... Веронезе, Тинторетто, Тициана, Белинни, Виваринни, с картинами и колористическими решениями которых он был знаком еще в Испании, здесь, на их отчизне, совершенно потрясли маэстро. Среди жи-

вописцев и граждан Венеции он нередко слышал имя Тинторетто. Художник, недавно умерший, безраздельно продолжал царствовать в сердцах своих сограждан.

Веласкес подолгу смотрел на картины мастеров, учился у них удивительному искусству. По нескольку часов в день он тратил на копирование.

В Ферраре, городе его любимого Ариосто, маэстро вместе с Хуаном де Парехой направился во дворец кардинала Сакетти. Рекомендательные письма и здесь возымели свое действие. Кардинал предложил Веласкесу обедать за кардинальским столом.

Художник поблагодарил за честь, но отказался под предлогом, что в Испании он привык обедать в другие часы. В этом была не только долголетняя привычка, но и своеобразная дань обычаям родины на чужбине.

Избавившись от званных обедов, Веласкес обрел свободу в действиях. Судьба дарила ему целых два дня.

Свобода! Он уже отлично знает, что это такое.

По распоряжению кардинала Сакетти экипаж, данный художнику для поездки, был запряжен прекрасными лошадьми. Путники буквально пронесли мимо Сиены и Болоньи. Впереди был Рим.

Ну, здравствуй, великий город! С глубоким волнением смотрел художник на гордый Рим, лежащий перед ним в долине. Сколько надежд связывал он в своем сердце с этим городом! Он снился ему ночами, пустынный, безлюдный, широко раскинувшийся на своих легендарных семи холмах. Маэстро казалось: закрой он глаза, ноги сами поведут по тысячу раз мысленно исхоженным улицам. Вот это Авентинский холм. Ну, конечно, он. Три храма венчают его вершину, дальше — Палатин в бархате кипарисов; немного влево — Целийский... Но прежде нужно сделать положенные визиты.

Был шестой год царствования на папском престоле Урбана VIII. Добраться к самому светлому отцу было нелегко простому католику, даже если он

художник его величества короля Испании. Но в Риме уже целый год был в большом фаворе племянник папы кардинал Барберини. Обладатель большой художественной коллекции, меценат, кардинал любезно принял испанского гостя. Рекомендации премьер-министра помогли и здесь. Кардинал Барберини разрешил маэстро, если тот того хочет, поселиться в Ватиканском дворце. Кардинал отдал распоряжение выдавать художнику ключи от комнат, где хранились шедевры живописи, чтобы тот в любое время мог осматривать их.

Веласкес поблагодарил его преосвященство и испанского посла в Италии графа Монтеррея за любезный прием. Он постарается им не надоедать.

К площади Святого Петра Веласкес со спутниками попал лишь под вечер. Тишина уже наводила здесь свои ночные порядки, прикрывая все вокруг мягким черным покрывалом. Вот он какой, Ватикан, где живет, никогда его не покидая, всемогущий владыка — верховный жрец, перед которым склоняется ниц весь христианский мир! Еще в детстве отец Саласар рассказывал Диего о Ватикане. Возник он на месте, где, по древнему преданию, язычники казнили первых христиан, обвинив своих идеологических противников в поджоге Рима. Имя свое дворец пап получил от местности, на которой вырос, — Ватиканус. Так и стоит он свыше тысячи лет, земной престол могучего и гневного бога.

Сейчас, ночью, Ватиканский дворец производил величественное и грозное впечатление. Колоссом стоял он перед художником, таинственный, погруженный в сон. Все строения дворца казались единой массой камня.

Пожилой человек в темной сутане, которого кардинал Барберини дал художнику в провожатые, провел путников к небольшой решетчатой двери. Она на мгновение отворилась, чтобы пропустить внутрь пришедших. В сонном свете лампад почти ничего не удавалось разглядеть. Громадный с тысячью залами дворец, почти самый обширный в мире, спал. Какой он? Это предстояло выяснить завтра.

Черная сутана привела путников в огромную комнату. Здесь им надлежало жить. Художник огляделся: роскошная мебель, на стенах громадные гобелены, над ними — фрески. На них и обратил свой взгляд дон Диего.

— Федерико Цуккари, — ответила сутана на молчаливый вопрос маэстро. — Роспись в капелле Паолино — одна из его лучших работ.

Пока Хуан делал необходимые на ночь приготовления, Веласкес подошел к окну. Где-то там, за толстыми стенами Ватикана, спокойно дышал во сне Рим.

Господи! Неужели завтра он будет ходить улицами этого города? Завтра он подымется на Капитолийский, самый величественный из семи римских холмов, где сейчас покоятся развалины храма, слава которого могла, пожалуй, соперничать со славою собора Святого Петра! Наступай же скорее, завтра!

Оно пришло, ворвалось через открытое окно шумом большой толпы, и голоса его странно звучали во дворце, чуждом земным интересам.

Веласкес решил начать свое знакомство с городом с изучения его истории. Здесь, как нигде в другом месте, ее можно было читать прямо на улице, ибо каждая из них была историей. С утра и до позднего вечера бродил он в сопровождении Хуана и любезного аббата, данного ему в проводники, тропами, которые проложила история. Палатин встретил их синевой кипарисов. Проводник подвел путников к гроту — глубокой нише, вырытой прямо в холме, где, по преданию, мать-волчица вскормила Ромула и Рема, ставших основателями города. Дальше лежали развалины, полуразрушенные, почерневшие камни. Более двадцати пяти веков прошло с тех пор, как древний Рим, находясь на вершине своего могущества, строил эти дворцы. Пролетели над ними века, заноса их пылью войн. Дворцы же остались стоять, погребенные под тяжестью прошлых лет. Но им предстояло пережить второе рождение. В новое время люди, проникнувшись уваже-

нием к славе и умению своих предков, открывают их.

Они прошли палатинскую площадь, мимо дворца Калигулы, храма Юпитера. Невдалеке отсюда когда-то возвышались ворота Мугониа — одна из трех арок древнего Рима. Вот он какой, древний город! Но история только начиналась. У подножья Палатина лежала священная земля Форума — места народных собраний. Колизей потряс маэстро. Взирая на его взметнувшиеся в небо развалины, которые пощадил века, дон Диего думал над тем, сколько силы, умения, мастерства должны были вложить люди в строение, чтобы оно могло пережить время! Немая громада смотрела на мир бесконечным множеством зияющих окон, словно удивлялась тому, что ее, построенную на тысячелетия, за шестнадцать столетий разграбили, разрушили, разобрали.

От всего увиденного за день дон Диего очень устал. Подымаясь к себе во дворец, он думал о том, что для знакомства с таким городом нужны не дни, а годы. Его ожидали вести из Испании. Письма от дона Хуана де Веллелы и тестя. Маэстро быстро их вскрыл. В первом среди множества новостей он прочел: «У ее высочества королевы Изабеллы родился мальчик, которого при крещении нарекли Балтазаром Карлосом. Мы дождались наследника испанского престола».

Художник улыбнулся: «Новая модель для меня».

Следующий день был похож на предыдущий. В открытом экипаже Веласкес со своими спутниками объезжал город. Они остановились на площади Испании. Художник поднялся по широкой лестнице, насчитывающей сто тридцать две ступени, чтобы оттуда взглянуть на окрест лежащие дома. Потом буквально упивался величием Парадной площади и красотой гробниц, выстроившихся вдоль Аппиевой дороги. Эти гигантские усыпальницы были щедро украшены мрамором и прекрасными статуями. Здесь все выставлось напоказ. Казалось, каждый из почивших здесьставлял на зависть другому свое богатство.

Осмотр самого Ватиканского дворца и сокровищ, хранимых в нем, а также храма Святого Петра художник все откладывал. Когда он возвращался из своих длительных поездок по городу, то, доезжая до Тибра, границы, где начинались новые кварталы, маэстро сразу отыскивал близ Яникула царящий над всеми строениями собор. Во всем христианском мире не было другого такого пышного и громадного собора. Каждый раз, подъезжая к храму, художник видел его иным. Однажды он видел, как солнце-волшебник сотворило чудо: гигантский купол вдруг, казалось, засверкал изнутри, в другой раз луна заливала его серебром. Но то, что маэстро увидел внутри, потрясло его и не шло ни в какие сравнения. Храм вырос на античной почве, и христиане не смогли уберечь его от влияния античных храмов. Огромный дом построила паства своему богу. Но здесь не чувствовалось его присутствия. Храм с его 30 алтарями, 80 огромными мраморными и бронзовыми статуями, 50 роскошными надгробными плитами и всевозможными росписями больше походил на музей.

Маэстро бродил по залам Ватиканского дворца, где были собраны неисчислимые художественные богатства. Здесь, рядом с вырытыми из земли античными сокровищами, стояли памятники более позднего искусства. Умирал столетия и никак не мог умереть Умиравший галл, Лаокоон с сыновьями освобождался и не мог освободиться от опутавших их змей, застыла на века улыбка на устах Венеры, Аполлон нес людям неземную красоту. Античный гений, презирав время, дарил потомкам идеалы своей эстетики. Кем бы ни были те безымянные мастера, создавшие эти шедевры, слава им! Человечество, так неосторожно потерявшее их имена, воздаст должное их творениям.

Каждая новая комната в бесчисленной анфиладе ватиканских покоев открывала художнику что-то новое. Позолота, скульптура, украшения, картины, гобелены. Он жадно вглядывался в творения великих мастеров, стараясь понять секрет их бессмертия. В стенах Ватикана время, казалось, остановилось,

признав себя бессильным. Какие только сюжеты не выбирали художники для своих полотен! Убегала в лес, маня за собой юношу, нимфа Эхо, гляделся в зеркало озера самовлюбленный Нарцисс, белотелую Европу похищал бык Зевс, прекрасные Венеры рождались, спали, просыпались — здесь жили боги разных эпох, легенды разных народов и мастера разных дарований.

Чтобы пройти в Сикстинскую капеллу, построенную при папе Сиксте IV и от его имени получившую свое название, нужно было попасть во двор Святого Дамаса. Этот двор, названный так в честь первого владыки, надевшего папскую тиару, был окружен тремя громадными корпусами, которые смотрели на мир бесчисленным множеством окон своих лож.

Капелла встретила его обычной для Ватикана тишиной. Едва переступив порог, художник сразу взглянул ввысь, туда, где, занимая часть внутренней стены, спускалась до самого карниза картина Страшного Суда. Гениальный Микеланджело! Он словно раздвинул стены капеллы.

Не верилось, что один человек мог создать все это! Какую силу нужно было чувствовать в руках, сколько энергии иметь в мускулах, из какого невиданного материала должны были быть нервы, чем измеряться его талант, чтобы он один смог создать все это — без мраморщиков, литейщиков, бронзовых дел мастеров? Один, все один! Волшебной должна была быть его кисть, что смогла расписать всю поверхность капеллы, служившую рамкой для грандиозного полотна. А картина, поверхность которой равняется нескольким сотням метров! Такое мог написать только человек-труженик. Четыре долгих года оставался он один на один со своим произведением. Мастер отдавал ему свой талант, свое сердце, свою жизнь. Потому-то произведение вдруг ожило и осталось жить на удивление многим поколениям.

Веласкес до головокружения вглядывался в детали росписи, каждая из которых сама по себе была картиной. Разве не уподобился титан Микеланджело богу-творцу, создав живых людей, дав людям идеал

красоты? Вот оно какое, бессмертие! Маэстро про себя отметил, что тут, в Италии, он начал свободнее мыслить, раньше такие сравнения не посещали его.

Рафаэль де Урбинò не потряс испанца так, как он этого ожидал. Если у великого Микеланджело в картине везде звучали сила и мужество, то Рафаэлю больше подходил эпитет «нежный». Рисунок его привлекал чистотою линий, своею гармоничностью и мелодичностью. Это был образец тонкой филигранной работы, где материальное перерастает в духовное. Но нашему маэстро Микеланджело был ближе.

Ватикан утомлял дон Диго. Обилие картин, обстановка непрерывной настороженности. Художник стал думать над тем, как ему избежать томящего гостеприимства.

Вечерами дон Диго садился за письма. Его письма на родину были повестью о чарах итальянской земли, о людях, о том, что ему довелось пережить и увидеть. Он писал о прекрасных мастерах Фра Анджелико, Перуджино, Боттичелли, восхищаясь простодушием их работ. Художники академического направления не вызывали у испанского маэстро ничего, кроме профессионального интереса. Их слава, равно как и полотна, не произвела на него впечатления. К тому времени особенно популярными художниками в Риме были братья Караччи и Гвидо Рени, которым все старались подражать. Но Веласкес, еще в Севилье привыкший писать жизнь такую, какова она была, оставался равнодушным к надуманной красоте их полотен.

— Хуан!

Пареха даже вздрогнул. Так необычно громко прозвучало в тишине этих молчаливых стен его имя.

— Мы переезжаем. Я попросил графа Монтеррей, нашего посла, исходатайствовать у флорентийского герцога Медичи разрешение пожить на его знаменитой вилле в Риме. Сегодня вернулся курьер. Герцог шлет нам свое разрешение.

Еще в первый день приезда, любуясь кружевом Сабинских и Албанских гор, Веласкес был очарован вершиной Тринидад, над которой красовались две по-

девичьи стройные колокольни крохотных церквушек. Побывал он и возле белоснежных зданий виллы Медичи, откуда открывался чудесный вид на весь Рим.

В Мадриде слышал он от художников, побывавших в Риме, о вилле, ставшей местом, куда стремился попасть каждый маэстро, приехавший в Вечный город. Для многих великих живописцев она становилась своеобразным символом единения искусства.

Веласкес шел по хрустящему гравию сада. Каким прекрасным был этот сад, со старинными могучими дубами, отливавшими бронзой в лучах заходящего солнца! Сердце художника сладко защемило. Так бывало с ним всегда, как только он погружался в это дивное состояние близости с природой. Он чувствовал тогда себя частичкой загадочной Великой Вечности.

Укромный уголок парка с забитым досками проходом, стройные высокие кипарисы взволновали его необыкновенно. Уголок этот, созданный прекраснейшим из художников — природой, — сам просился на полотно. Маэстро уже представлял себе, как выглядел бы этот пейзаж в раме. Небольшой по размерам, он должен быть обязательно монументальным, чтобы давать ощущение силы и величия природы. Раньше, до этого, ему никогда так не хотелось писать натуру. Он шел дальше, унося в сердце навсегда оставшийся там пейзаж.

Сад погружался в тихие таинственные сумерки, казалось, вот там за поворотом аллеи сейчас вздрогнет пиния, качнется померанец и, чуть касаясь ногами земли, выйдет женщина с головой древней богини. Она, никого и ничего не замечая, пройдет белой дымкой сквозь грусть вечерней синевы по лестнице, ведущей на вершину холма. У ее ног расстелится Рим, громадный старинный город. Художник вздрогнул. Чья-то рука коснулась его плеча.

— Маэстро, — в голосе Хуана чувствовалась озабоченность, — я зову вас уже несколько раз. Пойдемте в комнаты.

Огромная столовая виллы производила впечатление галереи. Там висели портреты всех великих

художников и артистов, которые когда-либо побывали здесь. Любой королевский дворец мог бы позавидовать громкости их имен и непреходящей их славе. Теперь художник понял, откуда у парка столько грусти: там навеки покоилась память о тех, кто хоть раз ступал по тенистым аллеям. Природа сделала из него своеобразный храм памяти о людях, чьи руки столько сделали, воспевая ее красоту. В библиотеке виллы — огромной зале с громадными окнами — зажгли свечи. Их свет, вздрагивая от любого шороха, метался по книжным полкам. Здесь, куда ни обратишь взгляд, все было окружено памятниками прошлых времен. Античные скульптуры безымянных талантливых мастеров так сжились с виллой, с окружающим ее садом, что стали их органической частью. Так жили они, созданные в разные эпохи, объединенные человеком в единое, имя которому — красота.

Здесь, в тиши виллы Медичи, маэстро начал писать свой первый автопортрет*.

Пользуясь свободой в своих действиях, в выборе моделей и сюжетов для полотен, Веласкес все же не забывал, что он художник его величества и гранд. И в Италии положение обязывало художника считаться с внутренними законами испанского двора: раз по происхождению ты дворянин, значит в любом случае жизни ты обязан им оставаться, даже на портрете.

Хуан, глядя, как работал маэстро, невольно мысленно переносился в галерею портретов художников, расположенную в столовой виллы. Как отличался автопортрет его маэстро от портретов замечательных мастеров кисти! Автопортрет Веласкеса ничем не выдавал в нем художника. На полотне перед Хуаном был скорее гранд, одетый во все черное, со шпагой на боку, в парадных перчатках. Казалось, это порт-

* Речь идет о портрете, хранящемся в Капитолийской галерее в Риме. Кроме того, есть еще несколько автопортретов Веласкеса: в галерее Уффици во Флоренции, в музеях Валенсии и Вены. Но мнения исследователей расходятся относительно достоверности этих портретов. Все сходятся на одном: самый достоверный его портрет в картине «Менины».

рет: дворянина, случайно попавший в галерею художников.

Вот почему много лет спустя, в 1860 году (в связи с двухсотлетием со дня смерти Веласкеса), следуя традициям, в Париже перед Лувром дворянину-художнику воздвигли памятник, который изображал его рыцарем на коне.

Хуан, у которого было гораздо больше свободного времени, чем у маэстро, рассказывал дону Диего о городских новостях, о всем виденном в Риме. Иногда художник, слушая рассказ, прерывал его на полуслове: он учил Хуана «видеть», как некогда делал это отец Саласар.

Однажды ночью, гуляя с Хуаном в сопровождении охраны, присланной кардиналом Барберини, дон Диего стал свидетелем необычайных похорон. Погребение в Италии — стране воздуха и света, где вся природа подчинена великому лозунгу «жить!» — происходит ночью. Несмотря на то, что все вокруг звало к жизни, люди успевали вырасти, состариться и умереть. Но им, детям природы, словно было неудобно огорчать свою добрую мать, потому они старались уйти из жизни незаметно. И в часы, когда она сладко спала, люди тайком хоронили своих уставших от жизненных дорог собратьев. Пустынной улицей не шла, а проносилась процессия. Крест, хоругви, гроб мчались спящей улицей без единого шороха. Смерть, которой не принято кланяться в этой стране солнечного света, спешила побыстрее, до рассвета забрать свою жертву.

Веласкес к тому времени кончал «Распятие» и уже подумывал, что на сей раз он должен выбрать для себя другой сюжет — что-то из античных мифов. Здесь, в сердце Италии, нужно писать красками этой страны, на «Распятии» играть они не смогут.

Много прекрасных мифов хранит история древнего мира. Веласкесу особенно нравился один — о боге огня и молний Вулкане. Без устали трудился каждый день Вулкан, и некогда ему было присмотреть за своею прекрасной и легкомысленной женой Венерой. На Олимпе порядки строги, и бог красоты

Аполлон однажды решил предупредить трудолюбивого бога о неверности его супруги.

Маэстро остановился на этом сюжете. Картина должна была передавать тот момент, когда Аполлон произнес роковые слова. Местом действия художник избрал кузницу Вулкана. Но напрасно было бы искать в картине, над которой трудился дон Диего, «небесную обстановку» и античные образы. Кузница бога очень походила на обыкновенную крестьянскую кузницу, а герои — на обычных кузнецов, которых немало видел Веласкес в Мадриде и в Риме. Давняя наставница маэстро — жизнь — и тут не отступила перед художником-реалистом. Опять под его волшебной кистью рождалась жанровая картина, хотя трактовка обстановки и образов тут были гораздо глубже, чем в сеvilьский период. Другими стали краски у маэстро — разнообразнее, богаче и ярче, мастерство — совершеннее.

По-разному воспринимают рассказ зашедшего в кузницу Аполлона слушатели. Сам бог Вулкан, старый, хромо́й кузнец, в ярости. Его бородатое лицо искажено гневом, горят глаза. Подмастерья Вулкана — по мифу циклопы — с плохо скрываемым любопытством уставились на прекрасного бога, в глазах их удивление и едва замаскированное злорадство. Замечательна моделировка их обнаженных тел. Их движения жизненны, естественны. Картина имеет два источника света: от двери, на пороге которой стоит бог Аполлон, тоже излучающий свет, и от наковальни, расположенной в центре картины, где лежит, остывая, раскаленное железо. Тщательно выписал маэстро инструменты кузнечного обихода. Единственная фигура на полотне, наводящая на мысль, что это миф, — бог Аполлон.

Картина была результатом глубокого изучения работ античных мастеров, но не копией их. Своеобразно, в испанском стиле, решил свою задачу художник.

Все чаще Хуан замечал, как маэстро, который раньше мог часами простаивать с кистью у мольберта, стал присаживаться отдохнуть на низенький стул.

Утром он не смог подняться с постели. Плохие предчувствия верного Хуана оправдались. Личный лекарь графа Монтеррей, присланный им художнику, определил: лихорадка. Больного в карете бережно перевезли в дом графа. Окруженный вниманием, маэстро стал постепенно поправляться. Теперь все чаще вспоминал он родную Испанию. Пора было уже возвращаться в Мадрид, но ему так хотелось побыть еще в Неаполе.

— Для вас, дорогой дон Диго, — сказал как-то зашедший проведать Веласкеса граф и заставший его за работой, — панацеей вита* служит искусство. Достаточно заболевшему художнику сказать, что его картины нравятся публике, как это его подымет на ноги. Я пришел с приятным известием: вам разрешено ехать в Неаполь.

Через несколько дней Веласкес, совсем выздоровев, отправился в путь. Еще издали, с дороги, сверкнул вдруг путникам небесной лазурью Неаполитанский залив. Трудно было понять, то ли небо взяло у моря свои краски, то ли само с щедростью небес подарило их морю. Вдали виднелся Капри, сквозь ранний утренний туман проступало Тирренское море с кромкою синих гор. Прошло немного времени, и мягкое покрывало сползло с двухглавой вершины острова, и он заискрился на фоне лазури неба. Но недолго пришлось маэстро любоваться Неаполем. Сестра его высочества Филиппа IV инфанта Мария-Анна, будущая супруга Фердинанда Венгерского, пожелала передать брату подарок. По ее воле придворный художник августейшего брата должен написать ее портрет. Нет, два! Один инфанта пожелала оставить у себя. Веласкес приступил к работе. А мастерская художника, где бы она ни находилась — будь то мадридский Альказар или Неаполь, — всего-навсего комната с четырьмя стенами.

Он уже заканчивал портреты, когда услышал у двери мастерской троекратный стук. Кто бы это мог быть? Гости здесь, в Неаполе?

* Эликсиром жизни (лат.).

На пороге стоял придворный живописец Неаполитанского королевства Хусепе Рибера. Небольшого роста, очень подвижный, он, казалось, излучал симпатию.

Его не было в королевстве в день приезда маэстро, и потому Рибера не встречал Веласкеса. Теперь он был рад случаю познакомиться с виртуозным мастером кисти. Чувствуя уверенное пожатие Риберы, Веласкес подумал, что такую может быть только ладонь друга.

Оба маэстро действительно подружились. Вечерами, отдыхая от работы, они вели долгие разговоры о задачах искусства, об антиках, о понятии «красивое». Веласкесу были близки реалистические искания его нового друга, ведь он сам шел той же дорогой. Ученик Франсиско Рибальты* и страстный поклонник Караваджо, дон Хусепе, которого здесь прозвали Спаньолетто (испанчик) за маленький рост, сумел выработать свой собственный стиль письма. Его признали и даже избрали членом Академии художеств Святого Луки в Риме. Рибера показал дону Диего свои полотна, среди которых были «Св. Иероним», «Силен», «Св. Себастьян» и две картины из замечательной серии полуфигур, изображавших древнегреческих философов и мыслителей Архимеда и Демокрита. Он еще предполагал написать Гераклита и Диогена.

Пришло время расставаться. Прощаясь с гостеприимной землей Италии, художнику хотелось верить, что он вскоре опять будет любоваться ее красками. За полтора года маэстро привык к Италии и успел полюбить ее веселый народ. С грустью покидал Италию и Хуан. На ее земле дышалось свободней и ему и учителю.

* Франсиско Рибальта (1551 — 1628) — известный испанский художник валенсийской школы, творчество которого характеризуется суровостью и простотой.

НА СЕРЕДИНЕ ПУТИ

Ничего не изменилось в Мадридском дворце за время отсутствия художника. Двор жил своей прежней замкнутой жизнью. Королевский дворец казался отделенным от остального мира китайской стеной.

Веласкес поднялся в апартаменты его высочества. Король, элегантный в своем черном бархате, встретил маэстро приветливо, насколько такое было возможно для этого человека. За время поездки художника в Италию Филипп IV никому из живописцев не позировал и теперь, сказав об этом художнику, ждал от него благодарности.

Веласкес низко поклонился. Он еще не пришел в себя после свободы итальянской жизни и немного отвык от фраз, за которые надо спешно благодарить. Филипп IV нахмурился, он ждал большего. Маэстро наконец-то нашел нужные слова: он-де рад видеть короля и хочет верить, что его величество, как прежде, будет находить время посещать мастерскую. Из Италии маэстро привез несколько своих работ и просит Филиппа IV принять их в дар.

Король величественно кивнул. Все становилось на свои места.

Опять мастерскую художника заполнили ее обычные обитатели. Картины — начатые, почти готовые, этюды, наброски, эскизы,

большие полотна, ждущие своей очереди на мольберт. Если ничего не изменилось в обстановке работы маэстро, то в картинах, даже при беглом взгляде, можно было заметить колоссальные перемены. Недаром так пристально, тщательно испанский художник изучал в Италии венецианских живописцев, технику построения ими живописно-красочного слоя. Палитра Веласкеса приобрела удивительную легкость, стали иными колористические решения, увереннее кисть, тоньше нюансировка. Раньше у него в полотнах преобладали темные, почти черные краски. На смену им пришли светлые тона, насыщенные богатством цветовых сочетаний, определились тончайшие переходы. Художники двора и мадридские теоретики искусства стали поговаривать о появлении у маэстро новой манеры письма.

Изменились и портреты. Теперь они напоминали больше картины — портретируемое лицо изображалось на фоне отменно написанных пейзажей.

Дон Диего стал чаще отлучаться за город. Встретившаяся донья Хуана де Миранда не раз посылала ему вслед учеников или верного Гальярдо. Они находили маэстро далеко за пределами города. Он стоял, вглядываясь в холмистые кастильские дали, чтобы потом перенести на свои полотна этот серовато-серебристый тон, окутанные дымкой безбрежные голубоватые холмы. Испанская земля словно просила написать ее портрет. Разве она, взрастившая его талант, не была достойна такой чести? И он писал ее — в прозрачных воздушных мантильях, в тончайших кружевах далеких горных вершин, в искрящейся серебром зелени ее лесов.

Вскоре Веласкес закончил первый портрет маленького наследника испанского короля — инфанта Балтазара Карлоса. Малыш, которому едва минуло полтора года, ни за что не хотел позировать. Писать же его было необходимо — так хотел король. Тогда с инфантом стал играть его карлик, и дело пошло на лад. В картине были соблюдены строгие правила испанского этикета. Ребенка одели, как это подобает принцу, в парчовые одежды. Дети королей должны

чувствовать у себя над головой корону еще в колыбели — гласил неписанный закон. Не мог его обойти и художник, потому на его полотнах маленькие принцы и принцессы так печально серьезны.

Однажды граф Оливарес передал дону Диего волю короля: охотничий замок Торре де ла Параде недостаточно уютен, его величеству хотелось бы украсить стены замка живописными портретами.

Так появилась на свет целая серия охотничьих портретов.

Брата короля инфанта Фердинанда маэстро изобразил во весь рост. Он стоит на опушке леса в прекрасном охотничьем костюме, с ружьем, словно остановился передохнуть. Большая породистая собака уселась у его ног. Рядом с этим портретом повесили в замке и портрет принца Балтазара.

Все это время художник мечтал создать полотно, которое бы не было традиционным портретом и вместе с тем не вызвало неудовольствия своей новизною. Ведь он-то знал, как смотрели на различные новшества при дворе.

Случай помог дону Диего.

Каждый год при королевском дворе в разное время устраивались три большие охоты. На эти охоты съезжались вельможи из многих городов, приглашались послы иноземных держав. Во время охот устраивали большие торжественные спектакли, блестящие рыцарские турниры, на которых состязались в ловкости и охотничьем умении, бой быков. Маэстро по своему положению придворного должен был непременно присутствовать на торжествах. Ему же не хотелось покидать мастерскую, хотя начальник королевской охоты дон Хуан Матеос, портрет которого писал Веласкес, и убеждал его, что в этом году охота обещает быть необычайной. Ведь король приказал кавалерам Сант-Яго явиться в парадной форме! Дон Диего работал и думал о человеке, портрет которого постепенно словно проявлялся на полотне. Охота была призванием, любимым делом дона Матеоса. Часами мог говорить он о ее достоинствах. Теперь же, когда прошли годы и отяжелевшему стареющему

охотнику стало трудно носиться вскачь по горам в поисках дичи, всю свою любовь к охоте перенес он на бумагу, задумал написать книгу. Маэстро видел ее рукопись — «Происхождение и достоинство охоты» назвал ее автор.

Художник писал легко и уверенно. Хмурым взглядом темных глаз смотрел с полотна на мир, суровый вельможа.

Матеос спешил к началу праздника. Сеансы пришлось прекратить. Да и художнику пора было отправляться в путь.

На большой лесной поляне собрался почти весь двор. Сверкая золотом сбруи, звеня серебром уздечек, сытые кони били копытами. Проезжали нарядные кавалеры и дамы в парадных костюмах. Толпа охотников проверяла оружие, а вокруг всей этой необыкновенно цветистой массы людей и солдат королевской охраны расположились прямо на земле горожане, крестьяне, нищие, зеваки, пришедшие из Мадрида поглядеть на королевский праздник. Вот на середину образовавшегося круга верхом выехали король и королева. Ударили литавры, тонко запели трубы, возвещая начало охоты.

Мысль художника работала лихорадочно. Это будет громадное полотно, размером три на полтора метра. Пожалуй, достаточно, чтобы уместились, скажем, сто персонажей. Надо только запомнить побольше деталей...

Король был польщен преподнесенным ему подарком*. «Мой художник, — любил повторять он, — стал зеркалом нашей жизни». Не знал король о пророчестве своих слов. Творчество маэстро на самом деле напоминало работу прилежного летописца, который оставлял потомкам жизнь своего поколения без всяких украшательств — действительность у него смотрелась в зеркало.

* В начале XIX века король Фердинанд VII подарил «Охоту на кабана», предварительно скопированную Гойей, английскому послу в Мадриде. Сейчас она находится в Национальной галерее в Лондоне.

Некрасивая, но достаточно умная королева Изабелла Бурбонская, дочь Генриха IV, не любила позировать. Достаточно огорчений приносили зеркала, а тут еще портреты! Тем более не хотелось ей позировать дону Диего, которому и в голову не придет польстить своим моделям! Однако король Филипп был настойчив. Ее высочество должна изменить своему правилу, иначе идея создания парных конных портретов так и останется неосуществленной. Это должны быть парадные картины, объяснял он маэстро.

Королевское желание трудом дона Диего было претворено в жизнь. Могучие кони словно застыли на скаку, сдерживаемые волевыми руками монархов. Всадники гордо восседали в седлах, отчего создавалась атмосфера приподнятости и торжественности.

В один из дней Веласкес отправился с визитом к могущественному графу Оливаресу — по его приглашению. Он ожидал, что в загородном дворце, где в ту пору жил премьер-министр государства, соберется большое общество, но ошибся. У графа никого не было. Оливарес встретил художника необычайно приветливо. Это настораживало и давало повод гадать, что же скрыто за улыбкой не особенно улыбчивого хозяина.

Оливарес не изменил своему неизменному правилу приступать к делам сразу. Он сказал, что донья Инес, его высокочтимая супруга, пожелала иметь портрет работы маэстро. Веласкес понял, откуда повеял этот ветерок. Королева решила позировать ему, некоронованная королева не хотела от нее отстать. Перечить воле первой дамы королевства Веласкес не мог, да и не хотел — донья Инес давно привлекала его внимание как очень выразительная модель. Почему бы не воспользоваться случаем и не написать одновременно и самого графа, если, конечно, у столь занятого человека найдется время? Граф дал свое согласие. И все-таки не это было главным, ради чего пригласил к себе премьер-министр художника.

В одном из принадлежащих графу лесопарков, что близ Мадрида, вот уже несколько месяцев шло

таинственное строительство. При дворе тихонько поговаривали, что граф, очевидно, решил удивить мир новым архитектурным шедевром. Однако дело обстояло не так. Оливарес открыл тайну дону Диего: он готовил его величеству подарок ко дню рождения. Но что дворец без мебели и картин? Оливарес решил сам обставить помещение. Показывая художнику план, граф остановил его внимание на Зале Королей — Лос Рейнос. По его замыслу, залу должны были украшать полотна на темы великих битв, как выразился граф, принесших славу испанскому оружию, которые, разумеется, происходили в годы царствования короля Филиппа IV.

Веласкес силился вспомнить эти «великие битвы» и не мог. Бесславной была военная история Испании. Разве что падение Бреды? Пожалуй, это наиболее подходящий сюжет. Во время совместной поездки в Италию маркиз Амброзио Спинола сам рассказывал художнику о сдаче крепости Бреда.

Граф Оливарес одобрил предложенный маэстро сюжет. Приближалась десятая годовщина со времени победы. Картина как нельзя кстати напомнит о ней.

Когда Веласкес откланивался, граф еще раз напомнил ему, что до поры до времени никому о заказе говорить не нужно, — его величество не должен знать о «заговоре».

Вскоре во дворец Оливареса привезли новое полотно — большой портрет доньи Инес де Суньи́га графини Оливарес. Изображена она была почти во весь рост. Темное придворное платье, последняя модель строгой испанской моды, плотно облегалo фигуру. Опершись правой рукой на спинку стула, графиня стояла, холодно глядя прямо перед собой. Надменным было некрасивое лицо, плотно сжатые губы чуть тронула горделивая улыбка.

Первая дама королевства осталась довольна своим изображением. Был доволен художником и сам граф. Маэстро, отложив все работы, начал писать его конный портрет. Сохраняя схему репрезентативного портрета, дон Диего решал живописную задачу по законам, известным лишь ему одному. Премьер-

министр Испании был изображен верхом на скакунце во весь опор коне. Правую руку с маршальским жезлом он поднял над головою коня, указывая ею в сторону битвы. Пожалуй, странно было видеть в такой позе графа, который за всю свою жизнь не выиграл ни одного сражения. Его даже трудно было представить верхом на лошади — граф не любил верховой езды.

И на портрете Оливареса не забыл маэстро об отчизне. Она лежала там в своем обычном наряде из серебристой дымки, до боли родная. Веласкес ее портреты мог писать без конца.

Чем бы ни занимался художник в те дни, в его голове вечно жил, тревожил и требовал решения вопрос: как же написать падение крепости Бреда? Триумфальное шествие победителей — может, так? Или лучше — отдых солдат после тяжких воинских трудов?

Художник вспоминал свои долгие беседы с адмиралом Спинолой во время путешествия в Италию. Писать то, о чем говорил маркиз, нельзя. Но и забывать об этом тоже нельзя. Что это была за «победа», когда гарнизон крепости капитулировал добровольно? Бесславный в общем поход увенчался бутафорской победой. Комендант вражеской крепости сдал ключи и получил право со всеми почестями, не сдавая оружия, оставить город.

Художник никогда еще не брался за исторические сюжеты. Ему захотелось посмотреть, как решают эту задачу писатели. Быть может, они дадут ему таинственную нить, которая выведет из лабиринта сомнений. Он листал труды античных историков Тита Ливия и Квинта Курция Руфа, книги о фландрской войне. Но испытанные советники на сей раз ничего не могли подсказать ему.

Веласкес всматривался в рубенсовский портрет Спинолы. Портрет маркиза был написан Рубенсом в Антверпене в 1625 году, когда Спинола ехал после сдачи Бреды в Испанию. Победитель выглядел очень усталым, утомленным. Мускулистые руки нервно охватили шпагу и маршальский жезл, во всем облике сквозило неудовольствие. Этого не могли скрыть ни .

живописная поза, ни богатый костюм, ни блеск ярких красок. Великий Рубенс сумел в портрете предсказать будущее или отразил только то, что чувствовал в полководце в тот миг? Своими сомнениями дон Диего поделился с доном Хуаном де Веллелой, который после приезда маэстро из Италии стал одним из ближайших его друзей.

Веласкес слушал друга внимательно. Ведь Веллела всегда так хорошо умел взвесить все «за» и «против», найти самые точные, нужные слова, что дону Диего оставалось только взяться за кисть. Так было и в этот раз. Дон Веллела как бы воссоздавал историю падения голландской крепости. Он говорил, что там, у ее стен, сошлись и мерились силою два государства. Падение Бреды — завершение определенного этапа истории.

Испанское государство возникло совсем недавно. Его история еще не исчисляется столетиями. Из пестрых лоскутков небольших государств католические короли сшили эту могучую разноплеменную державу. Она постепенно крепла, возносилась все выше. Завладев Неаполем, Сицилией и огромными заокеанскими землями, она сосредоточила в своих руках две трети мирового запаса благородных металлов. Все это было внешней стороной медали. На самом деле держава, как это ни странно, клонилась к упадку от золотого полнокровия. Стоило взглянуть на отчеты Государственного совета, чтобы убедиться в этом. Нищали деревни, рос государственный долг. В стране ширились ереси, и ничего не могла поделать с этим могучая инквизиция. Волнения потрясли колонии. Маленькие державы, некогда такие беспомощные, начали поднимать голову. Во всем этом — прямая дорога к Бреде. Там, в побежденном, но не покорившемся городе, сила противостояла силе. Испания, могучая Испания, оказалась не подготовленной к войнам. Отсюда такая «победа».

Внимая смелой речи Веллелы, Веласкес представлял себе, как в далеких Нидерландах на огромной равнине сошлись две армии. За спиной первой была могучая держава, походы в чужие земли, множество

битв. Вторая шла на свою первую брань, которая должна была дать ее воинам или отнятое отечество, или смерть.

Дон Велледа ничуть не удивился, когда маэстро, молча взяв из рук Хуана Парехи шляпу и плащ, все так же молча ушел в темноту. В доме Веласкеса давно к этому привыкли. За хозяином вслед спешил с фонарем верный Гальярдо или Хуан.

В такие вечера, когда Мадрид погружался в сон, у доньи Хуаны де Миранды подолгу светилось окно. В ожидании мужа тихая Хуана де Миранда рассказывала дочери и ученикам дона Диего о своей родине, солнечной Севилье. Порой она замечала, как внимательно смотрит на ее уже почти взрослую Франциску Хуан Баутисто Мартинес дель Масо. Юноша чем-то отдаленно напоминал ей дону Диего в молодости. Серьезный и пытливый, Мартинес, как звали его в семье Веласкес, очень много работал. Он научился так копировать своего учителя, что даже очень опытных знатоков почерка Веласкеса не раз приводил в заблуждение. Гости из далекой Италии, однажды побывавшие в студии молодого Масо, были поражены, увидав на стенах настоящих Тициана, Тинторетто и Веронезе. Но каково было их удивление, когда они узнали, что юноша сам написал эти полотна! Дон Диего, уже привыкший к такой особенности своего ученика, радовался, глядя на его успехи.

Хуана де Миранда со свойственным только одним женщинам чутьем угадывала в отношениях дочери и Мартинеса повторение своей собственной судьбы.

Не замечал ничего лишь Веласкес, все время проводивший в мастерской. Он жил только картиной. Жена не спешила посвящать его в тайны своих наблюдений. Сейчас лучше было его не тревожить.

Работа над картиной захватила художника. Решив тему композиционно, он не переставал вносить в нее изменения. Вчера он почти до рассвета проговорил с одним из участников капитуляции Бреды, а потом весь день переписывал правый угол полотна. Помня приказ Оливареса хранить все в тайне, Веласкес, кроме Парехи, никого не допускал в мастерскую во

время работы. Пареха рассказывал, что ничего похожего на эту картину он в своей жизни не видел.

— Наш дон Диего решил удивить мир. Где видно, чтобы в одном полотне соединились несколько портретов и прекрасный ландшафт! Он замучил сеньора Хуана, который согласился позировать ему.

Но Пареха ошибался. Брат художника Хуан Веласкес де Сильва, приехавший из Севильи навестить своих родственников, с удовольствием проводил время в домашней мастерской маэстро. Он надеялся, что брат смирится и хоть одним глазом разрешит ему взглянуть на полотно.

Наконец настал день, когда картина была окончена. Дон Велледа стал первым, кому была оказана честь взглянуть на нее. То, что он увидел, превзошло все ожидания.

Маэстро воссоздал на полотне момент, когда на холмистой равнине у крепости Бреда встретились два полководца — Спинола и Нассау. Комендант города-крепости, гарнизон которой выдержал десятидневную осаду, вышел навстречу победителю: он нес ему ключи от ворот. Такой эпизод на самом деле имел место в истории. Но не документальность была тем, что превратило картину в образец полотна на исторический сюжет. Следуя своему кредо, маэстро остался верен правде жизни, которая и дала бессмертие его творению. Правда сделала полотно живою страницей истории.

В центре Веласкес расположил по-рыцарски учтивого Амброзио Спинолу и чуть склонившегося перед ним Юстина Нассау. Происходил акт передачи ключей. Испанский полководец, истинный представитель своего класса, и тут не удержался от позы: на его лице покровительственная улыбка, а во всей фигуре — снисходительное участие победителя к побежденному. Лицо Нассау выражает сложную гамму чувств: тут и уважение воина к смелому противнику и недоверие военачальника к своему недавнему врагу. Художник истолковал этот момент весьма правдиво, ведь в этих образах зрители должны были увидеть не отдельных лиц, а две державы. И то, что Спинола вы-

глядел не грозным победителем, соответствовало положению дел — ведь и сама Испания им не была.

За каждым из военачальников стояла свита. За спиной Спинолы стройными рядами гордо выстроились гранды. Галерея грандов. Ничего нельзя было прочесть по строгим, замкнутым лицам. Над их головами возвышались копья. Целый густой лес устремленных в небо копий — символ могущества испанской державы.

Армия Нассау выглядела гораздо проще. Здесь нет уже той осанки в фигурах и напряженности в позах. Если повнимательнее всмотреться в их лица, то сразу почувствуешь, что среди побежденных нет покорившихся. Голландцы просто вынуждены признать власть силы. Дух же их не сломлен. И невольно чувствуешь, что воины Нидерландов не сложат своего оружия.

Веласкес не торопил друга с мнением о своей работе. Наконец дон Веллела сказал:

— Дорогой маэстро! Вы разрешите мне сначала представлять официальное лицо и задать несколько вопросов? — его черные глаза смеялись.

Дон Диего поклонился.

— К вашим услугам, сеньор.

— Скажите, вы, художник его величества, — начал Веллела свою речь, — что хотели вы сказать своим полотном, на котором и эти побежденные еретики и наше католическое воинство написаны с равным уважением? Не слишком ли вы веротерпимы? Не спешите отвечать. Я еще не окончил вопросы. А что должен выражать этот ободряющий жест нашего маршала? Или, может быть, вам нравится, что великая империя все больше уходит в границы метрополии?

— Ты думаешь, могут быть такие вопросы? — наконец сумел вставить слово Веласкес.

— Забываешь, Диего, что здесь не Италия, а наша благословенная, насквозь католическая Испания. Картина превосходна. Теперь же идем. По дороге я расскажу тебе, что я увидел на ней.

Они вышли. А на полотно со стен мастерской продолжали смотреть портреты членов августейшей семьи, сановники, гранды.

Ранним июльским утром веяло от полотна. Холмистый пейзаж очень напоминал Кастилию. И не мудрено. Веласкес никогда не видел Нидерландов. Вдали тасло пламя пожара, последние его отблески сливались с лучами утреннего солнца. Весь пейзаж с сероголубоватой далью и коричнево-сероватой почвой переднего плана пронизывал нежный серебристый свет. Фигуры людей в зелено-голубых и золотисто-коричневых одеждах четко вырисовывались на этом фоне. Красочными пятнами выделялись белая одежда человека из свиты Нассау, розовые шарфы на полководцах да голубые с розовым знамена.

Картина действительно была великолепной. Кем же все-таки был ее создатель? Замечательным портретистом или превосходным мастером пейзажа, может быть, художником-историком или скорее философом? Может, тонким поэтом и психологом? Только время, всесильное время могло по-настоящему оценить полотно. Сам того не подозревая, художник завещал свою работу именно ему. Пока же картина, скрытая от постороннего глаза, ждала завершения строительства дворца.

При дворе тем временем все готовились к предстоящим торжествам. Среди придворных шли слухи о том, что граф Оливарес не на шутку взялся за дело и хочет непременно развеселить совсем приунывшего короля.

Дворцовая театральная труппа готовила грандиозное представление. По этому случаю была даже специально написана пьеса.

В мастерских художников, в изысканных салонах Мадрида только и было разговоров, что о подарках его высочеству, о том, кого позовут на бал, какой наградой пожалует король своего премьер-министра. Веласкес вынужден был раз десять на день выслушивать всякого рода предположения и догадки относительно ожидаемых событий. Он старался побыстрее пройти длинные коридоры Альказара, чтобы попасть в мастерскую. Мешать ему там не у многих хватало смелости.

Но среди всей этой шумихи были еще островки,

у порога которых дворцовые страсти угасали. Таким местом была мастерская дон Хуана Мартинеса Монтаньеса. Старый известный скульптор прибыл из Севильи в Мадрид в конце года. Привыкший у себя на родине к спокойной работе, он и не старался вникать во все тонкости дворцовых интриг. Дон Диего любил заходить к нему вечерами. В эти вечерние часы мастерская Монтаньеса, залитая желтым светом свечей, превращалась в сказочное королевство. Ее обитатели — скульптуры словно оживали. Дрогнет пламя свечи, они тоже вздрогнут, пугливо тени метнутся в сторону, задрожит у мадонны рука, держащая сына, теснее прижмется младенец Христос к матери: кто там за дверью?

В этом королевстве царствовал необыкновенный король. Его невысокая плотная фигура степенно передвигалась от модели к модели. Он останавливался перед бюстами, вглядывался в них, потом его рука со стеклом решительно подымалась, он делал чуть заметное движение. И сколько было в этом движении профессионального мастерства, вдохновения!

Скульптору Монтаньесу очень нравился дон Диего. Они могли беседовать часами, каждый занятый своим делом. Веласкес раскладывал на столике перед собою лист синей плотной бумаги. Рука, державшая уголек, проворно бегала, оставляя на листе тонкие штрихи и линии. Художники тихо разговаривали.

Хуан Пареха, неслышно вошедший в мастерскую, был приятно удивлен. Его учитель и хозяин, последнее время и минуты не сидевший на месте, ведет неторопливую беседу с Монтаньесом, совсем забыв о времени. Хуан заглянул ему через плечо. На бумаге чернел рисунок руки скульптора. Немного грубоватой, с широкой кистью и крепкими гибкими пальцами. Рука человека, привыкшего к труду, сильная и по-своему красивая. Теперь Хуан мог наверное сказать, что дон Диего будет писать портрет Монтаньеса.

Через месяц в мастерской скульптора появился его двойник. Портрет стал гордостью хозяина. Дорожил он им еще и потому, что тот был написан рукою друга.

Январь в том году выдался необыкновенно холодным. Ледяной ветер норовил проникнуть в любую щель, безжалостно изгоняя тепло из уютных уголков. В огромных залах королевского Альказара, несмотря на все усилия челяди, температура была не намного выше, чем на улице. Но и в такую стужу Веласкес упрямо начинал свой трудовой день с шести. Последнее время король стал очень внимателен к его работе. Очевидно, его высочество успел устать от войны. Бесперывные заседания Государственного совета, вечные разговоры о событиях на театре военных действий выводили его из себя. Все тяготы, связанные с управлением государством, окончательно легли на плечи всесильного Атласа — первого министра. Оливарес, только и мечтавший получить неограниченные полномочия, стал еще более важным. Война, уже вошедшая в обычай, не особенно его тяготила. Дон Гусман был рад, что уставший король находил утешение в мастерской Веласкеса. Филипп IV приказал поставить там себе специальное кресло и, усевшись в нем, часами наблюдал за работой маэстро. Присутствие короля нервировало Веласкеса. Он часто ловил себя на мысли, что порою больше думает о состоянии своего костюма, чем о том, что пишет. Всегда мягкий с до-

машини, он стал раздражительным и вспыльчивым. А дома тем временем назревали события немалой важности.

Алонсо Кано давно не был в Мадриде. Все откладывал да откладывал свою поездку. Встречаясь с Франсиско Пачеко, на немой его вопрос «когда?» лишь разводил руками. Срочная работа для женского монастыря, заказ из Валенсии... Наконец теперь, несмотря на стужу, отбросив все «но», Алонсо ехал к другу своей юности. Много воды унес седой Гвадалквивир к морю за это время, но дружба севилянцев осталась по-прежнему молодой.

Приезду гостя радовалась и донья Хуана де Миранда. Наконец представлялся случай рассказать мужу об отношениях дочери и Хуана Баутисто дель Масо. Молодые люди любили друг друга. Масо такой прекрасный человек. Зачем же откладывать свадьбу, коль это богоугодное дело? Она приказала слугам готовить к свадьбе все необходимое, уповая на божью помощь.

Крепки мужские объятия. Легче из камня выдавить воду, чем слезы из глаз испанца. На глазах же у обоих мужчин сверкали слезы. В миг встречи они вдруг почувствовали, чего им не хватало все это время. Друга, настоящего друга! Радость встречи — не подходящее слово, пожалуй, этот взрыв чувств можно было назвать любовью.

Сутки потеряли у друзей границы. Господи! Как летит время за разговорами! Они ни на минуту не хотели расставаться. Дон Диего показывал Алонсо свои последние работы.

Королевой выглядела Мария де Роган герцогиня Шеврез на своем портрете. Имя этой женщины с беспрерывной цепью романов и интригующих происшествий не сходило с уст придворных. Поговаривали, что лучшим другом для нее мог быть сам Ришелье! Но как ни прекрасна герцогиня, донья Хуана Еминента не менее пленяла взгляд. Настоящая испанка!

Долго любовался дон Алонсо изображением оленя. Ветвистые рога животного уходили за пределы картины. Его гордо вскинутая голова повернута

к зрителю, а в косящем громадном печальном глазе почти человеческое выражение.

Гость не преминул заметить, что таким полотном не грех украсить гостиную, но лучше его отдать в приданое дочери. Веласкес был озадачен. Неужели настало время заботиться и об этом? Теперь пришла очередь удивляться Алонсо. Разве уважаемый дон Диего не знает, что его дочь выходит замуж?

Вечером конфликт был улажен. Донья Хуана де Миранда, довольная тем, что муж, наконец, посвящен в тайну, щедро потчевала гостя. Свадьба должна была состояться через неделю, и это внесло в дом приятное оживление.

Среди хаоса, который прочно овладел домом маэстро, один Веласкес оставался совершенно спокойным: он работал. Нужно было обязательно написать портрет Алонсо. Уедет опять друг, и не знаешь, когда вновь они свидятся. И как бы опять, не приведи бог, потом не пожалеть горько, как это было с отцом Саласаром.

Накануне венчания портрет был готов. С полотна смотрел красивый и еще молодой мужчина с изысканной внешностью эlegantного идадьо.

Художник постарался придать образу портретируемого все черты, свойственные Алонсо в жизни. Человек незаурядный, независимого характера, с лицом, отмеченным печатью одухотворенности, он был волевым, настойчивым, порою даже дерзким. Всегда подвижный, Кано в минуты нервного напряжения натягивался, как струна, взгляд его становился надменным, а весь облик выражал спокойствие, граничащее со взрывом. Маэстро изобразил его в момент, когда он стремительно повернул голову и глядит беспристрастным взглядом на собеседника. Но сколько скрытой энергии, нервного напряжения передавал портрет!

Повесили его в кабинете маэстро. Теперь друг будет всегда рядом.

...В один из дней граф Оливарес прислал за Веласкесом своего карлика. Хитрый малец со взглядом видавшего виды человека быстро obeжал мастерскую.

Остановившись перед неоконченным портретом, он поднял глаза на дон Диго.

— ?

— Такого человека нет. Я его придумал сам.

— Выдумал? Гм!

— Как бы тебе объяснить это, Николазито?

В юности мне очень хотелось написать человека, о котором я узнал от своего наставника, портрет командора одного из рыцарских орденов. Пробовал, но не получалось. Прошло столько лет, а из головы у меня не выветрилось это желание. Вот он, мой Командор.

Николазито, любивший живопись, знавший работы многих мастеров, неотступно смотрел на портрет. Пожилой мужчина тоже внимательно смотрел на него из своей золоченой рамы. Николазито портрет казался удивительно знакомым. Но откуда? Он напряг память. Святая мадонна! Ведь это Сид, клянусь крестом Спасителя! Постаревший дон Родриго Диас де Бивар, властный победитель мавров, Сид Кампеадор. Прошли столетия, и вот сеньор маэстро вновь оживил его. Николазито, естественно, никогда Сиды не видел, но много читал, создал его образ именно таким. Как сумел маэстро подслушать его мысли? У маленького умного, но обиженного судьбою человечка, ставшего по воле рока слугой, было большое сердце настоящего художника. «Господи! — думал он. — Как хороши его полотна! В них непостижимо мало цветов, но зато сколько жизни!» Мысли Николазито неслись дальше пестрой вереницей: «Какие похожие и одновременно разные у него полотна! Свободная живописная манера, строгая колористическая гамма. И вдруг серебристая седина и искрящийся блеск золотой орденской цепи, написанной одним мазком. Так писать может лишь настоящий маэстро. Знает ли сам Веласкес о том, что он велик? Наверное, нет. Ведь это просто его каждодневная работа».

Он повернулся к дону Диго. Тот стоял у окна, спиной к Николазито.

Ни одного слова не произнес Николазито вслух. Он тихонько подошел к Веласкесу и взял его руку

в свои маленькие ручки. Нет, перед художником стоял не обычный карлик-насмешник, а просто человек, только очень маленький. Отсутствовала на устах и обычная ухмылка всезнайки, исчезла бесследно развязность, глаза блеснули. Обеими руками он поднес руку маэстро к своим губам и поцеловал. В свой жест он вложил столько искренности, что дон Диго, бережно отняв руку, прижал к себе Николасито.

Во дворце Оливареса, куда Николасито привел художника, царило оживление. В залах, комнатах, коридорах лежали горы таинственных, хорошо упакованных свертков, ящиков с предостерегающими надписями на боках. В некоторых из них маэстро угадывал картины. Слуги в голубых ливреях — то был любимый цвет Оливареса — бегали вниз и вверх по лестнице, нагруженные подносами звенящего хрусталя и тончайшего нежно-белого фарфора. Граф был в своем кабинете. На столе перед ним лежал длинный список, в котором чернели галочки-пометки. Могучий премьер-министр что-то выговаривал дворецкому, нахмутив и без того суровые брови. Увидав гостя, Оливарес просиял.

— Пусть вас не смущает, мой дорогой земляк, вся эта кутерьма. У нас сегодня и не докладывают. Вот поглядите на этого молодца, — указал граф рукой в сторону дворецкого, который стоял ни жив, ни мертв, — умудрились все на свете перепутать. Мало мне государственных забот, так и дома все вверх дном! Пришла из Италии новая партия товаров, а он не удосужился их разобрать! Целая армия бездельников шатается по углам, работы же от них и не жди. Скажи вот сеньору, сколько у тебя под началом?

— Сто двадцать, мой господин.

— Да у нас во всей Испании всего девяносто грандов!..

Страшен был гнев Оливареса, но дон Диго знал, что весь этот разговор не стоит и ореховой скорлупы. Хозяин, упиваясь властью в собственном доме, демонстрировал гостю свои богатства, в том числе и количество слуг. «Бог мой, — думал маэстро, — быстрее бы кончался этот фарс!»

Наконец они остались одни.

— Мой Диего, — с годами у Оливареса не исчезла манера выражаться витиевато, — наконец наступил тот день, когда я могу поднести его величеству королю Испании ключи от нового дворца. Но перед тем как ввести туда двор, я хочу показать тебе все, что призвано его украсить. Некоторые залы совсем пусты. Туда нужно было бы еще несколько полотен. «Бреда» прекрасно разместилась в Зале Королей. Уверен, что королю Филиппу она будет по душе. Знаешь, как окрестил эту картину Николазито? Хитрый малец крутился возле нее день-деньской — он ведь почитатель твоего таланта, а потом говорит: «Лас Лансас» (Копья) прекрасны». Нет, только подумай, так метко дать название — «Копья». Думаю, маэстро не будет возражать против того, что под таким названием мы ее поместим в каталоге?

До вечера дон Диего пробыл в доме графа, рассматривая заморские вещи. День спустя они заняли свои места в загородном дворце, предназначенном для короля.

Дворец Буэн Ретиро — дворец Прекрасного Уединения — стоял посреди громадного тенистого парка. Дорога к нему проходила сквозь естественную рощу войлочностого дуба, заросли лаванды и розмарина. От этого невольно казалось, что ведет она в сказочное царство, тридевятое государство, так знакомое с детства. Белая громада дворца гордо возносилась над вековым лесом. Затейливая архитектура здания еще больше усиливала атмосферу сказочности. Пушистые ветви кустарников, тянувшиеся со всех сторон на дорогу, были в этот предвечерний час похожи на мохнатые лапы фантастических животных.

Перед дворцом возница резко осадил лошадей. Дверь кареты распахнулась, и приезжих с низким поклоном встретили королевские пажи в зеленых ливреях. Яркое освещенная парадная лестница вела во внутренние покои. Дон Диего, его друг дон Гаспар де Фуэнсалида и сеньор Хуан де Велледа вошли в здание.

Наконец-то бог смилостивился над испанцами:

французы разбиты у Фуэнтэррабии. Оливарес сам разработал стратегический план, который принес победу. Король Филипп щедро вознаградил графа. Ему присвоили титул генерала Фуэнтэррабии. Могущественный Оливарес был сегодня именинником вдвойне. Теперь он, генерал, хоть чем-то был похож на свой конный портрет работы Веласкеса.

Отвешивая низкие поклоны придворным дамам и кавалерам, высоким государственным сановникам и послам иностранных держав, друзья проследовали в корраль. Театр представлял собой громадный зал, который оканчивался полукруглым возвышением — сценой. Мягкие ковры глушили шаги, невысокие, очень удобные кресла с крутыми ручками-поручнями так и звали присесть. Празднество должно было начаться с театрального представления. Помещение театра постепенно заполнялось. Музыка, тихая и нежная, лившаяся, казалось, сверху, будила смутные желания, рождала ощущение чего-то особенного. Веласкес почувствовал, как внутри все напряглось до предела, он словно превратился в туго натянутую струну.

— Мой уважаемый дон Диего, — прозвучал достаточно громкий шепот Фуэнсалиды, — я обещал вам быть сегодня гидом. Ваш покорный слуга вот уже несколько минут смиренно ожидает приказаний, а мысли маэстро витают далеко за пределами дворца. Опуститесь на землю. Сейчас в зал войдут самые прекрасные в Испании женщины. Они — королевы сцены. Многие уже не выступают, но герцог Оливарес — герой сегодняшнего торжества — пригласил их для бóльшей славы дворца Прекрасного Уединения. Смотрите на центральную дверь. Вот на ковер ступила актриса Херонима де Бургос, слава этой дамы выше Пиренеев. В дни, когда вы только учились держать кисть, влюбленный в нее Лопе де Вега написал прелестную комедию «Дурочка». Лопе тогда было пятьдесят один, а прелестной Херониме — едва семнадцать. Вон та стройная пожилая дама с белым веером в руках — гордая красавица Хусепа Вака. Бог мой! Смотрите же! Эта, в черном на французский манер платье, — непревзойденная Мария Рикельме, которая

обладает изумительной мимикой и необыкновенной правдивостью в изображении чувств. С нею рядом Франциска Бальтазара де лос Рейес — великолепная исполнительница мужских ролей. Должен признаться, что больше всего ей удаются забияки. Ба! Прекрасная Амарилис!

— Амарилис?

— Это прозвище, а имя ее — Мария де Кордова. Вдохновенная декламаторша, разносторонне одаренная актриса... Глядите-ка! Пожаловал и Мануэль Вальехо.

— Я его хорошо знаю. Да и Педро де Моралеса тоже. Лучший комедийный артист из всех мне известных, друг почившего дона Сервантеса.

Своеобразному параду сценичных звезд не было конца. Их имена, громкие, как слава, передавались из уст в уста. В зал входили все новые и новые лица.

Театр был переполнен. Музыки почти не было слышно из-за звенящего шороха, исходившего от вечерних дамских туалетов, из-за шелканья массы верев и гула голосов.

— Уважаемые господа!

Зал мгновенно смолк, и только льющийся шорох шелков продолжал шелестеть.

— Уважаемые господа! — на сцене стоял Роке де Фигероа, артист, снискавший себе славу не только в Испании, но и далеко за пределами отчизны, объехавший со своею труппой Италию, Фландрию, Германию. — Сейчас мы начинаем первое свое представление в театре сказочного дворца Прекрасного Уединения. Много превосходных маэстро потрудились над созданием этого шедевра. Инженеры, декораторы, художники и скульпторы вложили в него частицу самих себя. Потому он сверкает блеском совершенства. Теперь мы, артисты, призваны принести свою дань на алтарь искусства. Мы начинаем.

Он скрылся за занавесом, и в тот же момент чья-то рука там, за блестящим бархатом, нежно коснулась струн виуэлы*. Пели струны, бросая в зал при-

*. Гитары с выпуклой нижней декой.

глушенную тканью песню, жаловалась, звеня, гитара. Художник закрыл глаза. Звуки, сладкие, нежные и чистые, то замирали, то звенели и вздрагивали.

Звуки внезапно смолкли. Приподняв веки, прямо перед собой на фоне поднимающегося занавеса он увидел строгий профиль женщины. Она сидела всего в нескольких шагах от него, видение, возникшее из музыки. Словно почувствовав устремленный на нее взгляд, сеньора повернула голову. На маэстро глянули печальные глаза. Тонкие брови удивленно дрогнули, она перевела взгляд на сцену. Маэстро продолжал любоваться тонким овалом лица, выпуклым чистым лбом, нежными губами, удивительно огромными ресницами.

На сцене бушевали страсти. Персонажи пьесы — юноша Иисус, апостолы, воины, фарисеи, рыжеволосый косой Иуда сменяли друг друга. Веласкес же смотрел только на прекрасную незнакомку. Она была одета с изысканной сдержанностью. На зеленовато-коричневое платье ниспадала с головы черная мантилья, глубокий вырез открывал шею с ниткой блестящих кроваво-черных гранатов. Белизна кожи и блеск драгоценных камней, казалось, соревновались — что ослепительнее. Одной рукой в белой перчатке она придерживала край мантильи, золотые четки скатились почти до локтя, а их изящный бриллиантовый крестик запутался в лепестках голубого банта-цветка, приколотого на юбке; в другой руке подрагивал, поблескивая лаком, тонколистый веер.

Таких женщин во дворце можно было встретить не часто. Красивых и красавиц — множество. Но красота не могла скрыть их внутренней пустоты, надуманного жеманства и кокетства. Здесь же за строгим обликом угадывалась душевная энергия, гордый и пылкий характер.

Спустя некоторое время дама с веером, как мысленно назвал ее маэстро, опять обернулась. Сколько одухотворенности, тонкой интеллектуальности излучали ее глаза! Обаяние ее было так велико, что Веласкес почти рискнул раскланяться. В этот миг дон Хуан де Веллела легонько коснулся рукава его кам-

зола. Осторожный жест друга вернул маэстро к действительности. Позволить себе забыться в такой обстановке придворному художнику! Но бездонная чернота глаз-колодцев опять магнитом притягивала его взгляд к себе. В Веласкесе заговорил художник, увидевший редкую, необыкновенную модель.

— Я предлагаю вам, маэстро, — незаметно наклонившись в сторону друга, тихо проговорил дон Веллела, — в перерыве между актами посетить галерею.

В глазах Веласкеса было удивление.

— Мне хотелось бы, — продолжал дон Хуан, умышленно ничего не замечая, — мне хотелось бы взглянуть на Сурбарана. Говорят, его серия «Подвигов Геркулеса», написанная специально для Буэн Ретиро, заслуживает пристального внимания.

— Но что можно там рассмотреть сейчас, при свете свечей?

Веллела не расслышал или не захотел объяснять. Дону Диего осталось лишь терпеливо ожидать конца действия. Вновь тихий крадущийся гитарный шепот наполнил зал. Занавес упал. Теперь можно было покинуть зал театра.

Граф Оливарес не пожалел средств на убранство дворца. Во внутренних комнатах сверкали позолотой канделябры, вглядывались друг в друга, бесконечно повторяясь, зеркала. На стенах висели полотна, целые собрания картин, которыми мог бы гордиться любой музей мира. Веласкеса вдруг потянуло в Зал Королей, где жило его детище — «Сдача Бреды». И он, никем не замеченный, направился туда. В который раз стоял он вот так перед полотном, глядя на него то как художник, то как зритель. Ничего не изменилось на картине. Комендант Нассау все еще протягивал утонченному Спиноле большой темный ключ, который сейчас, при вечернем освещении, резко выделялся на светлом фоне. Все присутствовавшие при передаче по-прежнему были увлечены событием, и только двое, как и прежде, молодой голландец с открытым привлекательным лицом, одетый в серый костюм, да гранд в белополой громадной шляпе,

смотрели на маэстро с вечным вопросом во взгляде — что же будет дальше?

Внезапно Веласкес почувствовал, что за его плечами кто-то стоит. Он резко повернулся. Незнакомка была от него всего шагах в пяти. Она сделала шаг вперед. Мантилья от резкого движения упала ей на плечи, открыв кольца темных, как полночь, кудрей.

— Простите, сеньора... — начал неожиданно для самого себя маэстро, но голос его прервался. Замкнутому по натуре Веласкесу трудно было найти слова, необходимые для общения с дамой света, которой он к тому же не был представлен.

Незнакомка улыбнулась ему полной доверия улыбкой и, протягивая руку, произнесла просто:

— Мария Осуна.

Маэстро вздрогнул, но не от прикосновения к холодным пальцам доньи Марии. Имя Осуна могло повергнуть в трепет каждого человека в Испании. Так вот кто перед ним! Сама герцогиня Осуна, блеск и пышность рода которой могли затмить сияние королевской короны, а колоссальные богатства их дома, владевшего даже собственной эскадрой в Средиземном море, вызывали зависть не одной венценосной особы Европы. Осуна! Веласкес хотел начать свою речь опять с извинений, но почувствовал, что они-то сейчас ненужнее всего. Они продолжали стоять друг против друга — прекрасная герцогиня, шагнувшая к нему навстречу с вершины своего царственного пьедестала, и великий художник, захваченный врасплох внезапно нахлынувшим желанием написать эту необыкновенную женщину.

Дон Веллела прошел уже несколько комнат в поисках маэстро, но его нигде не было. Навстречу ему попался Диего де Аседо, любимый карлик короля. Он шел, быстро размахивая руками, а на его лице было такое выражение, что дон Хуан не мог его не окликнуть.

— Эль Примо! Ты, друг, летишь так быстро, словно тебя подстегивает весть о пожаре Альказара.

Карлик остановился.

— Дорогой дон Веллела, я действительно несу необычайную весть: королева родила дочь!

Дон Хуан любил и ценил Аседо, прозванного при дворе по воле короля Эль Примо — двоюродным братом. Этот умный, одаренный человек обладал талантом настоящего исследователя. Положение придворного шута зачастую обязывало Аседо исполнять комическую роль умницы малыша, знавшего королевскую родословную лучше всех в государстве. Он вытаскивал на свет комические анекдоты из жизни почивших государей и потчевал ими его высочество, склонного ко всему необычному. Кроме этого, маленький мыслитель вел при дворе Книгу жизни, своеобразную хронику всех событий. Веллела и Веласкес любили проводить время в его обществе.

«Но куда пропал мой маэстро?» — думал Веллела, минуя анфиладу причудливых комнат.

Наконец в Зале Королей он увидел дона Диего. Веласкес говорил о чем-то с герцогиней Осуна. Одна рука — на эфесе шпаги, другая дергала шелковый шнур ворота камзола. Вся отлично сложенная фигура маэстро выражала нерешительность. Дон Веллела, стараясь остаться незамеченным, тихо вышел из зала. Пусть у маэстро тоже будет сегодня праздник, ведь у него их бывает так мало.

ДОРОГИ И ТРОПИНКИ

В жизни у каждого из людей есть множество дорог. В начале своего пути человек зачастую ходит дорогами, указываемыми ему родными и наставниками, нередко шагает он теми, кои предписаны ему социальным положением. Но кто из людей, твердо став на ноги, не захочет проложить по жизни свою собственную дорогу? Пусть она начинается вначале робкой тропинкой, но идет по ней человек полный надежд и желаний и для него она краше всех столбовых трактов. Так думал маэстро, меряя шагами в один из вечеров свою мастерскую. За день он порядком устал. Король устроил прием для иностранных послов в честь рождения дочери, которую окрестили Марией Терезией. Празднества в Альказаре шествовали один за другим, хотя на самом деле не так уж и много было причин для веселья. Злые языки поговаривали, что скоро настанет время, когда при дворе не найдется средств, чтобы накормить обедом придворных дам. Как бы там ни было, но у Веласкеса, который получил новую должность помощника при гардеробе, совсем не оставалось времени для работы.

Мысленно — в который раз! — он возвращался к событиям открытия дворца Прекрасного Уединения. Сном казалась ему беседа со сказочной Марией Осуна. Веласкес мыс-

ленно снова и снова ходил с нею парком дворца Уединения, в котором было что-то от храмов древней Эллады.

Вот так схлестываются, скрещиваются у людей дороги. Но это не просто новое знакомство, не простая беседа из тысячи вечерних бесед. Он напишет ее портрет в память о вечере грез. Он даст миру шедевр, о котором искусствовед два столетия спустя скажет, что испанка (история скроет ее имя) сочетает в себе «страстность и холодность, светскость и набожность, искренность и скрытность».

Герцогиня Осуна и в самом деле была редкой женщиной. Обладая гордым и независимым характером, она сумела подняться над условностями своей среды. Пренебрегая извечным «что скажут другие?», герцогиня шла жизненными дорогами смело, без оглядок. Веласкес, о котором она не раз слышала как о гениальном художнике, нравился ей.

Тот единственный вечер в сумерках парка Прекрасного Уединения в царстве зелени, воды и ночного света стал и для герцогини мгновением, ради которого стоило жить.

Но о нем осталось лишь воспоминание да вот эта книга «Несколько произведений, посвященных Королевскому дворцу Прекрасного Уединения». Герцогиня не могла припомнить, как попал к ней небольшой томик в синем переплете с поблескивающей позолотой закладкой. Уже в карете по дороге домой она вдруг заметила, что держит его в руке. Маленький сборник стихов португальца Мануэля де Гальегоса стал с тех пор ее постоянным спутником. Там, в одном из произведений, посвященных Зале Королей, поэт воспевал дону Диго. У Великого Искусства есть Великие таланты, писал дон Гальегос. Щедро наделял поэт гений Веласкеса эпитетами, называя маэстро «редким талантом», «прекрасным живописцем», «божественным мастером».

Она наизусть знала эти стихи:

...Палитре гения покорна Парка —
Судьбы суровая богиня.
И кисть его — искусства скипетр,

Достойный героической поэмы.
Как властелин чудесный, он повелевает
Сверкающею на полотнах жизнью.
Его божественная живопись всеильна,
Как песнь без звука, как немая
История, владеющая чувством,
Над памятью господствующая.
Прилежный, он постигнул все оттенки,
Которые хранит извечно Мудрость.
Уменьем высочайшим выражает
Он всю экспрессию души.
И нет предмета, недоступного ему,
И да простят невидимые силы,
Что можно видеть на его картинах
Раздельно составные части мира.
О, совершенная рука!
О живописи высшая вершина!
О, чудо редкое! И если краски те,
Что составляют жизнь его полотен,
Способны вдохновить мои уста, —
Не устай превозносить и славить
Великолепный блеск его картин.

Когда еще доведется увидаться с необыкновенным доном Диего? Она опускалась на колени перед мадонной и подолгу шептала молитвы:

Дон Диего не мог оставаться один на один со своими мыслями. Они гнали его к друзьям. Хуан Веллела лишь головой качал, слушая пылкие речи и нереальные планы маэстро, которые все сводились к одному — увидеть еще раз герцогиню Осуна. Он искал ее всюду. В каждой встречной закутанной в мантилью женской фигуре, в синих ночах Мадрида. Он находил для нее сравнения, на которые способен лишь художник.

Веллела соглашался с маэстро. Герцогиня Мария — дивный, редкой красоты цветок. Она необыкновенна — *salero*. То было слово, которое с испанского почти непереводаемо. В нем все — восторг перед грацией и нежностью, высшая похвала, которой может удостоить женщину мужчина.

Но об одном забывал его друг: разве возможно поставить трехъярусное имя герцогини с массой титулов рядом с кратким, как удар колокола ночью, именем Веласкес? Пусть он великий маэстро; чьею

славой гордится Испания, — не простят. Высоко была герцогиня, молва и люди никогда не простят Диего посягательств на священные устои! Лицемерие, так уютно свившее свое гнездо во дворце, сумеет очернить святое чувство, низведет его до ранга простой любовной интрижки. Поползут слухи, гляди узнает король. Ой, не простят тебе, маэстро, интереса к герцогине Осуна!

В доме почтенного Педро де Ита по улице Консепсьон Херонимо, где жил с семьей маэстро, шли приготовления к встрече лета. Природа украшала землю, а люди — жилища. На Гальярдо и Хуана Пареху донья Хуана де Миранда возложила ответственность за уборку кабинета и мастерской маэстро. Слуги выносили во двор, устроенный на севильский лад, ковры и тяжелые гардины. Хуан и Гальярдо занялись библиотекой*. Каких только там не было книг! Книжные полки так и прогибались под их тяжестью. Гальярдо, став на лесенку, подавал Хуану книги с верхних полок. Постепенно на пол перекочевали сонеты Петрарки и «Неистовый Роланд» феррарца Людвико Ариосто на итальянском языке, рядом уместились Гораций и «Метаморфозы» Овидия, поэтическая антология, «Политика» и «Этика» Аристотеля, ряд книг по истории, описание путешествий со связкой красочных карт. Серию книг по математике, геометрии и перспективе дополняли четыре тома руководства по анатомии, которые тоже представляли профессиональные интересы маэстро! Со следующего стеллажа сняли «Книгу о пропорциях» Альбрехта Дюрера, работы по археологии и иконописи, несколько книг по архитектуре, астрономии.

Гальярдо, которому пришлось забраться под самый потолок для того, чтобы дотянуться до верхней полки, с «высоты своего положения» засыпал Хуана Пареху вопросами. Пареха еле успевал отвечать, что

* Как утверждают в своих работах директор музея Прадо Ф. Х. Санчес Кантон, а также искусствовед Бернардино Панторба, библиотека Веласкеса насчитывала 156 томов. Они ссылаются на опись душеприказчика художника, составленную 29 августа 1660 года.

«Сокровище бедняка» — это книга по медицине и она нужна каждому человеку, а вот стоящих в дальнем углу «Физиогномику» Джованни Батиста делла Порта и «Начала астрологии и искусство предсказания» Жана Танье он никогда доселе не видел и для чего они — не знает. Беспокойный Гальярдо, разглядывая золоченые переплеты, все стремился угадать за ними «божественную» книгу. Наконец среди томов по топографии и механике ему удалось разыскать небольшую книжицу в сафьяновом переплете. По внешним признакам на ее страницах должна была бы идти речь о небесах! О, он, Гальярдо, это сразу чувствует! Его речь прервал смех Хуана. В книжке были мифы — дивные сказки древней Эллады!

Одна из книг, лежавшая на краю стола, от неосторожного движения Хуана соскользнула на пол.

Пареха бережно ее поднял, на странице, где томик раскрылся, две строки в стихах были подчеркнуты. Очевидно, книгой пользовались совсем недавно.

Пареха поднес ее к глазам:

...Exoritur, neque fit eactum,
neque amabile guidquam...*

— Что бы это могло означать? — произнес он вслух.

...Веласкес и Фуэнсалида брели извилистой улочкой на окраине Мадрида. С приходом весны друзья совершали такие прогулки довольно часто. С некоторых пор у Диего появилась идея написать несколько портретов людей из народа. Дон Гаспар де Фуэнсалида поддержал ее. И в поисках подходящей модели бродили они из квартала в квартал, заходили в полутемные погребки, где шныряли подозрительные личности, у которых нередко под складками рваных одежд угадывалась рукоятка навахи, а сквозь

* «Радости нет без тебя никакой и прелести в жизни», — стихи из Лукреция.

дыры плаща-мундира просвечивала. вороненая сталь ножа.

В одной из харчевен, куда они зашли выпить по стакану прохладительного напитка, дорогу им преградила женщина, до бровей закутанная в паньолон — шелковую с длинною бахромою шаль, вышитую яркими цветами.

— Господин мой, — она протянула руку и коснулась шнурков на камзоле Веласкеса, — не спеши отказать бедной гитане. Мы с тобой дети одного края, вскормленные соками одной земли. Дай руку, не бойся, и Милагра тебе судьбу расскажет, советом поможет. Не думай, коль бедна цыганка, так и ждать от нее нечего. На ладони, среди сплетения линий, найду я и тебе раскрою тайны будущего.

— Так откуда я, скажи для начала, Милагра.

— Ты андалузец из города, что белой чайкою пьет воду из широкой реки Гвадалквивир. Ты оттуда, где первой встречает солнце розовая башня, пришедшая к нам из веков. Ведь правду говорю?

— Правду. Слышишь, Гаспар, что говорит это чудо? *

Фуэнсалида засмеялся.

— Попытай счастья, Диего. Может, она тебе скажет то, что ты хочешь услышать.

Веласкес протянул Милагре ладонь. Она наклонилась над нею, что-то зашептала, словно в полусне.

— Линия жизни прямая у тебя, благородный сеньор. Бури и громы не страшны тебе, слушай старую Милагру. Только никак не пойму, не сеятель ты, не пахарь, а крепкая у тебя рука. Нет, не шпага сделала ее такой. Кто же ты? Вот линия славы, она бежит рядом с жизнью. Она переживет тебя, слава. Ты не беден, но как мало значит для тебя это! Скажи, не таись от цыганки, чего же ты хочешь от жизни? Все, что тебя окружает достойно названия счастья, твоя же мятежная душа не этого хочет, — она смотрела теперь ему прямо в глаза. Сверлящие

* Милагра в переводе означает «чудо».

точки ее зрачков, казалось, старались проникнуть в тайну жизни стоящего перед нею человека.

— Гадай дальше, Милагра, — обратился к цыганке Фуэнсалида. — Зачем задавать вопросы?

— Нет, господин, нет, хороший! Много в жизни своей видала я, уроженка Трианы, но таких линий не довелось, — она резко повернула голову к Веласкесу. Шаль упала ей на плечи, открыв лицо и голову. Высокие гребни скалывали на затылке пышные волосы цыганки. От этого она казалась молодой.

— Я художник, землячка, — улыбнулся ей дон Диего.

— Вот теперь я знаю, что означает это! — она водила пальцем по ладони, словно читая там одной ей видимый текст. Друзья смотрели на нее с интересом.

— Не будет в жизни тебе никогда покоя. Ты — парус, вечно надутый ветром свободы. Ждут тебя почести, слава, друзья и награды. Много еще страниц книги жизни заполнят твои годы. Все у тебя будет, кроме одного — спокойствия. Вот линия любви. Ты любишь, я слышу, как дрожит твоя рука. Но и это, что кажется тебе сейчас смыслом всей жизни, уйдет с твоей дороги. Будешь знать ты еще не раз слезы горечи от утрат, от боли, которую может дать лишь женщина...

Она поправила шаль, глаза ее, до этого горевшие каким-то пророческим огнем, вдруг потухли и стали похожи на угли, подернутые пеплом.

Фуэнсалида протянул цыганке небольшой красный кисет. В нем звенели монеты.

— Не благодари меня, господин хороший, — предупредила она дона Диего, — за это не благодарят.

Целый день ходил маэстро под впечатлением слов Милагры. «...Ты как парус, надутый вечно ветром...» «А где же мой берег и пристань? — думал он. — Где предел мечтам и желаниям?» Кто мог ответить на такой вопрос?

В тишине мастерской Альказара искал он утешения. Два полотна спешил окончить маэстро. По утрам Хуан Пареха приводил к нему в мастерскую

двух старцев. Они степенно усаживались в богатые кресла и ожидали там своей очереди. Про себя дон Диего окрестил их философами, столько удивительного спокойствия было в их позах и поведении.

Как не вязался облик его «философов» с дворцовой обстановкой! Но мадридские бродяги принимали внимание художника двора его величества к своим особам с явным чувством собственного достоинства. Их не смущали богатые апартаменты. Именно это больше всего нравилось маэстро в них, такие черты он и старался перенести на полотно.

К концу дня в мастерскую заглянул Диего де Аседо. Он пришел поговорить с художником. Сняв темную широкополую шляпу и расстегнув ворот камзола, карлик удобно устроился в громадном кресле, отчего его крошечная фигура казалась еще меньше. Филипп IV недавно оказал ему большую честь, доверив хранение королевской печати и свою переписку. Но маленького секретаря его величества новое положение мало волновало. В этом было что-то игрушечное, ненастоящее, нарочитое. На губах придворных он не раз ловил ухмылки по своему адресу. Он бежал от жизненной суеты к любимым книгам. Веласкес подчас удивлялся, как в одной голове может уместиться такое количество самых разнообразных сведений.

Маэстро окончил работу, вытер руки и опустился в кресло рядом с карликом. Тот повернул к нему свое некрасивое лицо, единственным украшением которого были огромные, лишенные блеска глаза. И начал неторопливо говорить. Обладавший гибким умом, Эль Примо нередко комментировал маэстро его же полотна.

И сегодня он мысленно на мгновение заставил Веласкеса перенестись ну хотя бы на сто лет вперед и представить, что галерею, где заняли свое достойное место эти полотна, посетили высокие гости. Некий скромный слуга их высочеств должен показать иностранцам гордость и славу своего отечества.

Два полотна, два парных портрета работы Веласкеса, привлекли внимание сразу. Странные фигуры

двух стариков чем-то притягивали. Их одежда и позы составляли резкий контраст со всем, что стало привычным в картине — с изысканностью и нарядностью платьев кавалеров и дам. Но это можно было простить бедным философам.

Имя одного из них, со сгорбленной спиной, стоящего к нам вполоборота, — Менипп. Так звали древнегреческого философа-сатирика. Наш маэстро по своему подошел к изображению старцев. На полотнах нет, как в традиционных картинах с изображением Архимеда или Диогена, ни глобуса, ни толстых томов. Герои изображены в лучах яркого солнца, под открытым небом. Вглядитесь, как искрятся, переливаясь, краски. Лицо Мениппа весело — на нем насмешливая улыбка человека, заглянувшего в будущее. Ему не нужны больше книги, из которых доселе черпал он премудрость. Кажется, мгновение — и нищий философ закутается поплотнее в свой дырявый плащ, перешагнет через лежащие у его ног свитки и пойдет залитою солнцем дорогой, язвительно улыбаясь. Его напарник — Эзоп, носит имя античного баснописца. Много видел и перенес на своем веку этот человек. Посмотрите на его большую, нескладную, неряшливо одетую фигуру.

Меланхолический, с потухшим взглядом, Эзоп производит впечатление человека, постигшего тайны бытия, знающего настоящую мудрость и цену жизни. Обратите внимание, как все тут написано! Кажется, что мастер внезапно, быстрыми взмахами кисти написал эту грубую шапку волос, смоделировал крепкие кости шеи, лба и груди, мазком очертил пятно твердого молчаливого рта. Но на самом деле за всем этим — титанический труд и дни глубоких раздумий.

Аседо повернул голову к маэстро. Тот сидел не шевелясь. Он глянул на Пареху, что стоял за его спиной, облокотившись на спинку кресла. Глаза мулатя блестели.

— Возьми кисть, Хуан, — обратился к нему маэстро, — и напиши на полотнах «Эзоп» и «Менипп». Будем считать, что крещение картин состоялось.

Королевский секретарь поведал в тот вечер худож-

нику много дворцовых новостей. Одна была особенно тревожной. На заседании Королевского совета сегодня большую речь держал премьер-министр Оливарес. «Война, — говорил он, — требует от испанцев жертв. Перед лицом врага нечего разводить церемонии. Казне нужны деньги. Мне кажется, что пора заставить каталонцев принять на себя часть бремени всего Испанского государства».

Аседо говорил, что такая политика по отношению к Каталонии до добра не доведет. Герцог решил провести в жизнь давно задуманное. Еще в 1621 году он писал в докладной записке, что «автономия Каталонии и других пиренейских государств должна быть уничтожена и что по всей стране следует ввести единые с Кастилией законы». До сих пор Оливарес не возвращался к этому вопросу. Но теперь в один заход решил расправиться со всеми исконными каталонскими привилегиями. Если к этому еще прибавить военные постой... Приказ гласит: принимать солдат на постой, даже если хозяева остаются без постели. Одного теперь можно ожидать от Каталонии — восстания. Герцог забывал, что Испания объединена лишь формально, на деле это скопище независимых и дурно управляемых провинций.

Ожидая неминуемых брожений в стране и трезво оценивая сложившуюся обстановку, даже самые светлые головы Испании тех времен не могли увидеть главного — как в недрах феодального общества той эпохи рождался в муках новый буржуазный порядок, как одновременно рушились, поддаваясь ломке, жизненные традиции у всех народов Западной Европы. Относительная самостоятельность испанских провинций-республик, с номинальным сувереном во главе *, способствовала в условиях общего кризиса правящих классов росту сил сопротивления, централизации государства.

Маленькие самостоятельные государства остались разобщенными экономически. В этом была одна из особенностей социально-экономического строя Испа-

* См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 721, 722.

нии, отсюда вытекала специфическая роль, которую сыграл испанский абсолютизм в предистории европейского капитализма. В процессе первоначального накопления Испания не смогла использовать протекающие через нее богатства в целях промышленного развития. Но так далеко заглядывать в Испанию времен Веласкеса не мог никто.

Беседа продолжалась до полуночи. Потом Аседо, спохватившись, пошел провожать дона Диего и Хуана. В некоторых залах погружавшегося в сон Альказара свечи уже потушили, и дневные шорохи устраивались в углах на ночлег, поскрипывая креслами и вздыхая. Кое-где перед иконами с изображением божьей матери сонно мигали голубые язычки лампад. Дворец в ночной час преображался до неузнаваемости. У выхода карлик подозвал привратника, и тот, подчиняясь его повелительному жесту, последовал за ними на некотором расстоянии.

Улица Консепсьон Херонимо была расположена недалеко от королевского дворца. В доме светились окна. Маэстро ждали. Аседо приподнял шляпу и раскланялся. Вскоре две фигуры — сказочного гнома и плечистого великана — растворились в сумраке мадридской ночи. На крыльце Веласкеса и Хуана ожидал, переминаясь с ноги на ногу, верный Гальярдо.

В один из дней двери в мастерскую Веласкеса широко распахнулись, и в сопровождении маленького Аседо вошел король. Маэстро бросил писать и в поклоне склонился перед его величеством. Король направился в дальний полутемный угол.

— Как, адмирал, ты еще здесь? Я же с тобой простился и считал, что ты в отъезде.

Ответа не последовало. В углу, кроме портрета, никого не было. Удивленный Филипп повернулся к маэстро.

— Уверяю тебя, я на самом деле принял портрет за живого адмирала.

Портрет отважного дона Адриана Пулидо действительно был необыкновенно похож на оригинал. Писал его маэстро с особым удовольствием. Очень

правился ему дон Адриан, о храбрости которого сла-
гали легенды. За героизм в войне против французов
король повысил его в чине от капитана до адмирала,
наградив пламенеющим крестом ордена Сант-Яго.

Тем временем король подошел к полотнам с изо-
бражением философов.

— Эль Примо мне вот который день твердит
о них, дон Диего. Думаю, что они станут достойным
украшением охотничьего домика Торре де ла Параде.
Там есть несколько Рубенсов, теперь им не будет
скучно, — улыбнулся король своей шутке.

Он обошел всю мастерскую, взглянул даже на эс-
кизы, попутно давая советы. Маэстро слушал. Разве
мог он так же, как некогда его первый учитель Эр-
рера, оборвать короля на полуслове репликой: «Свет
многое потерял оттого, что ваше высочество не при-
сутствовал при сотворении мира. Бог мог бы полу-
чить ряд ценных советов». Веласкес, придворный
живописец, такого не смел. Предки не оставили ему
поместий и награбленного за океаном золота.

Словно сквозь сон доходили до него слова коро-
ля. Дон Диего заставил себя вслушаться.

— ...Было бы неплохо, — продолжал Филипп, —
наш Эль Примо заслужил это. К тому же вы
друзья.

Маэстро поклонился. Из всего он только и понял,
что король хотел бы иметь портрет своего любимого
карлика.

Почти у каждого из членов королевской семьи
был свой карлик или маленький уродец. Со всей
страны, а нередко даже из-за границы, привозили
в столичный дворец несчастных, которые становились
живыми игрушками. При дворе существовал дикий
обычай веселиться в обществе шутов. Их наряжали
в пышные одежды, в шутку жаловали громкими ти-
тулами, устраивали комичные свадьбы карликов и
карлиц, при этом совсем забывая, что под телесным
уродством нередко скрывался светлый ум, а в ма-
ленькой груди билось сердце, способное на сильные
чувства.

Впервые попав во дворец, Веласкес был поражен

тем, что среди работ Алонсо Санчеса Коэльо, писавшего потомков грозного Филиппа II, множество полотен, объединенных общим названием «труанес» — шуты. Короли заказывали придворным художникам портреты живых игрушек, а потом приказывали размещать их рядом со своими на стенах дворцов. Нелепые прихоти государей исполнялись. Со стен Альказара смотрела на мир доброю сотнею глаз армия калек, идиотов, карликов и шутов. Жалкие крошечные фигурки, уродливые лица выгодно оттеняли горделивые фигуры королей. Сопоставление таких полярных противоположностей невольно наводило на мысль о совершенстве венценосных особ. Но зоркие наблюдательные глаза художника угадывали в этом великое противоречивое единство, заключенное в понятии «человек». Он, глядя на портреты, сопоставляя их, видел не короля и карлика-слугу, а людей. От таких сравнений короли выигрывали мало.

Маэстро встречал труанес при дворе каждый день. Нередко они сами заходили в его мастерскую и подолгу наблюдали за работой. В такие моменты дон Диего имел возможность исподволь наблюдать за ними. Видел он многое: глубокие человеческие переживания, душевные муки, спрятанные под маской извечного шутовства. Обиженный природой и социальной несправедливостью, подвергаясь каждодневному глумлению, каждый из этих человечков вырабатывал свой собственный стиль, свое отношение к окружающим. На вооружение для защиты бралось все: жалкие гримасы и слезы, едкий ответный смех и мелкие пакости в пределах «дворцового этикета». Карликам приходилось быть изобретательными.

Шуты и карлики зачастую при дворе исполняли не только роль веселителей их королевского величества. Это были люди, которые благодаря своему шутовскому положению могли говорить все, что вздумается. Безнаказанно они передавали сплетни, шпионили, от их поведения иногда многое зависело.

Вот почему, случалось, испанская аристократия и вельможи наперебой лестили им, рассчитывая в будущем на милость их государей.

В мастерской художника уродцы быстро осваивались и чувствовали себя спокойно. Они то вступали с Парехой в длинные рассуждения о том, может ли расти дерево вверх корнями, то заводили серьезные разговоры о преимуществах испанского и английского флотов, приводя такие веские доводы, которым могли позавидовать специалисты. Глядя на них в такие минуты, Веласкес думал о том, сколько человеческого в их деяниях и поступках и как не вяжется шутовской наряд с логичностью их мышления. Не чувствуя себя предметом насмешек, карлики преображались. Их физические недостатки словно исчезали, становились незаметными. Так, пожалуй, выглядят артисты после спектакля, когда грим еще покрывает их лица, одежды напоминают о недавних событиях, а речь уже перестала быть заученными монологами сценичных героев.

Дон Диего решил написать галерею портретов этих несчастных. Предложение короля пришлось как нельзя кстати. Никто не будет мешать. А он напишет их не рабами, а людьми. Нет, не смех будут вызывать портреты, зрители не найдут в них карикатурно-смешного.

Первым из этой серии появился на свет портрет Хуана Австрийского.

Обычно во дворце шут Хуан расхаживал в богатом костюме придворного. За внешнее сходство со своим дядей, победителем при Лепанто, король прозвал его Хуаном Австрийским. Веласкес видел портрет настоящего дона Хуана работы Коэльо. Он стоял во весь рост, изображенный на фоне морской битвы. У его ног лежали воинские доспехи. Маэстро пришла в голову мысль изобразить шута точно в такой же позе и обстановке. Но какая разница была между ними!

Нетвердо стоял «дон Хуан» среди воинских атрибутов, опираясь вместо жезла на палку, и не вязался богатый костюм и украшенная перьями шляпа с сутулой кривоногой фигурой шута. Потускневшие глаза смотрели неуверенно, под усами угадывалась полуулыбка. Хилое существо пыталось иронизировать над

своею ролью шута или, может, над теми, кто пытался смеяться над ним. Кто знает?!

Следующим из маленьких обитателей королевских покоев Веласкес должен был писать Эль Примо. Загрунтованное полотно ждало уже первого сеанса, когда в мастерскую влетел запыхавшийся Николазито.

— Маэстро! В Каталонии восстание!

Да, в Каталонии началась гражданская война, как это и предвидел Диего де Аседо. Крестьяне не выдержали бесчинств наемных войск, стоявших у них на постоях. Горцы Ампурдана первыми дали бой. По всей провинции распространились листки с призывом к восстанию. А 22 мая 1641 года перед главными воротами Барселоны появилась трехтысячная толпа крестьян. Через пять дней город был взят. Это случилось в день *dia de corpus* — праздника тела господнего. Вице-король граф Санта Колома был убит. Организаторы восстания собирали силы, чтобы дать решительный бой королевским войскам и провозгласить Каталонию отделенной и независимой. А за их плечами все яснее вырисовывалась фигура в красной кардинальской мантии, то всеильный Ришелье плел политические интриги против своей южной соседки.

Сначала при дворе о восстании говорили в пренебрежительном тоне — сегадорское*. Но когда оно охватило всю провинцию и возникла угроза, что за Барселоной последует Сарагосса, король не на шутку встревожился: Испании грозила опасность потерять такие огромные и плодородные земли! Спешно снаряжались войска. Его величество сам решил командовать карательной экспедицией. Двор напоминал осажденную крепость. Везде слышался лязг оружия, придворные словно позабыли про свои обязанности и с утра до ночи обсуждали планы военных операций. В Мадрид со всей Испании стекались идалго, готовые шпагой служить своему королю.

Герцог Оливарес передал маэстро волю короля: он тоже должен собираться. Как всегда, вместе со

* От слова «сегадор» (*исп.*) — жнец.

своим хозяином и учителем. готовился в путь и Хуан Пареха. Странно было видеть среди дорожных вещей и шпаг аккуратно свернутые холсты, набор кистей, краски, походный мольберт.

Все были давно в сборе, а король не спешил. Им вновь вдруг обуяла жажда политической деятельности. Он словно почувствовал свой долг перед страной и, проснувшись после сна, спешно взялся за изучение давно заброшенных дел. Епископ Гальсеран Альбанель, очень влиятельная личность, наставник Филиппа IV со времен, когда тот был еще принцем, опять всплыл на политическом небосводе королевства. Он, выходец из Барселоны, стал непосредственным советником короля.

В письмах к его высочеству была тревога и монахиня Мария де Агреда. Высшие чиновники и люди, заинтересованные в оздоровлении общественной жизни, настойчиво повторяли королю о грозящей государству опасности.

Торжественная кавалькада выступила из Мадрида лишь в апреле 1642 года. В королевской свите находился Эль Примо, и это очень радовало художника. Они продвигались по земле, по которой незадолго перед тем прошло карающее войско. Земля, истерзанная, лежащая в пепелищах, казалось, навсегда потеряла способность плодоносить. В воздухе пахло гарью. На площадях догорали костры, в которых еще чернели кости непокорившихся и отдавших предпочтение смерти каталонцев. Жестокая жизненная правда внезапно вторглась в спокойный быт маэстро, заставляла не спать по ночам, требовала ответов на вопросы, от которых волосы поднимались на голове дыбом. В такой обстановке совсем невозможно было писать. А тут еще кардинал Борха!

Гаспар Борха был удивительно пронырливым и жестоким человеком. В истории его имя связано с рядом весьма интересных дел. Король не раз посылал его улаживать дипломатические дела, когда ему приходилось «воевать» с Римской курией. Ватикан наложил запрет на книгу Галилея — к Урбану VIII помчался посланный Борхи с «просьбою» Филиппа не

вмешиваться в испанские дела. Папа уступил, и «Диалоги» Галилео Галилея (1632) увидели свет. Последние четыре года Борха, возвратясь из Рима, неотступно находился при дворе. Кардинал принадлежал к дворцовой группировке, которая считала, что пламя мятежа можно погасить лишь потоками крови. Его преосвященство был страшен, проклиная каталонцев. Сначала дон Диего избегал общества столь влиятельного человека, но однажды неслыханно удивил Пареху, заявив, что завтра начнет писать кардинала.

В дни кочевья, как охарактеризовал Пареха их жизнь, был завершен портрет карлика Эль Примо. Маэстро написал его сидящим на огромном сером камне. За спиной простирался волнистый пейзаж, а над головой в безнадежно сером небе собирались тяжелые тучи. С трагической серьезностью смотрит карлик прямо перед собой, на его некрасивом лице печать мудрости и душевной чистоты. Возле него — огромная книга. В сравнении с нею фигурка Аседо кажется еще более крошечной. От полотна веяло таким одиночеством, что Пареха не мог смотреть на него равнодушно.

В Мадриде между тем происходили большие перемены. Худо приходилось всесильному Оливаресу. Король все больше был недоволен проводимой им политикой и постепенно удалял его от дел. Невзлюбила графа-герцога королева. Обстоятельства складывались так, что Оливарес вынужден был подать в отставку. Двадцать два года стоял он у руля Испанского государства, и почти все это время страна находилась в состоянии войны с другими державами.

17 января 1643 года впадший в немилость фаворит получил отставку. Вместе с графом покидали Мадрид и придворные, которым он покровительствовал. Веласкес находился в затруднительном положении. Все эти годы Оливарес выказывал ему свое расположение, помогал в тяжкие минуты, опекал. Трудно было поверить, что такой человек, как Оливарес, способен на привязанность, но так было.

В мастерской у маэстро стоял неоконченный портрет Оливареса. До неузнаваемости изменили годы могучего Атласа. Он потолстел, лицо обрюзгло и стало вялым. Хотя на губах его любезная улыбка, взгляд маленьких глаз тревожен и подозрителен, нет в нем прежней твердости и уверенности.

Кисть наносила на полотно поочередно то темные, то светлые пятна. На темном фоне все явственнее проступали лицо и белоснежный остроконечный воротник. Гамму темных тонов составляли краски парика, усов, жиденькой бороды и одежды. Через левое плечо графа лег складками зеленоватый шарф, на груди справа чуть поблескивали контуры ордена. Портрет был окончен. Надо было повидаться с Оливаресом и вручить ему подарок.

Граф опередил Веласкеса. Он прислал через верного Николазито письмо, в котором говорил, что уезжает в свое имение в окрестности Кадиса и просит маэстро при случае навестить его.

Теперь Веласкесу нужно было выяснить главное — теперешнее отношение к себе при дворе. Но в дворцовой сутолоке все, казалось, позабыли о придворном художнике.

В один из дней дон Веллела принес, наконец, весть, разрешавшую все сомнения: в бумагах дворцовой канцелярии он наткнулся на документ за подписью его величества. «С сего дня придворный художник дон Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес назначается нами на должность камердинера, без выполнения обязанностей, но с жалованьем. Филипп IV».

— Ты родился под счастливой звездой, друг, — смеялся дон Хуан.

— Я родился под звездами Севильи! — отвечал Веласкес просто.

Теперь можно было спокойно продолжать работу над начатой серией карликов и уродцев.

Маэстро внимательно наблюдал за привезенным в королевский дворец из Фландрии Себастьяном де Морра. Приставленный к Балтазару Карлосу в услужение, Морра вечно где-то пропадал. На него жаловались королю, но все оставалось в поведении уродца

без изменений. Придворные шептали, что Филиппу приятно смотреть на нелюдимого карлика и осознавать, что на свете есть человек еще более мрачный, чем он сам. Себастьян для своего времяпрепровождения выбирал самые неподходящие места: темные углы зал, крутые лестницы. Однажды Веласкес увидел его в момент, когда легкомысленные придворные дамы осмеляли коротышку. Злобно смотрели огромные черные глаза на мир, сделавший человека рабом. Огонь гнева блестел в зрачках, и казалось, что маленькое существо испепеляется от ненависти. В карлике проснулось человеческое достоинство.

Маэстро потратил немало сил, чтобы успокоить Морра и отвести в мастерскую. Там, усадив его в угол, в излюбленной им позе, он стал писать портрет, который благодаря неповторимости человеческой индивидуальности стал в один ряд с его лучшими полотнами.

Теперь, когда при дворе не осталось почти никого из севилянцев, художник стал все больше тосковать по своей родине. Фуэнсалида и Велледа даже начали побаиваться за его здоровье, таким он стал бледным и молчаливым.

Слава Веласкеса к тому времени достигла небывалого блеска. Маэстро передавали, что на одном из приемов король Филипп говорил: «Историки отметят, что я утратил несколько провинций, но они не могут не сказать, что в мое царствование испанское искусство достигло невиданной высоты. Веласкеса нельзя скрыть, а его довольно одного, чтобы ярко озарить любую эпоху!» Маэстро в ответ на такие сообщения лишь горько улыбался. Все королевские милости, будь на то его воля, променял бы он на солнце и голубые небеса своей дорогой Андалузии, белую чайку Севилью, на пьянящий запах ее лугов и цветов да аромат апельсиновой ветки.

В один из пасмурных мадридских дней, когда холодный туман серой плотной пеленою укутал весь город, в мастерскую Альказара неслышно вошел Хуан Пареха.

— Дон Диего, — обратился он к неподвижно си-

дящему в кресле маэстро, — молодой художник-севильянец хочет повидать вашу милость.

Веласкес обернулся. Кто подслушал его мысли и послал гонца из Севильи?

— Вводи его скорее!

На пороге появился юноша. Он был очень красив. Веласкеса, который был прекрасным физиономистом, сразу покорили его открытое, чуть смуглое лицо, ясный, прямой взгляд и простые, скромные манеры. Он пошел севильянцу навстречу, раскрыв объятия.

— Да благословит мадонна ваш приход, юноша, из страны моего детства. Не привезли ли вы в складках вашего платья запаха нашей Севильи и немного андалузского неба?

Севильянца звали Бартоломео Мурильо. Всего год назад в Севилье он впервые увидел портрет работы Веласкеса и тогда же решил во что бы то ни стало добраться до Мадрида. Денег на поездку у него не было, и юноша немало потрудился, чтобы накопить их.

Веласкес слушал улыбаясь. Теперь юноша мог считать, что все злоключения уже позади. Он был на пороге школы великого маэстро. Учитель-жизнь, пожалуй, обошлась с ним так же строго, как некогда с Веласкесом Эррера.

Маэстро успел заметить, что наряд его будущего ученика не отличается новизной. Бедный юноша шел к цели дорогой нужды. Что ж, решил про себя Веласкес, для художника это почти необходимо. Но человек не может всегда находиться между молотом и наковальней. Можно выбрать другой путь. Он понимающе кивал головой, когда Мурильо настойчиво отказывался поселиться под его кровом, и в заключение сказал, что он не такой уж бескорыстный. За все ученик будет ему обязан рассказами о Севилье.

Отпустив юношу устраиваться, Веласкес подошел к окну и взглянул на город. И тут ему пришли на ум слова из «Назидательных новелл» его любимого Сервантеса: «О столица! Столица! Ты делаешь своими баловнями наглых попрошаек и губишь людей скромных и достойных; ты на убой откармливаешь

бесстыдных шутов и моришь голодом людей умных и застенчивых». Прав был великий дон Мигель, пример тому — этот севильский юноша, не окажись здесь дона Диего.

Уже увидев первые работы Бартоломео, дон Диего понял, что перед ним человек редкого таланта. Дружбам своим он сказал:

— Если только мои глаза не разучились видеть, я имею дело с художником, гений которого неоспорим. В будущем его слава затмит всех известных доселе испанских маэстро.

Ни к одному из своих учеников не относился Веласкес так заботливо. Оказав Мурильо покровительство, он каждый день уделял ему несколько часов. Благодаря маэстро юноша получил свободный доступ в прекрасные галереи Альказара, замок Буэн Ретиро, к собраниям картин в монастырях. Вскоре учитель вынужден был отметить: юноше нечему больше учиться у итальянцев. А Бартоломео продолжал копировать — Рубенса, Рибера, Ван-Дейка, самого Веласкеса.

Оставаясь подолгу в мастерской, Мурильо внимательно присматривался к полотнам учителя. Глаз художника отмечал малейшие изменения в технике. Маэстро любил писать маслом на полотне тонкого тканья. В ранних его работах розовато-коричневый грунт, краски густым слоем покрывают всю поверхность картины. Вот работы более поздние, в них грунт бело-розовый, а краски более текучие. Нет уже резких светотеней, объемность предмета маэстро передает посредством искусного контрастирования красок. Последние работы очень своеобразны: краски покрывают полотно тонким слоем, местами сквозь них просвечивает грунт. Святая мадонна! Как уверенно он владеет рисунком, кистью, красками!

Бартоломео ставил рядом несколько полотен, любовался ими, сравнивал. Вот умный и на редкость жестокий человек, его преосвященство кардинал Борха; дальше маленький принц Балтазар Карлос в прелестном черном костюме. Как царственно красив этот мальчик! А кто же эта незнакомка?

Портрет стоял в дальнем углу, безнадежно заставленный холстами. Чтобы его отыскать, пришлось отодвинуть массу тяжелых рам. От кого прятал его маэстро — от других или от себя? В выражении глаз дамы было что-то такое, отчего у Мурильо запылали щеки. В душе он, двадцатипятилетний севильянец, был поэтом, а поэты и влюбленные находят красоту там, где равнодушные проходят, ничего не замечая. Но какими глазами смотрел на нее, живую, великий Веласкес, юноша не решался судить.

Портреты некоторых сановников приводили Мурильо в состояние буйного веселья. Неужели они, неповоротливые, толстые, напыщенные, не в состоянии понять, что маэстро в душе смеется над ними, над мишурой их обманчивого блеска? Кто-кто, а он знает им настоящую цену. Но чтобы понять это, очевидно, нужно было быть Мурильо или родиться несколькими столетиями позже. «Веласкес портретист необыкновенный, — рассуждал про себя юноша. — В сравнении с его полотнами фламандцы и итальянцы бледны. Как никто в мире, уловил он в природе ту жизненную суть, которая делает его полотна шедеврами. Господи! Научи меня быть похожим на него!»

Занятия Веласкеса с Мурильо пришлось неожиданно прервать: король опять отправлялся в непокоренную Каталонию и Арагон и брал с собой маэстро. Трудно только было определить в качестве кого — слуги или артиста.

Март 1644 года весь состоял из непогод. Ветер дул с жестокой настойчивостью. Походные кареты бросало на ухабистой дороге. Маэстро то и дело запахивался в плащ и кутался в теплый полог. Уют мадридской гостиной представлялся сейчас раем. В эту поездку вместо себя главным в доме и в мастерской Веласкес оставил своего юного друга Мурильо. Как справляется этот талантливый, красивый и по-женски нежный юноша с вечно бунтующей ученической братией? Хуан умел навести среди них порядок, но дела вынудили дона Диего послать его спешно в Кадис к графу Оливаресу.

В каталонском городе Фрага Филипп IV прика-

зал сделать трехдневный привал. Лошади выбились из сил, а ветер не унимался. Даже в домах, где разместились путники, чувствовалось его холодное дыхание. Домик, в котором маэстро устроил себе мастерскую, только чем-то отдаленно напоминал человеческое жилье. Узкая, темная, сырая комната мало походила на место, где могли бы обитать музы. Утром в походную мастерскую заглянул король. Несмотря на все дорожные невзгоды, Филипп IV выглядел по-королевски. Походный костюм придавал фигуре короля особую значимость. Красный шерстяной плащ, шитый серебряной тесьмой, матовый шелк камзола и жемчужно-перламутровые кружева представляли прекрасное сочетание. В плохо освещенном помещении яркие краски звучали приглушенно. Веласкес глаз не мог отвести от фигуры короля.

— Ваше величество, — начал он, — у нас сейчас есть немного времени. Не согласитесь ли вы подарить из него несколько минут будущему?

Такая форма обращения смогла склонить даже Филиппа. Он сбросил с головы черную широкополую шляпу с большим алым страусовым пером и присел на раскладной походный стул. Художник взялся за кисть и под его рукой, словно на волшебном полотне, заискрились, задымились краски.

Король заметно постарел. Об этом говорили не только морщины быстро увядающей кожи, весь облик Филиппа свидетельствовал об усталости. У него изменился даже цвет волос. Некогда пушистые, с золотистым оттенком, они заметно потускнели и стали рыжими. Ничто не могло укрыться от зоркого взгляда маэстро.

Рука, виртуозно владевшая кистью, тем временем выполняла заданную ей мозгом работу.

Ничего не преувеличивая, создавая изображение, близкое к натуре, художник вносил в него ту частицу от своего поэтического «я», которая превращала картину в редкую по своей полноте характеристику. Цвета королевской одежды, пройдя через художественное восприятие маэстро, необычайно изменились. Красный смягчился до розовато-малинового, серебря-

ные нити вышивок позаимствовали у стали настоящей упругость.

Прекрасный портрет был создан художником менее чем за три дня. Это позволило окружающим говорить не только о гениальности маэстро, но и о новом, необыкновенном подъеме его творчества. Король Филипп, посмотрев полотно, приказал отослать портрет королеве. На следующий день был отдан приказ выступать.

Холодный весенний ветер сделал свое дело. Дон Диего заболел. Путь домой всегда короче дороги из дому. Лошади мчали во весь опор, Веласкес, еле удерживаясь на сиденье, думал о своих путях-дорогах. В последние годы многое изменилось в королевском дворце, да и в самом Мадриде. Обычная дорога из дома на Консепсьон Херонимо до королевского дворца вдруг пролегла через Каталонию и Арагон. Заученная тропка неожиданно стала тесной, и теперь, когда жизнь отсчитывала пятый десяток, ему захотелось пойти иной тропой. Старая, как мир, и вечно новая история.

Дон Диего еще лежал в постели, когда в Мадрид из Кадиса вернулся Хуан. Его рассказы о поездке в имение к графу Оливаресу походили на сказку.

Представьте себе скалу, что возвышается среди заколдованного океана. Она от подножья до вершины вся покрыта снежно-белыми домами, с башнями причудливых форм. Кадис словно застывший каприз из камня.

В окрестностях города, у широкого Гвадалквивира, лениво катящего свои воды в море, и построил герцог необыкновенный замок-дворец. Его архитектура выдержана в арабском стиле. Белые высокие стены прорезаны редкими окнами, а над всем строением целится в небо стройная дозорная башня с плоской кровлей. Вокруг замка сад, террасами опускающийся к самой реке. Внизу, в долине Гвадалквивира, сколько видит глаз, зеленеют пышные виноградники, серебрятся оливковые рощи.

Внутренние покои дворца не уступают королев-

ским. Сколько разных сокровищ со всех стран света привез туда сеньор Гусман! Повсюду мрамор, скульптуры, люстры, картины и... неопишное множество лестниц.

Вначале Оливарес решил порвать все сношения с миром. Он даже остановил все часы, не забыв и солнечные, которые в его саду составляли громадную коллекцию.

Он принял портрет, привезенный Парехой в подарок, долго смотрел на него, потом молча удалился. Он вернулся, держа в руках широкую шпагу с большой чашкой.

— Передай это своему господину, Хуан, — сказал Оливарес, — он достоин чести носить такое оружие. Шпага принадлежала моему прадеду, казненному Филиппом II.

Больше он не проронил ни слова.

Хуан подал Веласкесу шпагу. Вдоль ее клинка тонкой вязью темнели слова: «Ни богу, ни королю, а совести».

То был дорогой подарок и с особым значением.

Поправлялся Веласкес медленно. В конце недели Фуэнсалида и Веллеа явились к нему в трауре — скончалась королева Изабелла. Испанский двор, и без того не особенно умевший веселиться, погрузился в глубокий траур. Во всех соборах служили заупокойные мессы.

Новый, 1645-й, тоже не принес радостных вестей. Смерть унесла остроумного, насмешливого Кеведо, а вскоре после него почил и беспокойный граф Оливарес.

Всего несколько недель до того Диего виделся с Оливаресом, приехавшим в Мадрид с очередным посланием королю. Оставшийся не у дел граф никак не мог успокоиться. Ему казалось, что без твердой руки государственный корабль сядет на мель. Из своего мавританского замка близ Кадиса он слал петиции королю, в которых призывал сломить дух средневекового сепаратизма, царивший в провинциях, решительно и навсегда. Перед маэстро при последнем свидании сидел окончательно уставший и состарив-

шийся человек. Таким его и написал Веласкес на последнем портрете.

При дворе маэстро ожидала масса скопившейся работы. Его должности, хотя некоторые и значились «без исполнения обязанностей», все же требовали к себе определенной доли внимания. А тут еще назревала новая поездка в составе свиты принца Балтазара Карлоса в Арагон.

У Веласкеса давно было желание посетить этот край. Однажды, несколько лет тому, в руки к нему попала старая книга. Начиналась она необыкновенно: «Мы, которые имеем такую же цену, как и вы, и которые можем больше, чем вы, выбираем вас королем с тем условием, чтобы вы уважали наши вольности и привилегии и чтобы между нами и вами был некто, который может больше, чем вы: если же нет — нет!» Веласкес внимательно прочел книгу до конца. Строки старой книги бережно хранили предания старины — рассказы о вольностях свободолюбивых арагонцев. Присягу, которой открывалась книга, на протяжении более шестисот лет (734—1336) давал народ Арагона. Пятнадцать королей вынуждены были принимать ее, ибо если нет, то «некто», кто выше короля, давал народу право пригласить другого. Выше всех стоял в той маленькой стране Закон, олицетворяемый верховным судьей. Но вековым вольностям пришел конец. Бурбоны разделились со свободой.

В Сарагоссу ехали через горную страну по узкой и извилистой долине реки Халон. На севере еще бушевала каталонская «война жнецов», а в Сарагоссе шла бойкая торговля. На одной из окраин города у самого Эбро разбили походные палатки. Но холодный март вынудил принца отказаться от затеи жить на походном положении, и путники переселились в город. Один только художник проводил здесь все свои дни. Он задумал писать большую картину. На полотне будет изображен берег Эбро с полуразрушенным каменным мостом. По ту сторону реки — город с башнями городских домов и шпилями церквей. Но главное место на картине займут люди. Веласкес уже выполнил несколько портретов знатных

горожан, дам и кавалеров, ожидающих перевоза. А рядом с ними разместится простонародье — торговцы, студенты, бродяги, нищие. Видя интерес принца к своей работе, Веласкес решил подарить ему свою «Сарагоссу».

Художник так увлекся работой, что не замечал, как летело время. А оно, отсчитывая на пути столбики-минуты, стремилось вперед своею дорогой, к будущему.

„ЗЕМНЫЕ ЗВЕЗДЫ“

Веласкес стоял перед алтарем, низко наклонив голову. Со стороны казалось, что он молился. Но маэстро не мог сейчас вспомнить ни одного слова из длинных католических молитв. В детстве научил его отец Саласар, знавший цену истинной веры, не тратить попусту время на бессмысленное повторение заученных слов. Собор — это место, где человек остается один на один с Вечностью, — там не нужны слова.

Каждый год 23 апреля приходил маэстро в собор, покупал у привратника свечи и ставил их за упокой беспокойной души дона Сервантеса. Сегодня он зажигал их в тридцатый раз. Веллела и Мурильо пришли вместе с Веласкесом. Свечи дона Хуана горели в память о гениальном англичанине Шекспире, почившем в один день с великим испанцем. Бартоломео просил мадонну не за усопших. Свои свечи он зажег мечте. Если бы в тот момент можно было бы записать мысли юноши, они выглядели бы так: «Великая мать и прекраснейшая из женщин! Сегодня я покидаю моего учителя и его гостеприимный кров — еду в свою Севилью. Все, что я создал, ничто по сравнению с тем, что сделаю я в твою славу. Дай только мне будущее. И еще прошу: продли годы моего учителя».

Свою «Сарагоссу» дон Диего давно окон-

чил. Но дарить ее было некому: принц Балтазар Карлос, единственный сын короля, умер. Ему было едва семнадцать, но разве лихорадка спрашивает, сколько кому лет?

Горе согнуло Филиппа. Из дворца было удалено все, что хоть сколько-нибудь напоминало принца. Уехали в провинцию даже его карлики. А где-то в Австрии ждала своего двоюродного брата, ставшего по воле отцов ее женихом, сверстница Балтазара Марианна.

Король не имеет права долго горевать. Нужно было срочно принимать меры, которые бы урегулировали порядок престолонаследия. К тени своего деда обращал он взор, но молчал грозный Филипп, не давал совета и всеильный бог. Тогда король решился: невеста сына Марианна Австрийская станет его женою! Согласие из Австрии не заставило себя ждать. Его величество повеселел. Черный бархат строгих траурных одежд был ему даже к лицу. Он опять возобновил свои посещения мастерской маэстро, который стал с января исполнять должность инспектора над картинами, находящимися в старой башне Альказара, и смотрителя королевских построек. Для удобства ему предоставили квартиру в Доме Сокровищ.

Это было просторное многокомнатное жилище. Веласкес украсил его с тонким вкусом. Только донья Хуана де Миранда отказалась переезжать в новый дом. Отказ свой она аргументировала тем, что для самого дона Диего будет лучше иметь в городе, вдали от двора, тихую пристань. Милая, скромная жена! Она, полюбив Диего однажды, всю жизнь оставалась верной ему. Хуана де Миранда часто не понимала мужа, но и не мешала ему. Не требуя многого, не надоедая, она делала все необходимое для его спокойствия. Ей нельзя было быть неблагодарным. В Хуане де Миранде заключался дом Веласкеса, привычный и верный, тихий островок в потоке изменчивой придворной жизни.

А жизнь эта все больше его угнетала. В разговорах с друзьями он все чаще обращался к Италии. Думать об этой стране воздуха и света ему запретить

не мог никто. Воспоминания все решительнее овладевали им.

Однажды король Филипп в разговоре с художником высказал мысль о том, что пора бы в столице создать испанскую картинную галерею. Собрать в ней лучшие образцы живописи со всей страны. Веласкес добавил, что неплохо бы устроить галерею не только отечественных художников. Италия — вот та страна, что смогла дать большое количество непревзойденных полотен.

Через несколько дней художнику объявили королевскую волю: он поедет в Италию. Король решил открыть в Мадриде Академию художеств. Веласкесу поручалось изучить особенности академии в Италии, кроме того, он должен был закупить картины для Альказара. В Тренто для встречи будущей королевы Марианны выезжало посольство. Веласкеса включили в его состав.

В ноябре 1648 года маэстро покинул Мадрид. В Каталонии все еще бушевала война, Барселона была в руках французов, в Аликанте, Валенсии и Севилье неистовствовала чума. Потому путь великого посольства, в составе которого ехал и Веласкес, лежал через Малагу.

Пестрый город встретил их шумной, суетливой жизнью. После серой каменистой Кастилии маэстро трудно было привыкнуть к такой бездне синевы — синим были небо, море и даже воздух. Малага — город с тысячелетним прошлым. Однажды сюда, в каменистое устье Гуадалмедины, причалили корабли под разноцветными парусами. Финикийцы были поражены красотой невиданной доселе земли. Посовещавшись, они разбили тут свой лагерь. Могучий лес, сбегавший до самого моря, отступил, и на лазурном берегу вырос прекрасный белостенный город. Городу дали имя «Малак» — соленая рыба, которую, кстати, здесь производили в изобилии. Века смягчили у названия окончание, а Малага тем временем росла, по миру летела слава о ее богатстве и красоте.

Веласкес ходил вдоль извилистых городских улиц, любовался поднявшимися в синеву зубцами башен

древнего Альказара. Чем-то неуловимым город напоминал ему родную Севилью. Может, лилиями? Эти цветы, брошенные, по преданию, с небес в ответ на пламенную молитву святого, цвели и на его родине круглый год. Пока шла подготовка к отплытию, маэстро рисовал. На бумаге и полотне появились зарисовки с видами Гранады и цветы мадонны — белые венчики лилий.

Судно с королевским посольством покинуло порт 2 января. Путь его лежал в Геную.

Неспокойным было море. Из синего оно внезапно превратилось в черное, слилось на горизонте с небесами и так разбушевалось, что капитан стал побаиваться за надежность своего корабля.

Только 11 февраля корабль пришвартовался в порту Генуя. Здравствуй, Италия! Когда маэстро впервые ступил на ее землю, ему было только тридцать. С робостью ученика он смотрел на творения великих итальянцев, рожденных загадочной эпохой возрождения человеческого духа и подъема культуры. Сегодня по земле Италии шел зрелый муж, слава которого дошла до берегов Тибра.

Через несколько дней, вдоволь налюбовавшись в Генуе произведениями Лауаро Кальви, полюбившимся ему портретом в мраморе Андреа Дориа, сделанным Ангело де Монтерсоли, Веласкес спешит в Милан. Столица Ломбардии была местом, где под сводами старого храма жила леонардовская «Тайная вечеря». На свидание с нею ехал маэстро через бурное море, скакал крутыми дорогами. В последующие дни можно было наблюдать, как перед «Вечерей» часами простаивал немолодой черноволосый человек. А старый монах-привратник мог поклясться мадонной, что видел на глазах чужестранца слезы.

Подарив Падуе три дня, маэстро спешит в Венецию. Дивный, единственный в своем роде город мирно спал на берегу лагуны. Утреннее солнце не спешило его будить. Смолоду любил Веласкес смелые яркие краски этого города и его дивных мастеров, которые оставили потомкам бесценные творения. Но купить что-либо для коллекции Альказара оказалось делом

нелегким. На бирже за полотна запрашивали столько, что на эти деньги можно было бы купить королевство. Однако Веласкес так настойчиво торговался, что перекупщики вынуждены были уступить. В доме испанского посла маркиза де ла Фуенте, где жил маэстро, вскоре появились пять полотен, среди них Тициан, Тинторетто и Веронезе.

В Болонье, сердечно принятый графом де Сена, Веласкес поспешил на поклон к «Святой Сесилии» Рафаэля, к мрамору из церкви Сан-Доминго, сработанному рукой гениального Микеланджело.

Во дворце графа де Сена он обратил внимание на замечательные фрески.

— Кто писал их, сеньор? — спросил маэстро.

Граф де Сена был польщен тем, что прославленный художник нашел и в его владениях интересное для себя.

— Их авторы — местные живописцы Анжело Микеле Колонна и Агостино Мителли.

— Я хочу пригласить их в Мадрид расписывать Альказар, ваша светлость.

На следующий день, поменяв лошадей, они двинулись в путь. В Модене художник и Хуан оставались один только день — передохнуть. Посмотрев в Парме наскоро картины Корреджо и Маццуоли (прозванного Пармиджанино — маленький пармезанец), они поспешили во Флоренцию.

У дороги в долину Арно им повстречался мальчик лет двенадцати. Его плетеная кошелка доверху была наполнена кремово-белыми цветами с желтой сердцевинкой — цветами флорентийских гор.

Маэстро вышел из экипажа.

— Куда ты их несешь, мальчик?

— Сеньор — иностранец и, очевидно, не знает, что это горный нарцисс, — поспешил расхвалить свой товар маленький продавец. — Нарцисс — цветок нашей мадонны, покровительницы Флоренции.

Его словам нельзя было не улыбнуться. Каждый город считает мадонну своей покровительницей.

— Продай нам их, — предложил Веласкес.

— О!.. — от восторга маленький флорентиец не

мог произнести ни слова. Такая удача — продать душистый товар оптом.

— Я их отнесу мадонне, от тебя и от меня, — заверил малыша маэстро.

Хуан аккуратно переложил цветы. В руке мальчика уже блестел золотой, а он все стоял, не веря в свершившееся чудо.

Экипаж тронулся. Веласкес помахал малышу рукой.

— Сеньор! — в крике было столько чувства, что возница придержал лошадей. Мальчик подбежал и вскочил на подножку.

— Кто вы такой, уважаемый сеньор? Скажите мне, сеньор, чтобы я знал, кого благодарить перед мадонной.

Спутники улыбнулись.

— Мы из Испании, малыш. А сеньора зовут доном Диего, он великий художник, — ответил Хуан.

— Маэстро? Я буду молиться за вас, сеньор, — прошептал мальчик на своем мягком, удивительно певучем языке. — Вам еще не раз предстоит удивлять мир, маэстро, слово чести. Поверьте уж мне.

Всю оставшуюся дорогу путники ехали молча. Только у самого въезда в город возница обернулся к седокам.

— Все, что говорил мальчик, уважаемый господин, обязательно сбудется. Устами детей часто говорит мадонна.

В первый день мая во Флоренции по обычаю предков праздновали день возвращения весны.

Казалось, что со всего мира собрались сюда цветы на свой праздник. От их аромата сладко кружилась голова. Цветы чувствовали себя в городе хозяевами, недаром эмблемой Флоренции была стройная красавица — красная лилия.

Но путникам нужно было спешить. Рим ждал маэстро.

В городе Веласкеса знали. Пока он, оставив слуг распаковывать багаж, спешил поздороваться с Вечным городом, несколько местных аристократов успели нанести ему визиты. Но художника меньше всего

интересовала римская знать. Он хотел побольше узнать о тех, благодаря которым Италия стала владычицей мира искусства.

С каким восторгом смотрел маэстро из своей кареты на бежавшие по обе ее стороны ряды строгих домов, на маленькие храмы и часовенки, где перед мадонной горели вечным огнем неугасимые лампы! Солнце не могло соперничать с их светом, ибо в нем была большая сила — человеческая надежда. У одного из храмов Веласкес попросил остановиться. Внутри церквушки было прохладно и сыро. Одинокая коленопреклоненная женская фигура — и больше никого. Маэстро опустился на колени. Его мысленное «Аве» звучало благодарностью жизни за исполнившуюся мечту.

В первые же три дня дон Диего и Хуан обошли весь Рим.

На четвертый гонец графа Оньяте, вице-короля Неаполя, передал маэстро послание, в котором граф в настоятельной форме просил его прибыть в город. Ничего не оставалось, как отложить все дела и мчаться в Неаполь.

Неаполь встретил маэстро тишиной. Проезжая по городу, он искал хоть какие-нибудь следы недавних бурных событий и не находил. А ведь всего два года назад дерзкий Неаполь поднял восстание. Ремесленники, рыбаки, торговцы были едины в своем порыве покончить с завоевателями. Маленькая горсточка смельчаков призывала народ изгнать ненавистное правительство. Речам собравшихся у залива ораторов глухо вторило море. И вот, вооруженные чем попало, ведомые прекрасным полководцем — желанием быть свободными, — они ринулись на штурм вице-королевского дворца. Нашелся и вождь — рыбак Мазаниелло, провозглашенный восставшими генерал-капитаном. Провинция бурно прореагировала на события. Через несколько дней в город прибыло крестьянское подкрепление. Но испанская монархия вовсе и не думала терять свое маленькое королевство. Однажды ночью город разбудил грохот пушек. В заливе стояла испанская эскадра. Кровавые схват-

ки на улицах Неаполя повторялись ежедневно. Но хорошо вооруженные испанцы не смогли сладить с познавшими свободу. Над бывшим дворцом вице-короля Аркоса развевалось знамя республики. Однако силы у восставших были на исходе. Тогда глава неаполитанской республики — смельчак Джена-ро Аннезе, владеец мастерской мушкетов, послал за помощью к французскому герцогу Гизу. Гонец не успел сообщить Неаполю об идущей подмоге. Восстание было подавлено, независимая республика пала.

Расправа была короткой — смельчаков казнили. Угрюмым стал город, боялись его победители. Нередко на улице в темноте звучал выстрел, а наутро патрули находили убитым кого-либо из солдат гарнизона. В связи с этим новый вице-король Оньяте приказал испанцам не показываться на улицах в одиночку. Город притаился. Внешне могло показаться, что наступил мир. Только очень опытный глаз подмечал — это затишье перед бурей.

Рибера и Веласкес увидели друг друга одновременно. Они долго стояли молча, счастливые новой встречей. Придворный живописец Неаполитанского королевства заметно постарел. Но небольшие живые глаза Спаньолетто сохранили блеск юности. Как он был рад мадридскому гостю! Все эти годы Рибера с теплотою вспоминал дни, когда Веласкес гостил в Неаполе. И теперь, встретившись вновь, они возобновили свои беседы об искусстве так, словно прервали их вчера. Целые дни проводили они вдвоем.

— Да, наш Караваджо велик, — вел свой нетопливый рассказ Рибера, — его биография полна неожиданностей. Сын простого каменщика, он стал мальтийским рыцарем, непрерывно дрался на дуэлях и между прочим рисовал. Но за свои сорок лет он успел столько, сколько другим хватило бы на сто. Варварски дерзкий, он признавал для себя единственным учителем природу. Зато сколько у него учеников! Вы, маэстро, тоже отдали ему дань, — улыбнулся он Веласкесу.

— То были годы юности, дорогой дон Хусепе.

А что вы скажете о Сальваторе Роза? Говорят, он пользуется в Риме большой популярностью?

— Беру на себя смелость утверждать, что Роза ученик Караваджо, хотя он и родился лет через шесть после его смерти. Роза еще молод, но очень талантлив. Он пробовал свои силы в музыке, театре, писал стихи и даже сатиры. Самая большая его страсть — тяга к путешествиям. Даже в грозные для Неаполя дни, — Рибера понизил голос, — он находился тут, в городе. Надеюсь, вы поняли, на чьей стороне были его симпатии? Творчество его необыкновенно ярко, в нем какая-то... разбойничья поэзия. Пишет он широко, свободно, всегда с натуры. Только и тут у него странность. Природа интересует его не в солнечной радости, а гневная, грозная. Вглядитесь в его работы — везде суровые и дикие местности, темные свинцовые тона.

Они подошли к самому морю. Ветер гнал по безбрежной синеве белые стада послушных ягнят. Художники опустились на валуны. Сзади послышался лязг оружия. Присели отдохнуть воины, везде неотступно следовавшие за ними по приказу вице-короля.

Громадный ярко-оранжевый шар, пышущий жаром, медленно опускался за черту, куда неустанно бежали и белые стада.

— В Риме вас ждет много неожиданного, маэстро, — прервал молчание дон Хусепе, — кроме пылкого Сальватора Роза, там сейчас в зените славы Клод Лоррен, Никола Пуссен, Пьетро да Кортон, Алессандро Альгарди и Лоренцо Бернини. Все это знаменитые художники, настоящие артисты.

— Я знаю многих по их полотнам.

— Но там вам придется познакомиться с ними самими. Каждый из них весьма своеобразное явление.

— Что представляет собой Лоррен?

— Это самый тонкий из художников, известных мне. Кстати, он учился в Неаполе у Готфрида Вальса. Потом ненадолго уезжал в свой замок Шампань в родную Францию, чтобы потом навечно поселиться в нашем Риме. О нем говорят, что он приехал в Веч-

ный город в день покровителя художников — святого Луки, отсюда все его удачи. Я люблю его за то, что его полотна не копируют природу, а передают тот восторг, который охватывает душу при виде прекрасного.

Веласкес видел полотна Лоррена — «Царицу Савскую», «День», «Утро», «Вечер», «Ночь». Его пейзажи нравились ему обилием солнечного света и преклонением перед величием природы. Многие до него пробовали писать солнце. Но так, как он, солнце не написал никто. Лоррен словно посмотрел на его лучезарный лик впервые. Смелчак не испугался самосветящегося бога, а дерзнул обыкновенными красками изобразить его. Больше всего ему нравилось писать в предвечерье: низкое солнце, готовое потонуть в океане, последние лучи заката; солнце медленно опускается в свой лучезарный огненный дворец; чтобы исчезнуть в общем пожаре. Дон Диего любил Лоррена за его солнца.

Всю дорогу до дворца вице-короля маэстро неотступно думал о Клоде Лоррене. Ранним утром пастухи Кампаньи, очевидно, частенько видят подвижного, худощавого человека, который стоит на пригорке и наблюдает чудо рождения нового дня. Он, художник, как сторожевой на аванпосте искусства, видит, как вздрагивает земля, как пробуждается природа в момент появления солнца. Бесконечный небесный свод притягивает его взор.

Однажды Клод Лоррен, бродивший в окрестностях Рима, повстречал другого художника, который рисовал деревья-гиганты, беседки из виноградных листьев и умел находить классическую возвышенность во всем, что его окружало. Его имя Никола Пуссен. Мастер величественных исторических пейзажей повел нового друга к себе в мастерскую, теперь они часто работали вместе, одинаково влюбленные в поэзию природы и так по-разному ее изображающие. У одного пейзажи — с благородными грядами гор, огромными деревьями и кристально прозрачными озерами, возле которых величественные развалины античных зданий, у другого — гимн солнцу, развалины храма

Канкардии или древнеримского форума, залитые солнцем.

Граф Оньяте принял маэстро очень любезно. Он сказал, что поручил своим людям помочь художнику приобрести слепки с антиков, а также передал ему деньги, присланные из Испании специально для этих целей.

С нетерпением ожидал Рибера прихода Веласкеса в мастерскую. Ему хотелось услышать мнение великого соотечественника о своих полотнах. Сам он к ним привык, полюбил их, как детей. А разве у родителей бывают плохие дети?

Испанский гость остановился перед «Святой Инесой». В центре большого полотна была изображена коленопреклоненная девичья фигурка. Длинные, струящиеся до земли волосы скрыли от посторонних взоров ее наготу. Большие, прекрасные глаза чуть влажны. В их взгляде, устремленном к небу, вера. Личико, почти детское, хранит следы глубокой печали, и вместе с тем весь облик Инесы словно светлый символ торжествующего добра.

— Существует древняя христианская легенда, — пояснил Рибера. — В третьем веке нашей эры в знатной римской семье жила красавица девочка. В тайне от родных она приняла христианство. Бог послал ей испытание — ее полюбил язычник-префект. Но юная христианка не в силах была отказаться от своей веры. Тогда палачи придумали ей позорную и мучительную казнь. Сейчас, — Рибера сделал жест в сторону полотна, — ее, нагую, волокут из темницы. В последний раз сложила Инеса в молитве руки. И вдруг свершилось чудо: волосы на голове начали быстро расти и покрыли всю ее фигурку. Потом появился ангел, он нес ткань, чтобы прикрыть выставленное на позор тело.

Рибера окончил рассказ. Маэстро невольно почувствовал, как от полотна, словно из темного подвала, из темницы маленькой мученицы, повеяло могильным холодом. Маленькая римлянка, казалось, тоже чувствовала предвестие смерти. Но молитва ее была не о пощаде. Как тонко сумел передать художник

древнюю легенду! Трудно поверить, что рука смертного создала этот шедевр!

Нежным блеском искрились мягкие каштановые пряди волос девушки. Светилась, переливаясь, ткань, принесенная ангелом. А воздух вокруг маленькой фигурки дрожал, пронизанный лучами света.

Дверь мастерской внезапно распахнулась, и на пороге комнаты возникла... живая Инеса. Веласкес вздрогнул. Он поочередно смотрел то на вошедшую, то на картину.

— Разрешите представить вам мою дочь, дон Диего. Она служила мне моделью для Инесы.

На Веласкеса во всю ширь своих огромных глаз смотрела прелестная девушка. Маэстро подошел к ней вплотную.

— Вы, сеньорина, доказательство того, что не только на картинах вашего уважаемого отца, но и на земле есть свои звезды.

— Нет, — возразила она. — Вам, художникам, больше подходит такое сравнение — земные звезды.

Встреча с римскими художниками должна была состояться завтра. В доме маэстро к приезду гостей все тщательно подготовили. Сам он, накинув традиционный испанский плащ, шагал улицами древнего города.

Вилла Боргезе представляла собой редкий по своим собраниям музей. Маэстро получил разрешение осмотреть ее сокровища. Уже сад, окружавший виллу, привел его в состояние трепетного восторга. Высокие деревья сомкнули свои кроны над зеленой водой бассейна. В тени, словно избегая солнца, стояла мраморная Венера. Она, казалось, собралась опуститься в зеленоватую глубину, но услышала шорох. В испуге поднесла руку к груди и так застыла на месте, вслушиваясь. Художник пересек поляну и только теперь увидел, что Венера не единственная обительница этого тихого уголка. Возле беседки стоял вооруженный Марс. Не его ли испугалась прекрасная богиня?

Люди разных эпох старались поведать миру свое представление о красоте. Помощником в этом была

любовь. Она водила рукой Рафаэля, писавшего пленительную Форнарину. Она водила резцом неизвестного мастера, создавшего мраморную богиню. Может, эта женщина когда-то жила? Время, всесильное время, стирает с лица земли целые народы. Любовь же бессмертна, ее завещают, передают из поколения в поколение великие художники — в скульптурах, книгах, стихах, полотнах. Что может быть прекрасней человеческого тела? Этот источник красоты воистину неисчерпаем.

Испания, строгая католическая Испания, не могла допустить, чтобы воспевали нагое тело. Костюмы, охрана добродетели, покрывали женские фигуры в жизни и на картинах. А как просились на полотно сверкающая белизна нежной кожи, трогательные изгибы талии, волнующая своим совершенством грудь. Строгий запрет церкви никто из художников не решался нарушить. Из мира уходили женщины, красота которых была достойна кисти великих.

Маэстро вдруг до боли, до ломоты в суставах захотелось написать обыкновенную женщину, чтобы стояла она вот так, не стыдась, его будущая Венера-мечта. В мире его поэтических образов она жила давно. Но видел он ее всегда издали. Теперь богиня обрела плоть, но маэстро никак не удавалось заглянуть ей в лицо.

Нет, сейчас он не должен думать о своей Венере. Зачем искать богиню в Италии, когда, по всей вероятности, живет она где-то в Андалузии?..

...Лоренцо Бернини был человеком почти одинаковых лет с Веласкесом. При первом взгляде на него могло показаться, что он человек весьма холодного темперамента. Но стоило его увидеть в кругу друзей, как всякое «кажется» теряло свой смысл. Резкий, подвижной, он был душой общества. В Риме Бернини славился как маэстро-виртуоз. Архитектор и скульптор, живописец и писатель, актер и блестящий рассказчик, он пленял всех, кто имел честь быть с ним знакомым. Сеньор Лоренцо обладал еще одним даром — удивительной работоспособностью. На вилле Боргезе Веласкес видел его «Аполлона и Дафну»,

прекрасные образы, насыщенные патетикой и страстью. На длинной узкой площади Навонна его пленил удивительный по своему замыслу фонтан Четырех рек. Неужели Святая Тереза, герцог д'Эсте, Давид и Королевская лестница в Ватикане все это творение одних и тех же рук подвижного Бернини? После первой же встречи с испанским маэстро сеньор Лоренцо проникся к нему симпатией. Но сблизила их, сроднила не одна симпатия, а общий взгляд на искусство. Задачи, которые ставили художники перед собой, были сходны по широте замыслов.

Хуан Пареха ни одного дня не чувствовал себя в Риме спокойно. Сейчас он тоже волновался, слушая беседу дона Диего с прославленными итальянскими мастерами. О чем только не говорили они!

— Что скажете вы о нашем Рафаэле, маэстро? — обратился к дону Диего Сальватор Роза. — Вы, конечно, считаете его лучшим из наших мастеров после того, как вы видели в Италии все ее шедевры?

Веласкес чуть поклонился, в знак того, что он понял.

— О нет, уважаемый сеньор, я должен признать, что он мне не нравится.

— Тогда, по-видимому, — в голосе сеньора Сальватора звучали нервные нотки, — ни один художник в Италии не заслужил вашего одобрения. Мы среди всех мастеров отдаем пальму первенства Рафаэлю.

Что ж, если они настаивают, он скажет им свое мнение об искусстве и о том, к чему больше всего лежит его сердце в Италии.

— Венецианским художникам, — начал Веласкес неторопливо, — по моему мнению, принадлежит первое место среди других выдающихся маэстро. Знаменосец венецианской живописи — Тициан. Посмотрите на его полотна. В творениях Тициана Вечеллио сошлись красивейшие и благороднейшие люди его эпохи. Он написал свои картины так, что позволил на них выступить как можно ярче красоте, силе, человеческому благородству. Поэтическим его замыслам нет границ. Краски великого Тициана говорят о любви

к жизни — вот к чему стремиться должен каждый художник.

То, о чем говорил испанский маэстро, не могло убедить его коллег по кисти, привыкших к нежности своего Рафаэля и исключавших строгость Тициана.

И все же в его речи было столько внутренней силы, что они не стали спорить. Вначале присмотримся, решил про себя Роза, а жизнь потом рассудит нас сама.

ПОКОРЕНИЕ РИМА

Над Римом вставало солнце. Рождался новый день, который нес массу новых волнений и тревог. Веласкес давно не спал. Он слышал, как осторожный Хуан несколько раз входил в комнату, чтобы еще разок осмотреть платье своего учителя и господина — все ли в порядке. Бедняга тревожился больше самого маэстро. Да и мыслимое ли дело не тревожиться! Сам святой отец, наместник всемогущего бога на земле, папа Иннокентий X, пожелал видеть художника, чье имя вот уже несколько месяцев не сходит с уст всего Рима.

Он, Хуан де Пареха, которого прославленный художник взял с собой в длительное путешествие, гордился своим учителем. Какой он удивительный человек! Вчера, когда прелат передал ему приглашение папы, он принял его как должное. А вечером, вместо того чтобы думать о предстоящем визите, рассказывал своему Хуану о родине, их дорогой Испании, которая осталась далеко за морем. Видно, уж очень скучал он по холмам своей любимой отчизны, по ее небу и солнцу, по ее людям. Он говорил, не умолкая, и как бы удивились этому те, кто знал его всегда спокойным и молчаливым.

— Жизнь состоит из красок, Хуан. Когда человек счастлив и весел, он видит ее в кра-

сках, которые рождает и дает миру солнце. Несчастье создает другие краски — они сродни ночи. Художник должен знать и те и другие, чтобы уметь писать жизнь.

В тот вечер Веласкес работал дольше обычного — писал по памяти Испанию. Вот она на полотне в серебристой дымке-мечте, с холмами, подобными отхлынувшим морским волнам, освещенная дивным светом — светом любви художника к своей родине.

Дон Диего поднялся — пора собираться. По привычке, сложившейся годами, он прежде всего зашел в мастерскую взглянуть на вчерашнюю работу. С полотна на мольберте смотрела на него Кастилия, а за окнами шумел Рим — великий город цезарей, пап, Вечный город, сумевший дважды покорить мир.

Теперь этот город предстояло покорить ему — Веласкесу.

Маэстро шел берегом Тибра, вдоль-которого тянулись красноватые стены со множеством башен. Вдали над строениями возвышался купол величественного собора Святого Петра. Туда и лежал путь художника. Он пересек площадь.

Здание-колосс встало перед ним во всей своей грандиозности. Кругом царила настораживающая тишина: в этот утренний час еще никто не появился на площади. Бронзовая входная дверь при появлении Веласкеса неслышно распахнулась, чтобы, пропустив его, сейчас же закрыться.

Испанца встретил немолодой уже прелат в светлой сутане.

— Мир дому сему и всем живущим в нем, — произнес Веласкес традиционную фразу.

— Амен! — ответила белая сутана. — Их святейшество ждет вас. Следуйте за мной.

Возле огромной лестницы, едва освещенной пугливым светом тонких свечей, художник отдал привратнику шпагу, шляпу и плащ. Им пришлось пересечь большой квадрат пустынного, устланного белым камнем двора. По его правой стороне возвышалось

крыльцо — четыре серые ступени вели в апартаменты папы. Под мрачными сводами Ватикана царило могильное спокойствие. В одной из зал художник замедлил шаги. Со слабо освещенных стен на него смотрели портреты почти двухсот пап. Земные владыки давно простились с грешным миром, их благодеяния были записаны в ватиканские хроники. В народе о них слава была другой.

Ее тоже хранили в надежде, что такое не повторится более.

Прелат с Веласкесом вошли в залу гобеленов, представлявшую собой приемную. Вдоль высоких стен стояли деревянные скамьи, пол был устлан огромным ковром, в глубине чернело распятие. Чуть подальше можно было пройти в почетную приемную, откуда двери вели в Тронный зал и Зал малого трона.

В первом папа давал публичные аудиенции, во втором, который был уменьшенной копией первого, он принимал достойных особой чести. Веласкес знал это и был удивлен, когда сопровождавший его служитель Ватикана сделал знак остановиться и подождать у двери в Зал малого трона. Его принимают как короля? — промелькнуло в сознании. Ну что ж, значит он им нужен! Внезапно дверь распахнулась, и прелат жестом предложил войти. Веласкес впервые увидел Иннокентия X.

Острый взгляд испанского гостя охватил сразу все. В глубине комнаты, стены которой были обтянуты красной материей, стоял золоченый трон — трон святого Петра. Над ним возвышался красный балдахин. Семидесятишестилетний избранник божий восседал на троне. Это его грозное имя заставляло трепетать, это он отправлял на костры инквизиции сотни непокорных, осмелившихся протестовать против засилья церкви или восставать против гнуснейших заповедей, запрещающих человеку мыслить. Его папским именем покрывали страшные злодеяния, но сам он считался непогрешимым.

Невозможно было оторвать взгляда от Иннокентия X, весь облик которого производил какое-то жгу-

чее впечатление. Белоснежная ряса, обшитая тончайшими кружевами, способными вызвать зависть любой модницы, спадала с его колен. Поверх нее была накинута малиновая атласная сутана, мягкие складки которой охватывали старческие плечи и руки. На голове красовалась красная скуфья — головной убор папы. Но особенно поражало лицо. Рыхлое, оно теперь казалось бледно-серым от обилия окружавших его красных тонов. Реденькие борода и усы, широко растянутый рот с тонкими губами, мясистый крупный нос, немного загнутый книзу, и совсем не старческие, глубоко сидящие, небольшие ярко-голубые глаза с пронзительным, устремленным на вошедшего художника взглядом.

Веласкес, наклонившись, почтительно молчал. Но вот папа заговорил. Он осведомился о целях визита художника в Италию, о здоровье королевской семьи, о впечатлениях, которые произвел на Веласкеса Рим, и перешел к главному — ему нужен портрет. Конечно, он не сможет подолгу позировать художнику: дела церкви отнимают очень много времени. Пусть мастер сам находит возможность его видеть.

Аудиенция была краткой. В течение всего разговора Иннокентий X почти не менял позы. Его выхоленные руки, униженные перстнями, покоились на поручнях кресла. Он не делал никаких резких движений и только иногда возвышал голос, что могло свидетельствовать о не столь уж и уравновешенном характере папы.

И опять двигался Веласкес по пустынным залам. С их высоких потолков по красному бархату стен струилась тишина, все погружая в сон. Мир спокойствия прочно господствовал в этом святилище. Но город встретил его оживленным гулом, шумом струящихся фонтанов, всей своей многоголосой жизнью. Какой контраст! Снова краски дня и ночи, жизни и смерти пришли на ум. Чтобы ярче осветить радость бытия, нужно оттенить мрачное и суровое: сравнение рождает истину.

Вечером у художника собрались гости — жрецы

искусства, представители итальянского искусства, живописцы, скульпторы, с которыми подружился Веласкес, почитатели его таланта и просто кое-кто из римской аристократии. Все только и говорили о сегодняшнем визите к папе, мнение было едино: дону Диего оказана великая честь. А мастер тем временем думал о том, что визит и заказанный папой портрет дали ему что-то вроде «охранной грамоты» от козней отцов церкви на его родине, в Испании. Может быть, теперь они меньше будут придирааться к «севильянцу», который совсем не пишет картин на церковные сюжеты и вообще много позволяет себе вольностей в выборе тем.

Веласкес сознавал вставшие перед ним трудности. Как отказаться в портрете папы от традиционных канонов, официальной парадности? Десятки книг были написаны об условностях при изображении главы католической церкви. Великие мастера кисти не раз писали пап, но и они не сочли возможным отклониться от установленных правил. Владыка должен быть изображен сидящим на троне — он ни перед кем не встает. Наряд его составляет обязательная белая ряса, красная сутана, красная скуфья. От художников требовали, чтобы портрет был величественным, чтобы каждый видел в папе главу церкви — святейшего из живущих на земле.

Эти дни Веласкес совсем не работал, много читал, а еще больше слушал. В Риме многое можно было услышать. Если для Испании далекий католический владыка был недосыгаем, то в Риме знали его другим. Люди рассказывали о непомерной жадности папы: будто вечерами, когда в город приходит ночь, он закрывается на ключ в своей спальне, раскрывает кованный сундук и часами смотрит на собранные им богатства. Значит, непогрешимому были присущи человеческие слабости?

Перед своею паствой он выступал в роли властного носителя папской тиары, а в кругу близких становился слабым, безвольным человеком, в котором видели лишь средство для добывания денег. Его крикливая невестка закатывала такие истерики, что их

могли бы слышать на небесах. После подобных сцен старик подолгу не мог прийти в себя.

Должен и смеет ли художник показывать внутренний мир папы? Веласкесу казалось, что обязан.

Он видел портреты многих пап кисти Рафаэля, Караваджо и других великих мастеров. Но в них чувствовалась явная недосказанность, подчас полнейшая идеализация образов. И только Вечеллио Тициан, его любимый маэстро, смог, отбросив навязываемое окружающими мнение, показать Павла III хищным стариком, достойным обитателем Ватикана.

Нужно еще раз повидать Иннокентия X.

Вторично Веласкес увидел папу случайно. Художнику разрешили посещать Ватикан для ознакомления с картинами, которые хранились в его дворцах, и он проводил там целые дни. Утомленный копированием, дон Диего подошел к окну. В нескольких шагах от окна по аллее сада шел папа. Сутана белого сукна развевалась, белая пелерина за спиной поднялась и стала похожей на крылья, большой пояс, с вышитыми на концах золотыми ключами хлопал по коленям, на туфлях красного бархата поблескивали такие же ключи.

Как изменились лицо и фигура старика! Он был наедине с собой, и никакой роли ему не нужно было играть. Куда девалась жесткость и холодность, подозрительность и пронзительность взгляда! Он был чем-то угнетен и подавлен: его, видно, волновали мирские дела. Может быть, он вспоминал, как когда-то он, тогда еще просто Джованни Батиста Памфили, был священным легатом в Мадриде, как потом, уверенно шагая через головы собратьев, приблизился, наконец, к высочайшему из тронов. Как в роковом 1644 году он еле сдержал радость, услышав, стоя среди кардиналов, прелатов и прочей духовной братии у смертного ложа своего предшественника: «Папа умер!» Или, может, старик чувствовал: скоро кончится его земное царствие и, с ужасом взирая на будущее, не видел там царствия другого? Как знать?

Два совершенно разных впечатления от папы было теперь у маэстро. Когда Иннокентий X благо-

словлял народ, он был идиолом поклонения, земным божеством без возраста, властным и сильным. Наедине с собой он становился стариком, ждущим беспомощно своей кончины.

Веласкес мог уже начать писать. В мастерской все было готово для работы.

— Хуан, ты мне нужен! — позвал Веласкес мулата.

Удивлению Парехи не было предела. Дон Диего указал ему кистью на возвышение, где обычно восседали модели.

— Вы будете писать меня, учитель? — усомнился он.

Нетерпеливым движением руки художник повторил приказание. Оставалось повиноваться. Веласкес начал эскиз. Три дня недоумевал Хуан. Чего это вдруг дон Диего пишет его, когда нужно выполнять заказ папы? Но художник молчал, и спрашивать что-либо было бесполезным.

Пока подсыхал портрет, мастер пропадал в галереях, много копировал и, выполняя королевский приказ, закупал картины для испанских дворцов. А однажды утром портрет увезли и выставили в Пантеоне Агриппы. Хуану для наглядности по нескольку часов в день пришлось простаивать в Пантеоне рядом с портретом, чтобы посетители могли сравнить копию с оригиналом.

Величественное здание Пантеона было построено две тысячи лет назад и посвящено богам языческого мира. Много раз разливавшийся Тибр нагонял свои разрушительные волны на его стены, варвары, набегавшие на Рим, грабили, жгли Пантеон, а христиане брали здесь для постройки своих церквей камень, срывали лучшие украшения, забирали все, что только возможно было унести. И все же здание оставалось стоять гордою громадой, покоряющей своим величием, пока люди не опомнились. И седой Пантеон стал служить искусству. Здесь нашло свой вечный покой пламенное сердце великого художника Рафаэля ди Урбино.

Испанскому маэстро была оказана большая

честь — в Пантеоне выставляли только работы великих и признанных. Рим признал его. Город чествовал художника, вознося хвалу его искусству, славя его умение и мастерство. Толпы людей стояли перед портретом. Хуану довелось услышать много хороших слов. Кисть Веласкеса сумела взволновать даже равнодушных, кто из простого любопытства приходил взглянуть на его творение. А как-то один из посетителей, тронув мулата за рукав и словно убедившись, что он настоящий, живой человек, громко произнес: «Как он похож на свой портрет!» Хуан был горд таким вниманием. На него словно бы переносилась частичка той славы, которая выпала на долю дона Диего.

А пока Рим восхищался портретом Парехи, Веласкес готовил ему новое диво — портрет папы Иннокентия X, который стал шедевром мирового искусства. Через века донес он потомкам великое мастерство художника, девизом которого было — писать только правду.

За окнами мастерской дни сменялись днями, а Веласкес не отходил от мольберта. Хуан не успевал размачивать кисти и готовить краски. Казалось, что к пятидесятилетнему художнику вернулась молодость.

Однажды утром, когда первый свет рождавшегося дня проник в мастерскую, Хуан, убиравший оплывшие за ночь свечи, скользнул взглядом по картине — и отпрянул: с полотна на него смотрел живой человек! Да, только могучий, оригинальный, независимый, гордый талант великого испанца мог создать такой шедевр! Хуан, первый зритель и первый ценитель полотна своего учителя, был потрясен. Портрет поражал не только совершенством формы, но и величайшей правдивостью. Отныне к этому произведению, как на поклонение святым местам, будут съезжаться в Рим художники различных стран, чтобы там, в небольшой зале, задрапированной красным бархатом, отдать честь памяти человека, творчество которого вдохновляло не одно поколение живописцев. Наш В. И. Суриков об этом портрете напишет в 1884 году: «Здесь все стороны совершенства есть — творче-

ство, форма, колорит, так что каждую сторону можно отдельно рассматривать и находить удовлетворение. Это живой человек, это выше живописи, какая существовала у старых мастеров. Тут прощать и извинять нечего. Для меня все галереи Рима — этот Веласкеса портрет. От него невозможно оторваться, я с ним перед отъездом из Рима прощался, как с живым человеком, простишься да опять воротишься — думаешь, а вдруг в последний раз в жизни его вижу?»

Но пока портрета еще никто не видел и им мог восторгаться лишь Хуан. А дон Диего, окончив портрет, выполнял королевские поручения. Кое-что, ради чего король Филипп IV отправил его за тридевять земель, уже было сделано. Драгоценный груз — несколько полотен Тинторетто и Веронезе, купленные по счастливой случайности в Венеции, — хранился у знакомого банкира, ожидая отправки в Испанию. Вскоре должны быть готовы и заказанные у самых лучших мастеров в Генуе и Риме 32 гипсовых слепка с прославленных образцов греческой и римской скульптуры. В тот день, когда пораженный Пареха ходил под впечатлением увиденного им портрета, его учитель с благоговением взидал на слепок с головы «Моисея» Микеланджело, призванный украсить королевскую коллекцию.

Только поздним вечером удавалось Веласкесу попасть к себе в мастерскую, но и там его ожидали люди. Деловые свидания и переговоры с художниками, которых испанский гость звал в Мадрид для исполнения росписей королевского Альказара, наново перестроенного к тому времени, затягивались далеко за полночь. Римляне, жившие в одном районе с художником, перестали удивляться тому, что свет в его окнах горит до утра.

Уже уехали в Испанию приглашенные Веласкесом живописцы-декораторы Агостино Мителли и Аньола Микеле Колонн, но списку поручений не было видно конца. А тут еще Академия святого Луки приглашает пожаловать на свое заседание.

В большом зале Академии художеств святого Лу-

ки собрались едва ли не все художники Рима. В наступившей тишине отчетливо и торжественно прозвучали слова:

— «Диего де Сильва Веласкес, придворный художник его величества короля Испании, с сего дня и часа избран членом Академии святого Луки».

Горячо поздравляли дона Диего его многочисленные друзья. Такой чести удостаивался в Риме редкий из иностранцев. Приятно слышать из уст Клода Лоррена теплые слова приветов, искренними и сердечными были пожатия рук сдержанного Сальватора Роза и Пьетро да Кортона. Но у великого маэстро тяжело было на душе. Почему здесь, в солнечной Италии, где так мало видели из написанного им, его признали и поняли сразу? А в родной Испании, которая одна царил в сердце Веласкеса, каждый час нужно было доказывать, что почести его кисти воздаются не даром?

Через несколько дней уже весь Рим говорил о новом произведении испанца. Знатоки и ценители искусства в один голос заявили: «Все созданное в прошлом и настоящем было лишь рисованием, и только это сама правда». На портрете Иннокентий X был изображен таким, каким увидел его Веласкес в первое посещение. Преобладали красно-малиновые краски. Трудно было себе представить, что существует такое богатство красного цвета, такое бесконечное разнообразие его оттенков. И хотя краски не раздражали и не утомляли глаз, все же эта зловещая гамма создавала обстановку беспокойства и настороженности. Яркие лучи солнца, бурным потоком заливая фигуру, заставляли краски сверкать и повышали иллюзию жизненности. А светотени, облегчая кое-где общий фон картины, создавали глубину пространства, атмосферу. Жутко выделялось некрасивое, с грубыми чертами лицо блюстителя престола святого Петра. Страшные багровые блики играли на нем, просвечивая реденькую бородку. Четко выделялись наряду с красными тонами белые краски сутаны, воротника, манжет. А в левой руке папы белело письмо с надписью:

«Alla Santta di Nro Sigre Innocencio X Per Diego de Silva Velazquez de la Camera di S. Mta Cattca» *.

Каков он, этот человек, голубые глаза которого пристально-зло и недоверчиво смотрят на мир? Может ли он верить людям, если его же невестка, вдова старшего брата, Олимпия Модальчинни, безжалостно и нагло обкрадывает и обманывает его? А может, он вспомнил свой путь к трону — цепь злодеяний и обманов? Тогда кому же верить? Одному богу? Подозрительный, он своей нелепой и жестокой деятельностью разогнал и отпугнул сторонников и друзей и остался совершенно один на своем троне, ненавидящий и ненавидимый. Одиночество стало уделом этого старого человека, результатом всей деятельности которого было сооружение для Рима новой тюрьмы. Но не одна лишь старость согнула его. В бессилии папы — глубокие социальные корни. Портрет наводил на мысль о бесперспективности, дряхлости, ненужности самой системы католицизма, которая изжила себя и должна кануть в Лету вместе со своею историей — жуткой, кровавой, зловещей историей средневековья.

Может быть, сам Веласкес и не догадывался об этом, но столь велика была сила его таланта, сила его реализма, сумевшая подсказать художнику правильное решение такой сложной задачи!

Что могло спасти Иннокентия X от безжалостного бегства времени, от наступления нового завтра без всякой будущности для него? Оно приближалось и рождало страх, сейчас еще глубоко запрятанный.

Портрет словно выносил приговор, который не замедлила подтвердить жизнь: святой отец бесславно скончался и в самом дешевом в Риме гробу, за которым не двигалась ни одна живая душа, был похоронен в семейной усыпальнице Памфилов. Таков был этот разоблачающий портрет, соединивший в себе все — прошедшее, настоящее и будущее.

* «Наисвятейшему папе Иннокентию X Диего де Сильва Веласкес, придворный живописец его величества, короля католического» (лат.).

Художник завоевал итальянские сердца. Рим был покорен испанцем. По словам Антонио Паломино, произведение кисти Веласкеса «вызвало удивление в Риме, многие его копировали, чтобы учиться и любоваться им как чудом».

Когда Иннокентий X увидел свой портрет, он долго молча смотрел на него, а затем произнес лишь два слова: «Торро вега» — «Слишком правдиво». Что было в них: горечь и сожаление или восхищение мастерством художника, сумевшего увидеть невидимое? Об этом мы можем только догадываться, история не сохранила больше ничего. На следующий день, когда портрет был преподнесен папе в дар, Веласкес получил необычно щедрую награду — массивную золотую нагрудную цепь с миниатюрным портретом Иннокентия X в медальоне, осыпанном самоцветами.

В Риме были места, полюбившиеся дону Диего еще со времени первого посещения. Прежде всего вилла Медичи. Он опять ходил ее опустевшими аллеями в надежде вызвать образ божественно-царственной незнакомки. Но заброшенную виллу забыли даже призраки. Не ушли, остались здесь только красота и печаль, что затаились в тенистых аллеях. Их присутствие чувствовалось даже в яркий полдень. Маэстро решил теперь же, не откладывая, написать эти прелестные уголки некогда великолепного парка Медичи.

Из-под кисти художника почти за несколько дней вышло несколько великолепных пейзажей, созданных, казалось, свободными, легкими прикосновениями кисти к полотну: «Парк виллы Медичи», известный еще под названием «Полдень», «Вилла Медичи в Риме» («Вечер»), «Арка Тита». В них нет ни бурь, ни ярких красок заката. Глаз испанца, который свыкся с гаммой красок своей родины, на этот раз не захотел видеть на чужбине другие цвета. На одной из картин вверху сквозь зелень платановой аллеи просвечивает нежными серебристо-серыми тонами небо, поблескивает белизна строения. Среди зелени кипарисов — античная статуя Ариадны. На переднем плане две фигурки в темном одеянии,

костюм одной из них оживлен белым воротником и манжетами. Другая картина: большие темно-зеленые дубы возвышаются над серой балюстрадой — опять холодный мрамор и черно-белые силуэты. Или еще: полузапущенный парк с белыми античными статуями, мерцающая белизна неба, темные силуэты. Небольшим по размерам пейзажам свойственна подлинная монументальность. Художник сумел передать в них неиссякаемые силы, бессмертие и величие природы.

По возвращении на родину маэстро продолжает серию пейзажей. Он пишет «Аллею в королевском саду», «Фонтан в королевском саду». Очевидно, первые пейзажи, несмотря на итальянские сюжеты, были его тоской по родине, а прелесть красок Испании была с особой силой познана именно на чужбине.

Настала пора прощаться с Римом. Неоднократно король Филипп напоминал своему придворному художнику о его обязанностях, торопил великого маэстро с возвращением — он-де ждет его и никому не позволяет писать себя. Один из друзей Веласкеса сообщал, что король крайне раздражен. Нужно было подчиниться. Пришлось возвращаться домой, под своды мадридского дворца, так и не побывав во Франции, куда так хотелось поехать. Прощай, Рим, прощай, Италия, теперь уже, наверное, навсегда!

ИНФАНТА И КУРТИЗАНКА

Король торопил с завершением Эскориала. Мрачный дом Филиппа II требовал к себе постоянного внимания. Под огромным храмом Эскориала, двери которого были открыты лишь для лиц королевского звания, сооружали Мавзолей королей. Усыпальницу строили как раз под алтарем главной капеллы. Пока же мраморные гробы с прахом усопших стояли прямо в церкви. Раз в неделю король Филипп, подчиняясь требованию придворного устава, навещал усопших. И так на протяжении 63 дней. Веласкес часто видел, как его высочество пересекал двор Царей, где чинными рядами стояли изваяния венценосцев. О чем думает он, оставшись наедине с прахом предшественников?

К Эскориалу тянутся вереницы повозок с черным траурным мрамором, яшмой. Суетятся люди, исполняя волю короля. А у маэстро, который по должности наблюдает за работами, не остается времени, чтобы писать.

Иногда ему все же удавалось вырваться на несколько часов в свою тихую Башню Сокровищ. Там в полупустой мастерской его терпеливо ждали неоконченные полотна. На низком арабском столике лежал веер. В минуту задумчивости маэстро брал его в руки и подолгу любовался тонкою искусной рабо-

той. Веер обладал удивительным даром воскрешать в памяти минувшие годы. Кажется, совсем недавно дон Диего увидел его впервые в руках таинственной черноокой красавицы, оказавшейся герцогиней. Мария умерла, оставив о себе на память эту маленькую вещичку. Нет, говорить так несправедливо. Она оставила большее — завещание любить жизнь. Он не видел ее мертвой и потому никогда не мог представить, что ее нет.

Бежали годы, но сердце упорно ждало. Сердце отказывалось стареть.

В один из дней, немного освободившись, Веласкес принялся за портрет молодой королевы Марианны. В мастерскую художника королева приходила со своей падчерицей — Марией Терезией. Они обе были внучками Фердинанда II и Генриха IV. Когда же король Филипп женился на своей племяннице Марианне, сестра стала для инфанты еще и мачехой. Разница лет между ними была невелика, и девочка снизошла до дружбы с молодой королевой. С детства Мария Терезия привыкла считать себя наследницей испанского трона.

Она примерно училась, знала языки. На придворных праздниках ей непременно отводилась роль первой дамы. И девочка, полная чувства собственного достоинства, исполняла ее со всей ответственностью. Умная, грациозная, инфанта явно затмевала свою мачеху. Король относился к своей единственной дочери с нежнейшим вниманием. Но со временем положение инфанты изменилось. Год назад королева родила дочь Маргариту, и внимание родителей полностью было перенесено на нее. Сначала Мария Терезия испугалась перемены, но, поразмыслив, пришла к выводу, что в данной ситуации ей лучше всего занять место шефа при крошке-сестре. Теперь на всех праздниках Марианна и Мария Терезия показывались вместе.

Королева, придя на очередной сеанс, удобно разместились в кресле. На ней в такие дни бывало темно-зеленое платье, юбка которого походила на гигантский колокол. В строгой католической Испании, особенно при дворе, женщинам не разрешалось носить

открытых платьев. Казалось, люди той эпохи делали все возможное, чтобы лишить женщину естественной грации и природного изящества. В истории трудно найти еще время, когда бы костюм так извращал естественную красоту линий. Первоначально идеалом женской моды в Испании была юбка, край которой напоминал букву Д. Над юбкой — тонкая длинная талия и рукава с высокими буфами. Постепенно, начиная с пятидесятих годов, линия костюма изменилась и пошла вширь. Колокол-кринолин округлился и стал похожим на бочку. Длинный жесткий корсет скрывал формы и уродовал талию. Юбка не давала женщинам возможности даже опускать руки. Потому их приходилось держать на весу, в лучшем случае они покоились на этом довольно неудобном сооружении рядом с часами, драгоценностями и другими украшениями. Веласкеса буквально выводил из себя такой наряд. Но это еще не все! Не остались равнодушными люди и к волосам. Совсем недавно они были натуральными — иссиня-черными или, в крайнем случае, их красили в рыжий цвет. Прическа лоб оставляла открытым. Теперь мадридские модницы додумались до того, что над лицом, густо покрытым румянами, возвышалась целая башня из перьев, лент и всевозможных украшений. На голову вдобавок стали надевать парики из шелковых нитей с вплетенными туда кружевами и жемчугом. Придворные дамы тонули в своих нарядах. Как можно было их рисовать в таком виде? Маэстро старался вознаградить себя за это безобразие новыми комбинациями тонов. Световые эффекты позволяли выделить лицо модели, но спасти фигуру не могло ничто. Тогда Веласкес нашел выход: он изобразил королеву верхом на лошади, по крайней мере не нужно было писать уродливое платье.

Королева и инфанта очень походили друг на друга. Рожденные от брачных союзов, чрезвычайно близких по крови, они носили на своих лицах печать вырождения, которую отчетливо можно проследить по портретной галерее Габсбургов. Роднили их не традиционные позы, а бледность маловыразительных лиц,

не общие черты, а печаль и тоска широко раскрытых глаз. Маэстро не жалел красок для их портретов. Ткань на туалетах дам приобретала такую естественную окраску, что ее хотелось потрогать. Но оживить бледно-розовые, словно фарфоровые, лица моделей не могла даже столь гениальная рука. Кисть была послушна воле гения, лгать она не умела. Веласкес писал своих королей и инфант такими, какими видел.

Работы в Эскориале подходили к концу. Теперь была очередь за перестройкой Альказара. Король по-прежнему торопил маэстро. Ведь недаром же он в знак особого расположения, вопреки мнению всех членов Королевского совета, назначил его еще 16 февраля 1652 года на должность гофмаршала.

Дома дон Диего совсем не бывал. Хуан Пареха, неотступно следовавший за ним повсюду, диву давался, где берет его хозяин силы писать. Веласкес работал с колоссальным напряжением. Серия карликов и дворцовых шутов, которую он начал еще до поездки в Италию, была завершена. Рядом с хромоногим стариком Хуаном Австрийским занял свое место в длинном ряду Антонио Англичанин. Он был изображен в парадном английском мундире со шляпою в руке, украшенной пышным белым плюмажем. Рядом с ним стоял громадный дог. Дальше шел портрет дурачка Эль Бобо из Кории. Жалкий идиот забился в самый угол комнаты. Во всей его беспомощной, угловатой фигуре чувствуется растерянность. Улыбка, похожая больше на нервный тик, кривит и без того кривое уродливое лицо. Косые глаза словно пытаются остановиться на предмете, но расстроенный ум не в силах понять происходящего вокруг. Во всем облике Эль Бобо звучит немая мольба оставить в покое несчастного. Подобное же чувство вызывал и уродец из Вальекаса — Франциско Лескано, бывший некогда игрушкой у принца Балтазара. Гордо выпятив грудь, стоял королевский шут Кристабель де Перния. Особенно комичным он был во время боя быков. Выбегая на пласа де торос — площадку, где происходил бой, он дразнил мулетой и без того разъяренное животное. Когда бык бросался на него, Кристабель резко по-

ворачивался и заглядывал буравчиками своих жутких глаз в глаза преследователю. Тот останавливался, словно загипнотизированный, а потом бежал прочь от бешеного шута под неистовый свист трибун. Собрание полотен с изображением труанес было не только своеобразным, но и уникальным. Один Хуан да дон Фуэнсалида, пожалуй, знали, сколько выстрадал над ними маэстро. Великий гуманист хотел поведать людям через века об ужасной доле горьких калек, о великой обиде несчастных. Он, любивший в мире одну лишь красоту, преклоняясь перед ней, писал в назидание потомкам вещи, прямо ей противоположные. Проще было бы закрыть на них глаза, но тогда бы он не был Веласкесом.

«Интересно, сколько цветов вмещает в себя пожар заката?» — думал маэстро, глядя на рубиновые розы, вырастающие на фоне серых холодных облаков. Его небольшой экипаж выехал далеко за околицу Мадрида. Возница не подгонял лошадей, и усталый Веласкес мог спокойно любоваться красками уходящего на покой дня. За экипажем слышался стук копыт, и вскоре с маэстро поравнялись два всадника. Маркиз де Аро низким поклоном приветствовал Веласкеса.

Маркиз, извинившись за нарушение одиночества, заговорил о том, что они с доньей Анной увидели экипаж маэстро еще у околицы. Соблазн был велик, и они пустили коней вскачь. Вина же за все полностью ложится на его спутницу, шутливо закончил маркиз. Веласкес улыбнулся им в ответ. Он вовсе не сердится, скорее даже рад видеть маркиза. А в наказание за шалости просит представить его даме.

Сеньора наклонилась к маэстро из седла так низко, что он почувствовал тонкий запах, исходящий от ее одежды.

— Маэстро Веласкес, перед вами Анна Дамиани.

Бог мой! Знаменитая танцовщица Дамиани! Маэстро даже чуть привстал со свдего места. Она же опять ровно сидела в седле, улыбаясь, польщенная его удивлением.

На донью Анну, слегка прищурясь, смотрели глубоко

кие внимательные глаза. Кудри Веласкеса, оставшиеся черными, несмотря на его возраст, кольцами ложились на строгий белый воротник. Актриса вдруг почувствовала озорное желание накрутить их на палец... Вслух она произнесла, что считала бы честью, если бы маэстро захотел посетить ее скромный дом.

Маркиз де Аро горячо поддержал ее.

Они обменялись поклонами, и через минуту стук копыт умолк за поворотом дороги.

Вокруг, пожалуй, ничего не изменилось. Заботливый ветерок кутал маэстро в плащ. Стало немного темнее. Веласкес не заметил, как лошади понеслись вскачь.

До этого вечера ему не приходилось видеть сеньору Дамиани. Он только слышал о ее необыкновенном мастерстве. Актриса во многом отличалась от женщин его круга. Прежде всего в ней не было той наигранной скромности, которую напускали на себя дамы двора. Женщина без предрассудков, она вызывала у них раздражение, зависть, а нередко и ненависть. Ей мстили за совершенную красоту, за необыкновенный талант, за гордость. Презрительное «куртизанка» следовало за нею повсюду. Но нужно было быть доньей Анной, чтобы подняться над всем этим шипящим сбродом, перешагнуть через болото клеветы и остаться такой же гордой, независимой, веселой. Для этого тоже необходим талант. Маэстро слышал о ней немало рассказов, но стоило ему однажды ее увидеть, чтобы понять всю несостоятельность небылиц. К таким, как донья Анна, не приставали наветы. Он вспомнил ее прекрасные волосы, чуть растрепанные ветром. В душе шевельнулась волна теплого чувства. Анна не носила парика. Роскошные волосы были уложены на затылке в простой греческий узел, что придавало лицу выражение строгости, свойственное лишь древним богиням.

Святая мадонна! Как не заметил он сразу, она действительно походила на мифическую Венеру, только с чертами настоящей испанки.

В доме актрисы, расположенном возле самой реки, Веласкес встретил маркиза Гасифа де Аро. Мар-

киз торопился нанести перед отъездом в Андалузию визиты и потому вскоре оставил их вдвоем: Донья Анна пригласила художника в маленький внутренний дворик, очаровательное патио, так напомнившее ему детство. Обычно молчаливый, маэстро и теперь совершенно не знал, с чего ему начать разговор с мало-знакомой женщиной! Она же, казалось, не испытывала ни тени смущения, ощущая на себе внимательный, долгий взгляд.

— Я давно хотела познакомиться с вами, дон Диего. Однажды в ваше отсутствие, — она поправила себя, — когда вы были в отъезде, я была в вашей мастерской.

— Что же вы там нашли? — в голосе маэстро звучала ирония.

— Да я ничего и не искала, — быстро перебила она. Брови ее дрогнули, изогнулись наподобие тугого лука, потом разом опустились, словно выпустили стрелу. — Я актриса, и мне было интересно увидеть, что есть за кулисами у тех полотен, которые сумели привести меня в трепет. Когда я на сцене, меня видят только актрисой. Но никто не видит меня человеком, который прежде, чем достичь совершенства в танце, испытал великую муку творчества. Я хотела без вас заглянуть в вашу муку.

— Мне тоже хотелось бы заглянуть в вашу мастерскую, донья Анна...

Она согласилась без тени кокетства.

— Я станцую специально для вас.

Она хлопнула в ладоши. Откуда-то из-за кустов жасмина зазвучал чистый гитарный перезвон. Сеньора поднялась. Миг — и шелковый восточный халат, в котором она принимала гостя, с шелестом упал к ее ногам.

Сначала танец был медленным и плавным. Постепенно ритм его участился. Перед зачарованным маэстро возникла бурная, пламенная ола. От танцев, виденных им до сих пор, этот отличался тем, что его танцевала настоящая актриса...

А она уже опять сидела напротив него, кутаясь в свой халат, когда он пришел в себя. Говорить не хо-

телось. Да разве нужны двум художникам слова, чтобы понять друг друга?

Все последующие дни Веласкеса преследовала мысль написать донью Анну. Она так и просилась на полотно. Но можно ли в их ханжеской Испании рисовать нагую женщину! Уже не единожды обращались художники к церкви с просьбой на разрешение. Но духовенство, это государство в государстве, накладывало запрет. Грешное и осужденное человеческое тело ни в коем случае не должно воспроизводиться кистью, гласили суровые принципы христианского аскетизма.

Как бы там ни было до сих пор, но маэстро решил добиться своего. В длинной речи, подготовленной специально для его величества, художник рассказал Филиппу IV о полотнах европейских художников, на которых изображались Венеры. Маэстро уже твердо знал, что будет писать именно Венеру. Король согласился на такую тему неожиданно легко и взялся сам уладить дело, если святой инквизиции это вдруг придется не по вкусу.

За излюбленную тему венецианцев Веласкес взялся не потому, что ему хотелось помериться силой с художниками, писавшими до него. Он и не думал писать Венеру так, как писали ее Тициан и Рубенс. Его соблазняла прежде всего возможность первым из современников-испанцев изобразить запретную наготу. Он был великим художником и не боялся, что его обвинят в подражании. Его Венера будет необыкновенной женщиной, не тициановской итальянкой, не рубенсовской голландкой, но прежде всего испанкой.

Ни донья Анна, ни маэстро, к которому словно возвратилась молодость, не замечали полета времени. Хуан, которого не допускали во время сеансов в мастерскую, только сокрушенно качал головой. Преданный всем сердцем своему гениальному господину, он боялся за него. А вдруг повторится то из прошлого, что сейчас белым веером покоилось на арабском столике в мастерской?

Картина была почти окончена. В нее художник вложил столько труда, душевной теплоты и мастер-

ства, что мифическая Венера ожила, став просто юной обнаженной женщиной. Ее гибкое тело, мастерски вписанное в продолговатое полотно картины, было расположено в непринужденной позе, спиной к зрителю. Изящны и мягки прекрасные пропорции тела, которые при всей своей обаятельности лишены идеализации. Обаяние молодого тела в естественной и здоровой грации. Располагая Венеру спиной к зрителю, маэстро словно предлагал самим догадаться, какое у нее лицо.

Но ведь неизвестно, какие глаза будут смотреть на его Венеру. Сумеют ли они домыслить ее лицо таким совершенным, каким видит его он?

Тогда художник поставил перед Венерой зеркало. Из полумглы зеркальной глади на маэстро глядело продолговатое милое лицо испанки (его испанки!) с мечтательными глазами.

Краски полотна, необычайно мягкие, пели нежную песнь красоте богини. Торжественно-приглушенно звучала красная драпировка, на фоне которой выступало розовато-белое, нежное и хрупкое тельце амура, пути, державшего перед Венерой зеркало. Удивительно свободно гармонировало с нежно-золотистым теплым цветом кожи женщины зеленое покрывало, на котором она лежала. Серебрились выглядывавшая из-под него белоснежная простыня и бело-перламутровая ткань, дымкой белевшая у бедер.

Гордая головка с собранными на затылке в греческий узел волосами покоилась на полусогнутой руке. Волосы, темно-коричневые, с блестяще-золотистым отливом, готовы были в любую минуту рассыпаться и заструиться вдоль руки волнующим каскадом волн. Лучше написать было невозможно.

...Друзья, которых маэстро пригласил посмотреть свое новое полотно, долго сидели молча. О, «Венера» еще наделает шума! Каждый из них отлично знал, что будут говорить о картине при дворе. Беспечный маэстро сейчас так увлечен доньей Анной, что ему нет дела до людской молвы.

Но где же все-таки он сам?

Пареха казался явно смущенным.

— Он поехал с доньей Анной в горы... Она уезжает из Испании.

Слова «она уезжает» никак не могли уложиться в голове Веласкеса. Еще несколько дней назад Анна строила планы поездки в Севилью. Он представлял, как будут бродить они улицами города юности...

Теперь ничего этого не было. Все теряло всякий смысл, когда он начинал думать — «она уезжает». Судьба оказалась к нему жестокой, послав любовь в возрасте, на который снисходительно улыбается молодость. Но что может остановить человека, который слишком долго искал? Разве виновен он в том, что пришла она на закате, ожидаемая на заре?

Трудно верить в реальность таких вещей даже самому, не то что людям, тебя окружающим. Но все же почему не хотят допустить, что душа твоя выбирает ее одну из всех остальных не только потому, что она молода? Она уходит. Что сможет заменить ее в жизни?

«Святая мадонна! Я благодарю тебя за нее. Молодость бывает жестокой к нам, долго жившим. Прости ей. Об одном молю тебя — продли этот день...» Пожалуй, так горячо дон Диего никогда не молился. Прав был отец Саласар — молящемуся не нужны храмы.

Анна уезжала завтра. Оставалось все, кроме нее: сколько раз в жизни ему приходилось произносить это слово — «прощай»?

— Маэстро! — голос доньи Анны звенел. Она стояла от него на расстоянии шага. Белое платье делало ее совсем девочкой, а опустившийся на плечи плащ походил на огромные сложенные крылья. — Ваша куртизанка, маэстро, уезжает...

Он шагнул ей навстречу. Ее руки встретили его и легли на плечи. Гибкие пальцы перешагнули грань упругих кружев воротника, впелись в кольца его волос. Веласкес взял ее руку в свои и поцеловал. На ладонь скатилась слеза, похожая на каплю, росинку. Единственная.

— Я не мог ничего обещать тебе, девочка...

Ладонь легла на его губы.

— Вы дали мне все, и я счастлива. Видит мадон-

на, я боюсь не за себя. Выход один — уехать. Завтра все связанное со мною станет для вас прошлым. Сегодня же вы должны чувствовать, что я здесь.

Радость, как и горе, чувства всеобъемлющие. Как же уместиться им в сердце, маленьком живом комочке?

Наступило самое страшное — для художника померкли краски. На ум приходили слова цыганки Милагры — «ты еще не раз узнаешь слезы горечи от любви». Писать не хотелось. Он казался больным и сразу постаревшим. Вечерами они с Хуаном ходили гулять. Безучастный ко всему, он брел своими излюбленными тропками к реке. Там, усевшись на лобастом валуне, часами глядел на воду.

«Венера», вопреки опасениям, нравилась всем, особенно пришлась она по вкусу его величеству, который унаследовал от своего деда страсть к мифологическим сюжетам.

Когда ее повесили в Зеркальном зале Мадридского Альказара, сам великий инквизитор Диего Арсе-и-Рейносо высказал желание посмотреть картину Веласкеса. Рассказывали, что старик долго оставался один на один с полотном, а потом прошел в покои короля. О чем говорили между собой Филипп и великий инквизитор, навсегда осталось тайной. Картина же по-прежнему висела в Зале Зеркал, только туда сеньор Рейносо больше никогда не приходил.

Как земля после долгой зимы, медленно возвращался Веласкес к жизни. Его солнышком стала крошка-инфанта, любимейшая дочь короля Филиппа.

Маленькая белокурая Маргарита была очаровательным ребенком. Однако мать относилась к ней сдержанно. Она ожидала рождения сына, наследника, девочка не входила в ее планы. Многочисленная свита двора быстро переняла тон королевы-матери, и с колыбели малютка не получала большего, чем внимательное равнодушие. Крошечная, бледная, скованная неуклюжим платьем, обязательным для принцессы с момента, как только та стала на ноги, Маргарита печально ходила огромными пустыми залами дворца.

Дон Диего однажды уже писал девочку. Ей тогда едва исполнилось три года. Инфанта стояла у стола на громадном восточном ковре. Краски пестрого ковра и серебристо-розового платья искрились и радовали глаз. Пело и сердце маэстро. Рядом находилась донья Анна, и душа Веласкеса отказывалась принимать что-либо, кроме радости. Теперь она уехала. Горе и внезапная усталость недугом сковывали руки.

Миновав открытую галерею, маэстро шел к себе в мастерскую. После многих дней абсолютного безделья к нему пришло горячее желание взяться за кисть. Внезапно дон Диего остановился. За балюстрадой, всего в нескольких шагах от себя, он заметил короля. Филипп сидел на скамье, одинокий, стареющий. Перед ним стояла девочка. Ее розовое, затканное серебром платье, оттененное черными кружевами и темными драгоценными камнями, гармонировало со строгою чернотой костюма короля. Веласкес отметил это про себя сразу. Ведь он был художником. Как преобразился король, оставшись наедине с дочерью! Сейчас он казался обыкновенным человеком, которого злая судьба наградила бременем непосильной власти. Даже самому себе он не признавался в этом из гордости, хотя чувствовал, как с годами убывают силы. Перед инфантой таиться было нечего, здесь король позволял себе быть человеком. Два по сути несчастных существа мирно беседовали о каких-то делах, касающихся только их двоих. Умудренный жизнью отец давал наставления дочери, и та принимала их с доверчивостью любящего ребенка.

Веласкес хотел уйти незамеченным, но король обернулся и подозвал его.

— Мне бы хотелось видеть инфанту такой всегда, — сказал Филипп маэстро. — Она быстро растет, ты же напиши ее сегодняшнюю. Пройдут годы, Маргарита наденет корону, ей к лицу будет любая из европейских, но я хочу ее помнить милым ребенком.

У маэстро инфанта чувствовала себя свободно. Под любым предлогом из мастерской отсылались дуэньи — строгие дамы-воспитательницы, следившие

за каждым шагом девочки. Менины * не мешали. Девушки стайкой усаживались на диване и болтали без умолку. Предоставленная сама себе, инфанта могла подолгу говорить с чистосердечным и приветливым маэстро.

Лицом девочка походила на отца и мать. Это было фамильное сходство всех Габсбургов. Но вместе с тем в ней чувствовалось что-то свое, особенное. Инфанта росла лишенным детства ребенком. Первым словом, которое она начала понимать, едва выучившись говорить, стало слово «нельзя». Быстро бегать — запрещено, громко смеяться — неприлично. Придворный этикет, как и неуклюжие платья, сковывал все желания, гасил огонек любознательности. Маэстро, чем мог, веселил девочку. Маргарита за доброту, за сказки о рыцарях и добрых феях платила ему глубокой привязанностью.

Один из очередных сеансов был прерван приходом дона Веллелы. Веласкеса, находившегося в добром расположении духа, угрюмый вид друга удивил.

— Мне не хотелось бы портить тебе день, Диего, — начал издали дон Хуан, — но лучше об этом ты узнаешь от меня... Твои «друзья» никак не успокоятся. По дворцу сейчас гуляет эпиграмма на «Венеру». Ее автор — Габриэль Боканхела, как мне удалось установить.

— Что же в ней? — спросил, не прерывая работы, маэстро.

— На мой взгляд, она стоит немного, даже смысл ее не особенно ясен, тем не менее повторяют ее все.

Ты Анны властные глаза
Сумел изобразить так живо,
Что наши очи обманул.
Неповторимую унизил красоту
Ты тем, что, повторив натуру,
Еще одну богиню сотворил.

— Только-то и всего? — улыбнулся Веласкес. — Мне оказана величайшая честь, вслушайся только в мелодию слов... как там? «Повторив натуру, еще одну богиню сотворил». Превосходно!

* Молодые девушки-аристократки, фрейлины при инфанте (португ.).

РЫЦАРЬ ОРДЕНА САНТ-ЯГО

Они не шли, а почти бежали. Привратники Альказара с удивлением взирали на развевающийся плащ обычно спокойного маэстро. На их вопросительные взгляды Пареха только рукой махнул — некогда. Наконец они достигли мастерской. За дверью слышался шум. «Ну, конечно, он опоздал. Их величества сегодня намеревались позировать ему. Король с королевой уже ждут, а он расхаживает по городу!»

Картина, которую он увидел, переступив порог, поразила его. Даже очень опытный маэстро не смог бы построить такую великолепную классическую композицию.

На низеньком диванчике у стены разместилась королевская чета. Перед нею, в самом центре мастерской, стояла маленькая инфанта. Ее менины сутились возле. Миловидная, бледная, с тонким профилем донья Мария Агостина Сармиенто протягивала девочке стакан, наполненный водой. Графиня Исавелия Веласко, само воплощение грации, поправляла ей на платье бант. Справа от этой группы расположились уродливая, большеголовая карлица Мария Барбола и Николазито Петрусато. У их ног разлегся громадный дог, которого карлик изо всех сил старался сдвинуть с места. В глубине комнаты чинная, строгая Мария Марсела де Уллоэ что-то ти-

хо говорила придворному кавалеру, сопровождавшему дам двора.

Дверь в противоположном углу комнаты отворилась, и, придерживая штору, в дверном пролете показался гофмаршал королевы дон Хозе Нието. Святая мадонна! Что стало с картиной! Новый источник света преобразил ее. Влившийся в комнату свет заставил краски заиграть.

Веласкес теперь знал, какую картину он хотел написать все это время. Ему давно надоело писать парадные портреты, где люди, скованные условностями этикета, старались походить обязательно на необыкновенных и великих. Теперь он напишет картину, которая приподнимет занавес над интимной жизнью королевской семьи. В этом и будет заключаться смысл будущего полотна.

Все последующие дни Веласкес писал своих «Менин». Первоначальный замысел был несколько изменен. Маэстро вынес короля и королеву за грань полотна. Возле двери с фигурой гофмаршала он написал зеркало. Из его мерцающей глади чуть проглядывали отражения их величеств. Это была находка! Художник нашел способ связать действие картины с реальностью настолько, что каждый, кто видел ее, невольно ощущал себя персонажем. Возле инфанты маэстро написал свой портрет. Иллюзия жизненности достигалась живописными средствами. Краски, брошенные на полотно легко и свободно, создавали впечатление объемности и глубины.

Много хлопот доставила маэстро фигурка его любимицы Маргариты, которой он старался придать побольше жизни. Нарядное платье-колокол делало девочку неповоротливой. Как же передать то ощущение нежности, поэтичности, которое охватывало его каждый раз при взгляде на принцессу? Краски оказались верными друзьями и здесь: их волею прозрачная кожа нежного личика инфанты чуть порозовела, белокурые волосы заблестели, обрели легкость, словно приподнятые дуновением внезапно подувшего в комнате ветерка. Изысканные красочные гармонии сделали Маргариту прекрасной.

Картина жила, а маэстро все еще продолжал работать над ней. Не давал покоя еще один персонаж картины — он сам.

Сначала маэстро вовсе и не думал писать себя. Но обстоятельства сложились так, что он, решительно отодвинув в сторонку группу инфанты, принялся за свое изображение. Причин для этого было больше чем достаточно.

В последнее время Веласкес все явственнее стал замечать, что при дворе, который, казалось бы, ему все-таки удалось покорить мастерством, относятся к нему недостаточно учтиво.

Придворные, восхваляя его талант, однако не забывали снисходительной улыбкой напомнить: его величество волен делать все, что хочет, но мы не видим в тебе аристократа. Как и много лет назад, честь его оказалась задетой. Жалкие ханжи, недостойные мыть его палитру, плели несусветную чепуху о незнатном происхождении маэстро. Сплетни, дразги, мелкая зависть приносили ему немало унижений. Нужно было найти выход и заставить любителей чесать языки умолкнуть, и на сей раз — навеки.

Друзья посоветовали маэстро ходатайствовать о принятии его членом почетного рыцарского ордена Сант-Яго. Мысль была блестящей. Кавалером ордена, согласно его уставу, мог стать только дворянин, генеалогическое древо рода которого уходило корнями в глубокую древность. Еще в Севилье дон Диего знал назубок свою родословную. Его предки были отважными рыцарями — настоящими дворянами. Пусть в сравнении с другими именами его имя звучит недостаточно громко, но все-таки. Жребий был брошен. Друзья ходатайствовали перед королем, и документы были отправлены в капитул ордена Сант-Яго на рассмотрение.

Дни складывались в месяцы, а ответ не приходил. Оставаясь внешне равнодушным, маэстро потерял покой и сон. Наконец в один из дней человек в черной сутане принес в Башню Сокровищ огромный конверт, сплошь покрытый печатями ордена. Ко-

миссия ордена, опираясь на Правила ордена Сант-Яго, вынесла приговор: дон Диего де Сильва-и-Веласкес не может стать кавалером ордена. Далее следовали объяснения почему и перечень глав, под которые не подходили присланные документы.

Дон Веллела хорошо знал все Правила приема, утвержденные в Толедо еще в 1560 году. Ни одну из статей Правил обойти было нельзя. Тогда он решил предложить Веласкесу начать дело опять с самого начала.

Был ли в этом смысл? Несомненно, он уже был в том, чтобы доказать свою правоту зазнавшейся аристократии.

Они требовали доказательства чистоты происхождения, и это в Испании, где все давно перемешалось: кровь иберийцев, басков и кельтов, финикийцев, римлян и вандалов, иудеев, готтов, арабов и берберов. Дон Веллела предложил другу поднять церковные книги и на основе записей установить родословное древо. При этом он не удержался от шутки, сказав, что начинать надо от Адама.

Веласкес не соглашался. Для этого нужны большие деньги, а их не было. И тут, как всегда в трудные минуты, выручил дон Фуэнсалида. Он предложил необходимую сумму.

Друзья приступили к делу. Первым надлежало развеять сомнения относительно происхождения бабушки Веласкеса со стороны матери, почтенной доньи Каталины Веласкес-и-Буэн-Ростро-и-де-Сайас и доказать, что имя это достаточно аристократично... Далее дело обстояло сложнее.

Глава V Правил гласила, что нельзя считать настоящим идалго лиц «низших званий», то есть людей, которые занимаются «низким и механическим делом».

В письме капитула была фраза: «Всякий ювелир, или живописец, который этим занимается, как своей профессией, всякий вышивальщик, резчик по камню (то есть скульптор)... и другие подобные им, кто живет работой своих рук...»

Необходимо было доказать, что к дону Диего это ни в коей мере не относится.

До позднего вечера совещались друзья. План действия был выработан.

Прежде всего маэстро написал в комиссию при капитуле ордена пространное письмо с объяснениями. Он клятвенно уверял, что его работа не является для него источником, дающим средства к существованию. Далее пришлось признать, что живопись, составлявшая по сути его жизнь, «простое развлечение», а картины, написанные по велению сердца, окрестить «рисованием, созданным исключительно для удовольствия его величества». Горькая ирония судьбы! В письме Веласкес обращал внимание высоких судей на то, что только знатное происхождение открыло ему двери королевского дворца, а в обществе он достиг высокого положения благодаря личным качествам. Маэстро предлагал вызвать свидетелей из Севильи и даже Португалии, которые бы доказали его происхождение. В числе их назывались имена друзей — Франсиско Сурбарана и Алонсо Кано. К письму прилагалась справка из канцелярии двора, где значилось, что дон Диего Веласкес получал жалованье по занимаемым придворным должностям и картин своих не продавал.

Дон Веллела посоветовал еще раз обратиться за содействием к королю. Ведь его величество говорил, что одяение кавалера ордена Сант-Яго очень будет к лицу Диего. Добрый друг, оберегая Веласкеса от лишних волнений, ни слова не сказал ему о письме какого-то иезуита, случайно или преднамеренно подсунутого в дела Совета. Там были такие строки: «Веласкес надеется на то, что, так же как Карл V Тициану, однажды король пожалует ему титул графа или маркиза...» Жалкие интриганы пользовались случаем уколоть самолюбие маэстро. Но на сей раз их стрелы пролетели мимо цели.

Пока в капитуле ордена возобновляли дело, художник работал, он писал групповой портрет членов королевской семьи. Немного поразмыслив, Веласкес решил поместить на полотне и свой автопорт-

рет. Это был своеобразный вызов обществу. Кто еще мог осмелиться на это, кроме приближенного его величества?

Годы мало что изменили в облике маэстро. Он остался таким же стройным, худощавым, красивым. Пожалуй, только в уголках глаз, чуть прикрытых густыми черными ресницами, притаилась усталость. Веласкес писал себя во весь рост. На полотне он стоял в строгом придворном костюме. В такой одежде трудно работать, она сковывает движения, но не мог же маэстро писать себя в рабочей блузе, когда все вокруг только и пытались выяснить, кто же он наконец: идальго, достойный чести носить крест Сант-Яго, или просто художник? Что бы маэстро в эти дни ни делал, его всюду преследовали слова из насмешливой песенки Сервантеса:

Limpieza, limpieza
Gran burrada y tarpeza *,

написанной им по поводу принятых в стране «Статутов чистоты». Может он действительно даром затеял всю эту историю с орденом? Нет, раз взявшись за дело, доводи его до конца.

В Альказаре Веласкес старался бывать как можно реже. Двор, внимательно следивший за делом приема маэстро в кавалеры ордена, надоедал ему лжесочувствием. К тому же у него был подходящий предлог не показываться во дворце и на приемах. Для королевской библиотеки нужно составить доклад с описанием картин, закупленных для Эскориала. На эту работу уходила масса времени. Тщательно изучая картины, маэстро описывал их достоинства и художественную ценность.

За таким занятием и застал его в Башне Сокровищ гофмаршал королевы дон Хосе Нието.

— Я видел «Менин», маэстро. Ты знаешь, мне часто по долгу службы приходится бывать в мастерской ковров и гобеленов. Наши искусницы вышивают декорации для театра. Ты бы только посмотрел, что

* Очищаться, очищаться.
Все ослы к тому стремятся (исп.).

это за искусство! Деревья и цветы совсем как живые. Но когда я взглянул на «Менин», то был сражен. Шелк и серебро — ничто по сравнению с твоими красками — прозрачными и непрозрачными, густыми и жидкими, с таким непревзойденным мастерством нанесенными на полотно. Словно в жизни сверкает атлас парадных одежд! Полная иллюзия реальности! Как такое может создать человек?

Он помолчал, молчал и взволнованный маэстро.

— Хочу предложить тебе совершить небольшую прогулку, — проговорил, наконец, дон Нието, — недавно на дворцовые мануфактуры, что на улице Аточа и на Санта-Исабель, привезли из королевской коллекции на реставрацию новую партию гобеленов. Диву даешься, глядя на ковры из знаменитой серии «Метаморфоз». Тебе, маршалу дворца, хорошо было бы осмотреть это хозяйство.

Мануфактура на Санта-Исабель была построена недавно. Управлял ею голландец Гоетенс. Здание поражало своими размерами. Еще у входа Веласкеса и дона Нието встретил характерный звук — легкое жужжание сотен прялок.

В поисках Хуана Альвареса, руководителя реставрационных работ, они прошли несколько больших комнат, сплошь заваленных коврами. Гобелены живописными кучами лежали у стен. Некоторые уже были натянуты на подрамники. Ковры работы фламандских мастеров отличались изяществом и большим вкусом, испанские поражали живостью красок и динамичностью сюжетов. Все вместе они представляли собой редкую коллекцию. Недаром знатоки считали, что она у испанских королей богатейшая в мире. С ковров на сновавших возле них мастеров смотрели древние боги и герои. Их развевающиеся одежды были так мало похожи на скромные платья работниц, хлопотавших у ниточных клубков... На Веласкеса от этой трудовой обстановки повеяло чем-то забытым. Опять вспомнилась Севилья.

Люди, населявшие город его юности, были в своем большинстве вот такими же простыми испанцами. Старый Родриго, танцовщица Марианнелла, гру-

стный корсиканец — продавец воды... Время в своем беге через года оставило их образы далеко позади. Теперь они возникали снова, только выглядели иначе.

В одной из темноватых зал дон Нието разглядел в толпе, стоящей у гобелена, мастера Альвареса.

— Дон Хуан, — обратился он к нему издали, — мы потратили на ваши поиски полдня. В этом царстве нимф и фей легко заблудиться без проводника.

— Уважаемые сеньоры должны меня простить. Сегодня к нам пожалуют фрейлины ее величества. В одной из комнат мастерских мы устроили выставку ковров. Приготовления заняли у меня массу времени, дон Хосе. Они будут с минуты на минуту. Прошу вас последовать за мной.

Они пересекли коридор и вошли в большую залу. Передняя ее часть, слабо освещенная, была мастерской. Здесь шла обычная трудовая жизнь. На глинобитном полу, загромождавая проходы, лежали кучи шерсти, клубки разноцветной пряжи. По всей мастерской в удивляющем беспорядке были расставлены дощатые скамьи, на которых разместились работницы. Занятые своим делом, они не обращали никакого внимания на вошедших. Очевидно, такие посещения были частыми. Каждая из женщин выполняла свою долю работы. Пожилая пряжа пряха. Из-под ее пальцев бежала бесконечная тонкая нить. Молодая девушка, стараясь навести в хаосе порядок, складывала у стены мотки. Две женщины наматывали на станину готовые нитки.

Маэстро перевел взгляд в глубь комнаты. Там было что-то наподобие сцены. Ярко освещенная, словно залитая светом, эта часть комнаты в сравнении с мастерской казалась каким-то дивным царством. Такое ощущение усиливали ковры, развешанные на стенах.

Один из них был особенно хорош. Маэстро он понравился еще издали — серебристо-серо-голубым фоном. На светло-ультрамариновом небе, составляющем верх ковра, плавали белые облачка и стремительно летели куда-то бледно-розовые амуры. Под небом простиралось уходящее за горизонт море. По

нему, рассекая волны, неся круторогий бык с женщиной на спине.

Еще не веря себе, Веласкес сделал несколько шагов вперед. Так и есть, тициановское «Похищение Европы». Белый бык, несомненно, Юпитер, мчащийся к себе дочь финикийского царя, красавицу Европу. Испуганная женщина одной рукой ухватила за бычий рог, а другой пытается удержать раздутый ветром розовый плащ. Ее пышные рыжеватые волосы, увитые белой лентой, растрепались, пряди рассыпались. Только теперь, вдоволь насмотревшись на исполненное в ковре детище Тициана, он обратил внимание на передний план ковра. Здесь друг против друга стояли две женщины. Античные одежды выдавали в них мифических героинь.

— Сеньоры, очевидно, знают миф об Арахне, который так искусно описал Овидий в своих «Метаморфозах», — пояснял Альварес. — На ковре изображены богиня Афина и ее земная соперница Арахна; фоном служит созданный Арахной ковер, — здесь мастер хитро улыбнулся, — мы его позаимствовали у Тициана. Вряд ли наша героиня, даже соревнуясь с богами, создала бы что-либо лучшее.

Прекрасной была работа ковровщиц. Веласкес внимательно присматривался к редкому богатству красочных сочетаний. Нити, искусно переплетаясь, составляли зрителя воспринимать их единым целым — картиной.

Арахну, прекрасную мастерицу тканей, маэстро знал по поэме своего любимого Ариосто, по стихам Данте, Тассо, Шекспира. Но в облике, созданном ковровщицами, было что-то и свое, особенное. Может, они видели в ней родоначальницу их рода, гордую, непокорную небесам, земную Первую Ткачиху? Как бы там ни было, Арахна была необыкновенна.

Ее наряд составляли свободная белая одежда с голубой лентой через плечо и коричнево-оливковый плащ, падающий струящимися складками. У пояса виднелся край выбившейся из-под плаща розовато-оранжевой ткани. В облике стоящей перед Арахной

Афины чувствовалась неподдельная злость. Блестящий шлем богини съехал на лоб, плащ отброшен в порыве поднятой рукой. Сейчас прозвучат слова проклятья... «Нужно будет перечитать миф», — подумал дон Диего. В этот момент дверь справа, ведущая на площадку-сцену, отворилась, и в комнату вошли дамы. В поток сверкающего света впорхнули яркие краски, заискрились, заиграли.

Сама природа дарила художнику сюжет, и такой жизненный. Два мира волею судьбы встретились в стенах мануфактуры.

Здесь была Испания, но четко разграниченная. Одна из них забрала себе все: светлые Альказары и музыку, изысканные наряды и чистоту, благоухающие цветы и удобную мебель, ковры. Испании нужны и труда остались грубые скамьи и убогие полутемные дома, вот эти небрежно обструганные станины для наматывания ниток и крестовины для кудели... Они стояли друг против друга — простота и напыщенность. Но ведь те, из сказочного мира, пришли сюда поклониться изумительному искусству, рожденному, как по волшебству, трудом простых мастериц? Значит, есть нечто, чего отнять они не в силах? Имя ему труд, поднимающийся до высот искусства!

Жаль, нет красок под рукой. Начать бы писать сейчас же этот кусочек придворного быта, сопоставив изысканность с убожеством полутьмы мастерской, с хаосом из хлопьев шерсти, обрывков ниток...

Он уже ясно представлял себе это полотно. Пожалуй, его композиция будет напоминать латинское «U», как в «Бреде» и «Менинах». Он напишет... четыре картины в одном полотне. Фоном всему послужит ковер со сценой соревнования Афины Паллады с Арахной. Это решено. Пожалуй, расположение фигур на ней он несколько изменит, дав им новую трактовку. Только подражать Рубенсу и его «Палладе и Арахне», что висит сейчас в мастерской старого Альказара, он не будет. «Похищение Европы» нужно скопировать точнее, ведь оно есть в Прадо. Мир теперешнего Олимпа он напишет нарядно-праздничным. Таким, как увидел его. Там, на своеобразных

подмостках, он соберет идеальное общество — королевских фрейлин. Все, что их окружит, будет иметь непосредственное отношение к искусству — прекрасной работы гобелен и мебель, платья и даже виола. Потом он напишет мастерскую. Картина о труде! Что может быть лучшей отповедью предрассудкам о «чистоте крови» и знатности! Пусть шипят преподобные кавалеры ордена о благородстве тех, чьи руки не утруждает работа. Какая несправедливость! Руками тружениц-ткачих созданы сказочные ковры. Стоит ли спешить отречься от мира труда, дающего человечеству все блага, мира ремесленников, создающих Искусство? Маэстро знал, что его будущая картина потребует колоссального напряжения сил и труда. Сейчас ради нее он решился бы на все.

Дома Веласкес отыскал на полке томик «Метаморфоз». В шестой книге он нашел миф об Арахне.

...Далеко за пределами Мэонии, небольшой земли в Лидии, распространилась слава о ткаческом искусстве простой девушки из народа — Арахны. Бедным был ее дом, очень скромным достаток родителей. С утра до вечера трудились они, отец красил для дочери шерсть, мать вела хозяйство. Двери же к ним в дом не закрывались. Стар и млад шли хоть глазком поглядеть на ковры. Сбегались и нимфы полюбоваться дивным мастерством. Искусство Арахны было так совершенно, что в Мэонии стали поговаривать: у самой Афины Паллады училась наша ковровщица. Смеялась в ответ на те слова девушка. Сама она упорным трудом и работой добилась совершенства. Что же касается богини, то еще неизвестно, какая она мастерица, — пусть приходит соревноваться. Прослышала те речи богиня, разгневалась. Спустилась с Олимпа на землю и потребовала от Арахны смириться и попросить прощения за дерзкие слова. Гордая ткачиха отказалась. Не выдержала богиня — решила соревноваться. Рядом поставили два станка, принесли одинаковую шерсть, челноки...

Красиво ткала Афина. Вот уже можно угадать и сюжет: спор за владение городом Афины между Нептуном и ею самой. Для острастки своей соперницы

по углам ковра Афина выткала четыре сцены. Каждая из них повествовала о каре, которую заслужили люди-герои, дерзнувшие сравнивать себя с богами.

Ничего не видела Арахна, поглощенная своею работой. Уверенно ткала она. Ведь не ремесленницей была, а настоящей художницей. От имени людей выступала и должна была доказать, что сила человеческого искусства выше божественной.

На ковре Арахна изобразила Юпитера, отца богини, похищающего Европу. То был упрек богам, которые, позабыв о долге и величии, спускались на землю поразвлечься. Недостойными были их похождения и любовные утехы, горе и слезы несли они людям.

Ткачихи окончили свою работу. Без судей стало очевидным — победила Арахна. Разгневанная богиня порвала ее ковер, схватила челнок и стукнула им девушку по лбу. Незаслуженно оскорбленная, повесилась Арахна. Возроптал народ, недовольны были и боги. Тогда Паллада вернула сопернице жизнь. Только в наказание гордыни превратила ее в паука: пусть сама она и весь ее род неустанно ткет тончайшую нить.

С той поры живет на земле скромный труженик-паук, искусству которого дивятся люди каждый раз, заведя прозрачный ковер. Осталось за ним и имя девушки — Арахна, по-гречески «паук».

Маэстро отложил книгу. Да, спор между богами и людьми не окончен. Маэстро уже знал, что напишет песнь о труде, полотно, достойное и легендарной ткачихи древнего мира и мудрых народных мастериц.

Инфанта Маргарита пришла на сей раз в мастерскую к маэстро одна. На ней было светлое желтовато-серое платье с черными и красными лентами. За последние годы девочка заметно повзрослела. Ее лицо стало привлекательным, бледные щеки покрыл розовый румянец, а золотистые волосы, причесанные изысканно-модно, делали ее похожей на взрослую даму.

— Мой друг чем-то ошечален? — спросил художник у девочки, которая сидела неподвижно, уставив-

шись широко раскрытыми глазами на полотно «Менин».

У Веласкеса с инфантой существовал тайный уговор: они обещали говорить друг другу всегда правду.

Оказалось, что Марию Терезию выдают замуж за Людовика XIV. Веласкес уже знал, что королева Анна, сестра Филиппа IV и регентша французского престола, благодаря настоянию Мазарини склонилась к такому брачному союзу.

Последние годы всем надоевшей войны армия французов наносила сокрушительные удары по войскам испанцев. Были захвачены крепости Мардик, Гравелин, Дюнкерк. Наконец испанская армия во главе с принцем Конде была окончательно разгромлена в Дюнской битве. Но и победители чувствовали себя не совсем уверенно. Единственное, что оставалось обеим державам, это побыстрее заключить мир. Мазарини, достойный преемник Ришелье, предложил Испании переговоры. Три долгих месяца на острове Файзамес велись торги, иначе переговоры нельзя было и назвать. Французский премьер-министр хотел получить от своего разбитого врага как можно больше. Дон Луис де Аро, представлявший Испанию, старался защитить страну от окончательного разграбления. Если бы на то была воля Мазарини, он бы просто включил Испанию в состав французского королевства и покончил дело. Но это он оставлял на будущее, а пока требовал от Филиппа IV передачи Франции провинции Руссильон, острова Сардинии, графств Артуа и Люксембург и ряда других фландрских городов. Наконец с пограничного острова до Мадрида долетела весть, что долгожданный мир подписан.

Пиренейский мир был для Испании не особенно радостным. Уступка северных провинций привела к тому, что Пиренеи стали южной границей Франции. Кроме всего, договор предусматривал брак между Людовиком XIV и Марией Терезией. Принцессе давали громадное приданое — 500 тысяч золотых эскудо в обмен на ее отказ от прав на испанский престол. Теперь оба королевских двора готовились к предстоящей свадьбе. Однако настроение, царившее

в мадридском Альказаре, нельзя было назвать праздничным. Вот и маленькая инфанта говорит о замужестве сестры со скорбью.

Дверь в мастерскую распахнулась без стука. Король вошел стремительной походкой возбужденного человека.

— С каких это пор, — начал он сразу, не обращая внимания на поклон маэстро и реверанс инфанты, — мнение короля ничего не значит в государстве?

Секретарь Филиппа IV, бледный от растерянности, пытался ему что-то объяснить, но король не слушал.

— Запомните вы все, — бросил он через плечо заполнившей мастерскую свите, — его достоинства известны мне. Испания дожила до того, что сам папа римский должен был вмешаться, дабы навести порядок.

Веласкес ничего не понимал, хотя дон Веллела делал ему от двери какие-то таинственные знаки.

Его величество подошел к маэстро и взял из его рук кисть. Он отыскал среди красок красную и макнул в нее кисть. Еще мгновение — и на глазах удивленных придворных он быстро написал на картине «Менины», на камзоле маэстро пламенеющий крест ордена Сант-Яго.

После стольких унижений, которые пришлось перенести, Веласкес не почувствовал и радости. Не ощутил он ее и позже, когда на заседании Капитула получил, наконец, из рук дона Гаспара Хуана Альфонсо Перес де Гусман ель Буено графа Ниебла одеяние рыцаря ордена. Его «крестный отец» маркиз де Мальпик от имени короля пригласил маэстро после окончания церемонии пожаловать в Альказар на прием. Стоя во дворце среди придворных с крестом рыцарского ордена на груди, Веласкес мечтал лишь об одном: быстрее покинуть парадные апартаменты и попасть в мастерскую. Там, в тишине, среди картин, он мог спокойно проанализировать событие. В сущности, зачем нужен ему этот орден — общественное признание его аристократического происхождения? Как за долгие годы надоела вся эта мишура!

Маэстро был недоволен. Из его идеи пересмотреть все созданное за годы пребывания в Мадриде ничего хорошего не вышло. Веласкес приказал слугам перенести в мастерскую Башни Сокровищ несколько картин. Потом подолгу их рассматривал, словно видел впервые. Хуан Пареха заранее мог сказать, что из этого получится. Опять маэстро будет их переписывать. Правки, так называемые «пен-тименты», он делал в картинах постоянно. Но этого ему казалось мало. Нередко на старых полотнах ему вдруг переставали нравиться пейзаж или чья-либо поза. Тогда послушная кисть и краски делали свое дело, и полотно обретало иную жизнь. Знавший доня Диего как самого себя Хуан не ошибся. Маэстро не оставил в покое даже «Бахуса»! Потом он внезапно попросил натянуть для него новый холст.

Через несколько дней на стене мастерской разместилась новая картина «Меркурий и Аргус». Очевидно, добрый Бахус натолкнул художника на мысль написать что-то из античной мифологии. Но как разнились между собой эти два полотна! Персонажи новой картины тоже мало походили на мифических героев, но насколько богаче был ее колорит! Выполненная в сине-зеленоватых тонах, она привлекала контрастами своих цветовых пя-

тен. При сравнении с первым второе полотно казалось более эскизным. Мазок кисти тут стал несколько шире и легче.

Дона Веллелу нисколько не удивило приглашение маэстро пойти с ним на мануфактуру Санта-Исабель. Он уже видел наброски к будущему полотну и всей душой поддерживал идею друга. Грешно было не воспользоваться таким сюжетом.

Сама идея прославить труд была достаточно рискованным делом. Еще неизвестно, как примут новый холст при дворе. Веласкес же, отбросив всякое благоразумие, с утра до ночи только и говорил дону Хуану и Фуэнсалиде что о сложном взаимодействии «двух миров», которые он хотел сопоставить в картине.

Отдавши всю жизнь искусству, он сокрушался, что прозревает лишь к старости и мог ведь так никогда и не увидеть творчества простых прях. Только теперь, по его словам, он понял, как многообразно лицо у вдохновения, как неисчерпаемо богат окружающий мир талантами.

Управляющий Гоетенс радушно встретил маэстро и дону Веллелу, пожаловавших на мануфактуру.

Для дона Диего у него была новость. По повелению короля Гоетенс и Веласкес должны будут в скором времени отправиться на остров Файзамес. Маэстро и Веллела удивленно переглянулись. Они, разумеется, знали о событиях, происходящих на острове у далекой французской границы. Но какое отношение имеет к этому Веласкес?

— Больше ничего не могу сообщить, сеньоры, — почти прошептал на их недоумевающие взгляды Гоетенс и постарался перевести разговор в другое русло: — Дон Диего, конечно, хочет попасть в мастерскую? Прошу.

Не теряя времени, они двинулись к «таинственным Паркам Веласкеса», как окрестил прях Веллела.

И вскоре очутились в сводчатой комнате мастерской. Пять женщин, как и в прошлое посещение маэстро, были заняты своею работой. Тихий неяркий

свет, струившийся из окна слева, наполнял комнату голубоватым сиянием.

На невысокой скамейке сидела за прялкой пожилая женщина в темном платье с белым шарфом на голове. Ее длинные, проворные пальцы тянули и сучили с кудели прялки белоснежную нить. Движения женщины были точны и непринужденны. Чувствовалось, что пряжа виртуозно владела своим мастерством. Четверо других женщин были гораздо моложе. Красивая черноволосая девушка с копной густых волос, косою уложенных на затылке, то и дело наклонялась к стоящей рядом корзинке. Пошарив там немного, она вытягивала разноцветные мотки. Дон Веллела видел, как Веласкес не удержался и подошел ближе.

— Скажи мне, девушка, в чем состоит твоя работа?

Она повернула к нему голову. Без тени смущения заговорила низким грудным голосом.

— Я подбираю нити для ковра, — девушка показала рукой в сторону комнаты-сцены, там на стене висел гобелен, очевидно, принесенный для реставрации.

Веласкес был поражен.

— С такого расстояния ты различаешь цвета?

Она снисходительно кивнула. Так, пожалуй, поступила бы и Арахна, усомнись кто-то в ее мастерстве.

— И сколько цветов можно подобрать так?

— Сколько нужно.

Уже выходя из мастерской, маэстро не удержался и оглянулся еще раз на свою пряжу. Она, вытянув вперед руку с намотанными на пальцы нитями, сравнивала их цвета. Столько грации и естественной красоты было во всей ее фигуре, в повороте чуть откинутой назад головы.

Веласкес старался запомнить в ней все: упругость молодого тела, сильную, стройную талию, перехваченную тугим высоким корсажем, гибкую спину. Он уже включил мысленно в композицию своего будущего полотна дружную пятерку этих безымянных труже-

ниц. Он уносил в сердце их образы, чтобы завтра дать им жизнь в своей новой картине.

Пророчество Дамиана Гоетенса вскоре стало явью. Король объявил Веласкесу официально, что ему надлежит в недалеком будущем заняться украшением острова Файзамес. Где-то в июне следующего года инфанта Мария Терезия должна стать королевой Франции. Там, на острове, она впервые встретится с Людовиком XIV. Филипп IV недвусмысленно намекнул, что желательно, чтобы художник прибыл туда пораньше.

На этот брачный союз оба государства возлагали большие надежды. Именно поэтому на Государственном совете было решено произвести передачу испанской инфанты в исключительно торжественной обстановке. На острове предполагалось соорудить специальные помещения, богато украсив их мебелью и коврами. Вместе с Веласкесом туда отправлялась целая свита мастеров. Предстоящее путешествие было не из легких. Оно не особенно радовало постаревшего за последние годы Веласкеса. Ему так хотелось закончить своих «Прях», над которыми он с таким упоением работал последнее время. Рассчитав оставшееся время почти по часам, маэстро пришел к выводу, что его, однако, достаточно даже для того, чтобы написать портрет своей любимицы инфанты Маргариты.

Он попросил инфанту посидеть в мастерской. Она согласно закивала своей золотистой головкой. Веласкес, не теряя времени, начал набросок.

На этом полотне инфанта выглядела несколько иной, чем на предыдущих портретах. Художник нашел в ней то, что тщетно искал в моделях раньше: поэтичность и чистоту. Кисть, повинаясь гениальной руке, писала девочку красками, словно созданными специально для нее одной: легкими и нежными.

Таинственный свет, изобразить, воссоздать который не удавалось никому ни до, ни после Веласкеса, мягко струился по фигурке инфанты, бросая на него прозрачную золотистую тень. В портрете ощутимым казался воздух, так правдиво писала кисть. В руке

девочка держала розу, прощальный цветок уходящего лета. Сама инфанта была еще не распустившимся бутонem. «Пусть раскроют его добрые лучи человеческой доброты, — думал маэстро работая. — Только бы не стала она беспомощным украшением, необходимым на время цветком».

Дон Фуэнсалида не находил себе места от восторга.

— Теперь я понял, в чем состоит одна из тайн твоего мастерства, Диего. Вершина его — изображение света. Свет в твоих полотнах приобретает необыкновенное качество — он делает ощутимым воздух. В воздушной среде предметы обретают естественную окраску, дающую иллюзию жизни твоим картинам. Господи, какое совершенство! Твое творчество неповторимо!

— Ты бы, друг, поберег свои слова для траурной речи, — попытался отшутиться Веласкес, — думаю, что уже не долго ждать: Теперь меня волнует поездка в Пиренеи.

— Твои Пиренеи здесь, — широким жестом Фуэнсалида указал на «Прях», уже заключенных в тяжелую золоченую раму.

Радуюсь удачному сравнению, он повторил:

— Это и есть твои Пиренеи. Писать так, как ты, может только человек, очень любящий жизнь и достигший вершины своего мастерства. Ты сам не подзреваешь, как ты велик!

Спустя несколько дней карета, запряженная бойкой шестеркой, уносила на север от Мадрида Веласкеса и его спутников.

По земле Испании шагал апрель. Ковры нежной зелени покрывали обычно серое плато.

— Наши дороги усыпаны цветами, — шутил по этому поводу Дамиан Гюетенс.

Под задумчивую песнь погонщиков мулов маэстро задремал. Таинственна страна снов. Они приходят к человеку неведомо откуда целыми вереницами. В снах нет невозможного. Они воскрешают для нас давно умерших, возвращают детство, устраивают свидания с теми, кто за тысячи верст.

Сны у Веласкеса были длинными и обязательно в красках. Просыпаясь по утрам, он анализировал увиденное во сне и порой в снах находил колористические решения для своих полотен.

В сегодняшнем сне он увидел донью Анну. Она была ослепительно красива в своем белом легком хитоне. Она была вся — свет, сияние. Внезапный порыв ветра подхватил ее, понес. Маэстро рванулся. Сердце, словно зажатое в тиски, отозвалось глухой, щемящей болью. Холод сковал движения. Он хотел закричать — и не смог.

Очнулся Веласкес от настойчивого шепота.

— Маэстро, маэстро... — звал его чей-то встревоженный голос.

Карета стояла под каким-то навесом. Вокруг была темень.

— Мы приехали, дон Диего, — проговорил Хосе де Вильяреаль, старший мастер королевских строительных работ. — Горы встретили нас не очень радушно. Разыгрался ветер, будет гроза.

Подошедший Баутисто помог Веласкесу подняться. Он плотно укутался в черный плащ кавалера Сант-Яго (хоть здесь пригодился этот достойный «мундир»!) и, вместо того чтобы идти под теплый кров, ступил за ограду.

Ветер неистовствовал. Он стучал своими могучими крыльями в каменную грудь гор, а они в ответ глухо гудели. Вот где-то ветру удалось своротить камень. Горы взревели. Задрожала под ногами земля. Горное эхо ревом взметнулось к небу. Оно гроыхнуло в ответ раскатисто, неожиданно звонко и чисто.

Веласкес почувствовал, что продрог. Годы, тяжелым бременем лежавшие на плечах, лишали его возможности досмотреть до конца это единоборство гор и ветра...

Все остальные дни пути маэстро внимательно вглядывался в горы. Они возвышались издали монолитной громадой. Но при внимательном взгляде на них можно было различить рубцы ран, нанесенных годами борьбы с ветром. Даже в дни мира он, теплый и ласковый, не прекращал своей разрушительной

работы. «Правду говорили древние, — думал Веласкес, — жизнь — вечная борьба».

В Фуэнтеррабии путников ожидали парусные лодки, чтобы перевезти их через Бидасоа на остров. Барон де Батевилья, который с нетерпением ожидал приезда маэстро, уже на пристани заявил, что к началу строительных работ все готово.

За работой время летит незаметно. Приближался день церемонии передачи инфанты французскому королю. Празднество назначалось на субботу, 7 июня.

День начался с того, что маэстро был разбужен взволнованным Хуаном Парехой.

— Маэстро! Проснитесь скорее, маэстро! Вас ожидает личный гонец короля Людовика XIV.

Французский король был очень красив и элегантен. Белый шитый золотом костюм сидел отлично на его подвижной фигуре.

— Я хочу просить вас исполнить одну мою просьбу, — сразу начал он после церемонии обмена приветствиями. — Мой тесть, король Филипп, был необыкновенно щедр по отношению ко мне. Щедрость трудно вознаградить. Но я просил бы вас передать ему от моего имени несколько вещей на память.

— Рад служить вашему величеству, — Веласкес поклонился.

Король открыл белый резной ларец, и оттуда словно вырвались на свободу сотни разноцветных искр — то сверкали грани драгоценных камней. Людовик XIV протянул маэстро миниатюрную коробочку с золотыми часами необыкновенно искусной работы и двумя кольцами — в них были вмонтированы громадные бриллианты.

На следующий день после церемонии Веласкес покидал остров. В Мадрид он намеревался прибыть где-то числа двадцать шестого июня, как и писал об этом в письме к другу художнику Диего Валентину Диасу. Веласкес жаловался, что «очень устал от ночных поездок и дневной работы, однако здоров». Это письмо датировано 3 июня, когда маэстро оставалось жить немногим больше месяца.

Семьдесят два дня, проведенные на острове Фай-замес, очень утомили Веласкеса. Сердце, все шестьдесят прожитых им лет не дававшее о себе знать, болело, прося об отдыхе.

Но в столице отдыхать не пришлось. Король буквально уморил маэстро расспросами о каждой мелочи, виденной Веласкесом на острове. Каждый день Филипп IV заставлял его повторять свой рассказ. 31 июля маэстро вдруг почувствовал себя очень плохо. Усталость и жар заставили его лечь в постель. Он лежал у себя дома, в тихой пристани своей верной состарившейся доньи Хуаны де Миранды.

Король, обеспокоенный тем, что не увидел на утреннем приеме дона Диго, послал к нему своих личных врачей. Но даже такие медицинские светила, как Микель де Альба и Педро де Чаварри, только беспомощно разводили руками. Организм отказывался сопротивляться болезни. Тогда больного передали в руки господя — к его постели поспешил (по приказу его величества!) дон Альфонсо Перес де Гусман-ель Буено, архиепископ Тиро, патриарх обеих Индий.

В два часа дня в пятницу, 6 августа 1660 года маэстро скончался. Горькую утрату понесла Испания.

Король приказал похоронить маэстро со всеми почестями, соответствующими кавалеру ордена Сант-Яго. Но и здесь члены орденского капитула не удержались перед соблазном нанести последнее оскорбление уже памяти маэстро: никто из них не шел в траурной процессии за гробом с прахом дона Диго.

Похоронили Веласкеса в семейном склепе его верного друга дона Гаспара де Фуэнсалиды, расположенном под церковью скромного прихода Сан-Хуан Баутисто.

Ушел из жизни великий художник, а в мастерской старой башни Альказара ждала его кисти неоконченная картина. На мольберте у самого окна в золотом потоке света стоял портрет инфанты.

Через восемь дней после мужа умерла от горя, незаметно, тихо угаснув, как и жила, донья Хуана де Миранда.

Дон Фуэнсалида одиноко бродил среди опустевших комнат недавно бывшего таким уютным жилища маэстро. Какие-то люди во главе с владельцем дома составляли опись имущества.

— Шесть полных костюмов, — считал монотонный голос, — одиннадцать шляп, предметы туалета...

Не выдержав более, Фуэнсалида выбежал на улицу. Жизнь в Мадриде шла своим чередом. «Никто и не вспоминает о величайшем из художников Испании, — с горечью думал он, — а ведь его не стало всего несколько дней тому назад. Неужели люди, любовью к которым дышали все его полотна, так сразу забыли его?»

Однако о маэстро вспомнили, но как! Власти решили, что тысяча дукатов, которые были выданы Веласкесу при жизни как плата за наблюдение над перестройкой Альказара, подлежит немедленному возвращению. В связи с этим предлагалось произвести распродажу всего оставленного им имущества, дома, мастерской...

* * *

Годы, складываясь в столетия, проносились над Испанией. И однажды кто-то, чьего имени уже не установить, пораженный гениальными произведениями маэстро, вновь открыл его миру. Веласкес опять стал жить, возрождаясь в своих картинах. Искусствоведы стали внимательно изучать его полотна, открывая в них все новые необыкновенные качества. Биографы углубились в архивы, чтобы восстановить его биографию. Время успело стереть многое. Церковь, где находился фамильный склеп рода Фуэнсалида, была разрушена во время одной из войн. В 1846 году группа художников, возглавляемая братьями Мадрасо, решила произвести раскопки на месте разрушенной церкви с целью найти останки Веласкеса. Но их затея не увенчалась успехом. Вместе с церковью были разрушены и подземные склепы, установить место могилы великого маэстро так и не удалось. На месте разрушенной церкви разбили молодой сад. Прошло еще столетие... В тенистом саду установили небольшую

белую мраморную плиту, на которой написано имя Веласкеса и даты его рождения и смерти.

Есть в Испании еще один памятник, сооруженный соотечественниками в честь маэстро. На его пьедестале можно прочесть только два слова «Живописцу истины». Но разве эта скромная надпись не лучшая и исчерпывающая характеристика Веласкеса?

В живописи Веласкеса многие выдающиеся художники мира даже столетия спустя видели воплощение большой мысли, громадного чувства, великой внутренней работы.

Всегда высоко ценили творчество Веласкеса в России, где оно нашло должное признание среди художников демократических направлений. Критики в своих статьях уделяли разбору произведений великого маэстро немало места, призывая художников наследовать передовым традициям лучших мастеров живописи Европы.

Преклонялся перед Веласкесом И. Е. Репин, называя его произведения «вечными шедеврами». Репин писал, что Веласкес — это «глубина знаний, самобытности, блестящего таланта», что все его творчество окрашено «глубокой страстью к искусству, доходящей до экстаза в каждом его произведении». Художник России ценил в испанском маэстро умение лаконично передавать сущность создаваемого образа. Особенно нравились ему портреты. Когда И. Е. Репин посетил Мадрид, он часы проводил в Прадо, где копировал «Менины».

Виссарион Белинский, которого вообще очень увлекала Испания, эта *terra incognita* — загадочная земля, — писал, что портретами Веласкеса всегда будет гордиться человечество.

Изучать творчество великого испанца призывал художников России В. В. Стасов. Если ему нужно было отметить мастерство русской художественной школы, то он сравнивал его с мастерством испанцев, ссылаясь на испанские галереи, где в картинах Веласкеса или Мурильо (особенно первого) даны образцы неповторимого мастерства. В статье «Прискорбие эстетике» Стасов безжалостно издевался над теми из

критиков, кто преднамеренно забыл имена таких художников, как Рембрандт и Веласкес. Характеризуя их творчество, Стасов с присущей ему выразительностью подчеркивал, что «Рембрандт и Веласкес самые высокие из высоких, великие для мира и бесценные для человечества». Имя Веласкеса он ставит в ряд художников, чьим девизом было изображать правду, чьи полотна стали святыней для последующих поколений. Они показали миру, «как надо писать», задача мастеров настоящего — поднять выше их знамя.

Жалуясь на упадок искусства в Европе, на отсутствие у многих художников искреннего чувства при блестящей технике, Крамской писал в письме Стасову, что «говоря по правде, мы еще только лепечем. Вот старые мастера Веласкес — Рембрандт говорили».

Веласкес был придворным художником, и тем не менее всем содержанием своего творчества он был близок к демократической культуре Испании. Французский художник Поль Гоген признавал, что кисть маэстро была царственно реалистичной. Картины Веласкеса были для Гогена интимным восприятием образа самого художника.

Голландский живописец Ван Гог преклонялся перед Веласкесом за мастерское сочетание тонов, а француз Эдуар Мане ставил его на высочайший из пьедесталов в художественном мире: «Живописцы всех школ, его окружающие, превосходным образом представленные в мадридском музее, по сравнению с ним — чистые рутенеры. Он живописец из живописцев. Он гораздо менее поразил меня, чем восхитил».

Мане восхищался «Пряжами» и «Философами», «Менинами» и портретом Алонсо Кано.

Существует вечная проблема, с которой столкнется всякий, кто захочет и попытается с помощью красок запечатлеть свое ощущение прекрасного. Она в том, как сделать свое полотно достойным прожить века. Вот почему спустя три столетия после Веласкеса другой андалузец — Пабло Пикассо — шел к Веласкесу, чтобы в другую эпоху, в другой обстановке проанали-

зировать принципы построения «Менин». Он создал более 50 полотен на темы этого произведения!

У Веласкеса не перестают учиться.

В своих статьях Пикассо не раз отмечал, за что мы ценим Веласкеса: «...сегодня Веласкес дает нам представление о людях его времени... Мы не можем представить другого Филиппа IV, кроме созданного Веласкесом... художник убеждает нас в том, что его Филипп — подлинный король».

О творчестве Веласкеса написано немало работ — от маленьких очерков до больших исследований. Некоторые страницы его биографии, трактовка некоторых полотен и по сей день остаются спорными. В одном сходятся исследователи. Имя Веласкеса неразрывно связано с реалистическим, гуманистическим направлением в мировом искусстве. Благодаря его произведениям мир получил удивительные образцы живописи, преисполненные глубокого гражданского звучания. Ведь маэстро всей силой своего таланта создавал полотна, в которых отводил главное место ЧЕЛОВЕКУ, лучшему, что создала природа! Нет, даром на его памятнике эти слова: «ЖИВОПИСЦУ ИСТИНЫ».

*Киев — Святогорск — Киев
1960—1965 гг.*

Основные даты жизни и деятельности Диего Веласкеса

- 1599, 6 июня* — В испанском городе Севилье в дворянской семье родился Диего Родригес де Сильва Веласкес.
- 1610—1617* — Учеба Веласкеса у художника Франсиско Эрреры Старшего, а затем в мастерской Франсиско Пачеко, севильского живописца, поэта и теоретика искусства. К этим же годам относятся первые самостоятельные работы Веласкеса времен ученичества.
- 1617* — Веласкесу выдан документ на звание мастера искусства, что давало право на самостоятельную работу и открытие мастерской. Вступление молодого маэстро в корпорацию художников Севильи — гильдию св. Луки.
- 1618* — Женится на Хуане де Миранде, дочери Франсиско Пачеко.
- 1617—1622* — Написаны картины на народные сюжеты: «Старая кухарка», «Служанка-мулатка», «Водонос» («Продавец воды»), «Завтрак», «Два юноши за едой», «Непорочное зачатие», «Христос в доме Марфы и Марии», «Портрет неизвестного», «Поклонение волхвов» и др.
- 1623, октябрь* — Веласкес назначен придворным живописцем испанского короля Филиппа IV. С этого времени его дальнейшая жизнь протекала в Мадриде.
- 1627* — Веласкес вышел победителем в объявленном среди придворных художников конкурсе на историческую тему «Изгнание морисков из Испании 1609 г.». Его картина под одноименным названием была признана лучшей.

- 1628 — Встреча и знакомство Веласкеса в Мадриде со знаменитым фламандским живописцем Питером Паулем Рубенсом. Картина «Бахус» («Вакх»).
- 1629 — Первая поездка Веласкеса в Италию. Посещение Рима, знакомство с Риберой.
- 1630 — Картина «Кузница Вулкана».
- 1631 — Веласкес возвращается из Италии на родину.
- 1634—1635 — Картина «Сдача Бреды».
- 1638—1643 — Портрет графа Оливареса.
- 1629—1643 — Начало серии портретов королевских карликов и шутов.
- 1642—1644 — Поездка в свите короля в Каталонию и Арагон. Портрет Филиппа IV («Ла Фрага»).
- 1644—1648 — Портрет «Дамы с веером».
- 1648—1651 — Вторая поездка Веласкеса в Италию для закупки новых картин для королевского Альказара и разработки проекта создания Мадридской академии художеств.
- 1649 — Портрет Хуана Парехи.
- 1650 — Портрет папы римского Иннокентия X.
- 1650—1660 — Портреты инфанты Маргариты.
- 1656 — Окончание картины «Менины».
- 1657 — Окончание картин «Венера с зеркалом», «Пряхи».
- 1659 — Поездка на остров Файзамес, где Веласкес руководил подготовительными работами к церемонии венчания Людовика XIV и Марии Терезии.
- 1660, 6 августа — смерть Диего Веласкеса.

Краткая библиография

Алпатов М. В., Сервантес и Веласкес. В книге: «Культура Испании», М., изд-во АН СССР, 1940.

Алпатов М. В., «Менины», журн. «Искусство», 1935, № 1.

Алпатов М. В., Этюды по истории западноевропейского искусства, М. — Л., изд-во «Искусство», 1939.

Альтамира-и-Кревеа, Рафаэль. История Испании, т. I—II, М., 1951.

Байэ К., История искусства, К., 1902.

Беллозани С., Веласкес, М., «Художественная библиотека», 1910

Бенсюзанн С., Веласкес, М., 1910.

Бенуа А. Н., История живописи всех времен и народов, ч. I, т. IV, Спб., 1912.

Вазари Джорджо, Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, М., изд-во «Искусство», 1956.

Гіляров С., Веласкез, «Мистецтво», Київ, 1936.

Дворжак Макс, Очерки по искусству средневековья, М., 1934.

Дмитриенко М., Диего Веласкес (1599—1660), Киев, 1960.

Зименко В. М., Иннокентий X и некоторые вопросы портретного метода Веласкеса Журн. «Искусство», 1960, № 8.

Знамеровская Г. П., Классик испанской живописи XVII века. Там же.

Каптерева Т. П., Веласкес и испанский портрет XVII в., М., изд-во «Искусство», 1956.

Каптерева Т. П., Веласкес, М., Изд-во АН СССР, 1961.

Кеменов В. С., Статьи об искусстве, М., 1956.

- Кеменов В. С., Реализм и миф в картине «Пряхи». Журн. «Искусство», 1960, № 8.
- Колпинский Ю. Д., Веласкес, 1599—1660, М.—Л., 1947.
- Культура Испании, М., 1940.
- Лазарев В., Портрет в европейском искусстве XVII века, М.—Л., изд-во «Искусство», 1937.
- Левина И. М., Диего Веласкес. «Завтрак», Л., 1948.
- Левина И. М., Диего Веласкес. Портрет Оливареса, Л., 1948.
- Малицкая К. М., Веласкес. Сокровища мирового искусства, изд-во «Искусство», М—Л., 1939.
- Малицкая К. М., Испанская живопись XVI—XVII вв., М., 1947.
- Малицкая К. М., Веласкес, М., 1960.
- Мастера искусства об искусстве, т. I—IV, М.—Л., 1936—1937.
- Мутер Рихард, История живописи от средних веков до наших дней. М., 1910.
- Никитюк О. Д., Диего де Сильва Веласкес, М., 1961.
- Пискорский В., История Испании и Португалии, М., 1902.
- Рабинович И. С., Труд в искусстве, М.—Л., 1927.
- Фор Эли, Диего Веласкес. Биография-характеристика. Спб., 1913.
- Цонев Кирил, Веласкец. Монографичен очерк, София, 1958.
- Beruete A., La paleta de Velazquez, Madrid, 1922.
- Benet R., Velazquez, Barcelona, 1946.
- Gensel Walter, Velazquez der Meisters Gemälde in 172 Abbildungen, Stuttgart — Leipzig, 1908.
- Gerstenberg Kurt, Diego Velazquez, München — Berlin, 1957.
- Knackfuss G., Velazquez. Mit 48 Abbildungen von Gemälden. 3-te Auflage, 1898.
- Mayer August, Diego Velazquez, Berlin, 1936.
- Ortega y Gasset J., Velazquez, Neu Jork, 1946.
- Pantorba, Bernardino de La vida y la obra de Velazquez. Estudio biografico y critico, Madrid, 1955.
- Salinger M., Diego Velazquez, Neu Jork, 1954.
- Stirling William, Velazquez und seine Werke, Berlin, 1856.

Zawadowski K., Velazquez, Warszawa, 1963.

Trapier E., Velazquez, Paris, 1948.

Velazquez Ein Bilderatlas zur Geschichte seiner Kunst.
Mit Text von Karl Voll, München, 1899.

Justi Karl, Velazquez und sein Jahrhundert, Band 1—2,
1888.

СОДЕРЖАНИЕ

В последний год века	5
Открытие мира	11
Азы мастерства	24
Так поднимаются к звездам . .	40
Месяц цветов	56
Художник его величества . . .	71
Состязание	85
Великий фламандец	97
Край мечты	115
На середине пути	129
Страна замков	142
Дороги и тропинки	154
«Земные звезды»	181
Покорение Рима	196
Инфанта и куртизанка	209
Рыцарь ордена Сант-Яго	222
Пиренеи	236
Основные даты жизни и деятель- ности Диего Веласкеса	248
Краткая библиография	250

Дмитриенко Мария Федоровна

ВЕЛАСКЕС. М., «Молодая гвардия», 1965.
256 с. с 16 л. илл. («Жизнь замечательных лю-
дей». Серия биографий. Вып. 30(418).).

75И

Редактор *Г. Померанцева*

Серийная обложка *Ю. Арндта*, на обложке

фрагменты картин *Веласкеса*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *И. Егорова*

А01005. Подп. к печ. 5/1 1966 г. Бум. 84×108¹/₃₂.

Печ. л. 8(13,44) + 16 вкл. Уч.-изд. л. 13,6.

Тираж 115 000 экз. Заказ 2215. Цена 66 коп.

Т. П. 1966 г., № 431.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

Серия биографий

Книги 1965 года:

- 1(398) В. Порудоминский. **Пирогов**
- 2(399) В. Канивец. **Кармалюк**
- 3(400) М. Колесников. **Лобачевский**
- 4(357) Л. Гроссман. **Достоевский**
- 5(350) А. Моруа. **Три Дюма**
- 6(401) И. Можейко. **Аун Сан**
- 7(402) Н. Муравьева. **Беранже**
- 8(403) М. Яновская. **Карл Либкнехт**
- 9(404) Л. Гумилевский. **Зинин**
- 10(405) В. Шкловский. **Федотов**
- 11(406) С. Гонионский. **Сандино**
- 12(407) С. Дурылин. **Нестеров**
- 13(408) Э. Людвиг. **Гёте.**
- 14(409) Г. Марягин. **Постышев**
- 15(319) А. Морозов. **Ломоносов**
- 16(410) Л. Осповат. **Гарсиа Лорка**
- 17(411) В. Болховитинов. **Столетов**
- 18(412) А. Луначарский. **Силуэты**
- 19(413) А. Лебедев. **Чаадаев**
- 20(414) И. Лаврецкий. **Миранда**
- 21(323) М. Колесников. **Миклухо-Маклай**
- 22(383) А. Турков. **Салтыков-Щедрин**
- 23(299) В. Прокофьев. **Желябов**
- 24(415) А. Алдан-Семенов. **Семенов-Тянь-Шанский**

25(365) М. Мижо. **Сент-Экзюпери**. 2-е изд.

26(276) Р. Райт-Ковалева. **Роберт Бернс**.

3-е изд

27(352) Г. Гулиа. **Дмитрий Гулиа**. 2-е изд.

28(416) Г. Штоль. **Шлиман**

29(417) И. Дубинский-Мухадзе. **Шаумян**

30(418) М. Дмитриенко. **Веласкес**

31(342) Г. Серебрякова. **Маркс. Энгельс**

32(262) Л. Инфельд. **Эварист Галуа**. 3-е изд.

Завтрак. (Ленинград, Эрмитаж.)

Христос в доме Марфы и Марии. (Лондон, Национальная галерея.)

Водонос. Деталь. (Лондон, Собрание Веллингтон.)

Поклонение волхвов.
(Мадрид, Прадо.)

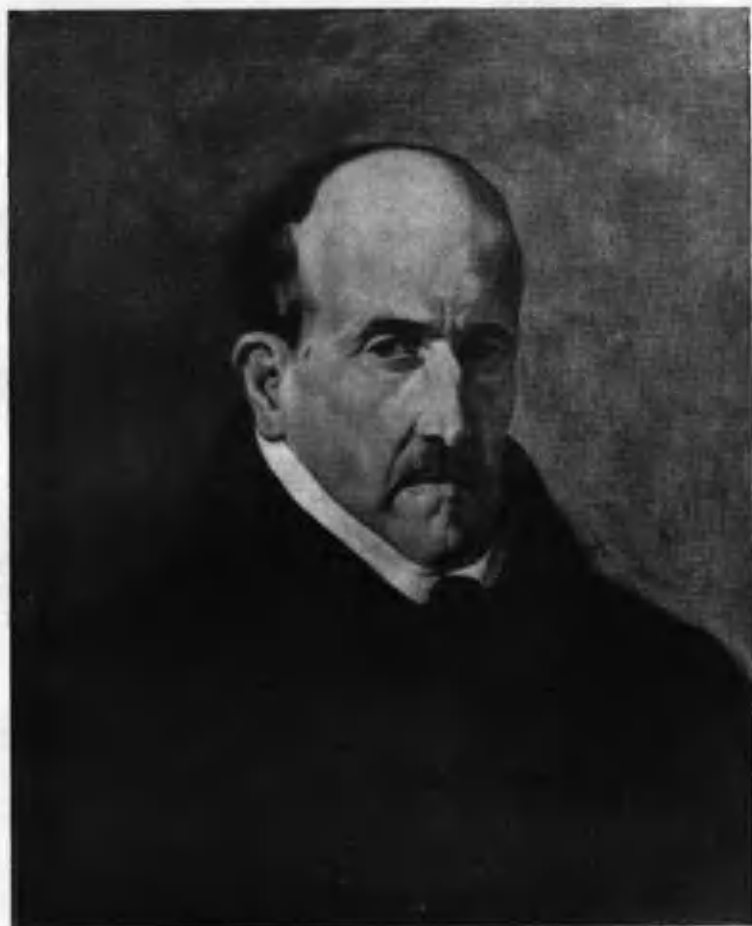

Поклонение волхвов.
Деталь.

Непорочное зачатие. Деталь. (Лондон, Национальная галерея.)

Портрет Гонгоры. (Бостон, музей.)

Портрет
Филиппа IV
с прощением.
(Мадрид, Прадо.)

Портрет
Филиппа IV
с прощением.
Деталь.

Бахус. (Мадрид, Преодо.)

Бахус. Деталь.

Портрет Хуаны Миранды («Сивилла»). (Мадрид, Прадо.)

Кузница Вулкана. (Мадрид. Прадо.)

Конный портрет
Филиппа IV.
Деталь.
(Мадрид, Прадо.)

Конный портрет
инфанта
Балтазара
Карлоса.
Деталь.
(Мадрид, Прадо.)

Портрет инфанта Фердинанда. (Мадрид, Прадо.)

Портрет
Хуана Матеоса.
Деталь. (Дрезден,
Картинная галерея.)

Портрет
Оливареса
(Ленинград,
Эрмитаж.)

Портрет Изабеллы Бурбонской. Деталь. (Мадрид, Прадо.)

Портрет Монтаньеса. (Мадрид, Прадо.)

Сдача Бреды. Деталь. (Мадрид, Прадо.)

Менипп. (Мадрид, Прадо.)

Эзоп. (Мадрид, Прадо.)

Эзоп. Деталь.

Эль Примо.
(Мадрид, Прадо.)

Эль Примо.
Деталь.

Портрет Филиппа IV [«Ла Фрага»]. (Нью-Йорк, Собр. Фрик.)

Паблос из Вальядолида. (Мадрид, Прадо.)

Эль Бобо дель Корна. (Мадрид. Прадо.)

Портрет кардинала Борха. (Нью-Йорк, Собр. Девин.)

Дама с веером. (Лондон, Собр. Уоллес.)

Портрет Хуана Парехи. (Солсбери, Собр. лорда Раднор.)

Портрет
Иннокентия X.
(Рим.
Галерея Дориа.)

Портрет
Иннокентия X.
Деталь.

Портрет кардинала Памфили.
(Нью-Йорк, Испанское общество в Америке.)

Портрет инфанты Маргариты.
(Киев, Музей западного и восточного искусства.)

Портрет Филиппа IV. (Лондон, Национальная галерея.)

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я